

Макс Фрай

Обжора-хохотун

История, рассказанная сэром Мелифаро

Annotation

В этой книге сэр Мелифаро из Ехо расскажет историю о том, как он стал Тайным сыщиком, о смешливом призраке, о господине Королевском парфюмере, о воспитании разумной посуды, о самом чудовищном человеке в Соединенном Королевстве и других, не менее интересных вещах.

- [Макс Фрай](#)
    -
    - [ОБЖОРА-ХОХОТУН](#)
    -
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
    - [9](#)
    - [10](#)
    - [11](#)
    - [12](#)
    - [13](#)
    - [14](#)
    - [15](#)
    - [16](#)
    - [17](#)
    - [18](#)
    - [19](#)
    - [20](#)
-

Макс Фрай

Обжора-хохотун. История, рассказанная сэром Мелифаро

...all these moments will be lost in time...

«Blade Runner» by Ridley Scott

После полудня зарядил пестрый дождь. Струи у него вовсе не разноцветные, как можно подумать из-за названия, а просто разной температуры, ледяные, теплые и горячие — не кипятки, конечно, не ошпарят, а все-таки без зонта в такую погоду лучше не выходить.

Зонт в доме всего один, зато зеркальный. Франк когда-то побывал в городе, где в моде зеркальные зонты, захотел такой же, купил самый большой и сам оклеил его осколками маленьких зеркал, которые Триша по его просьбе сперва дюжинами скупала в галантерейных лавках, а потом аккуратно разбивала на кусочки, сложив в полотняный мешок и ласково постукивая молотком, почти плача от сочувствия, приговаривала: «Ничего, мои хорошие, потерпите, зато какая потом интересная будет у вас жизнь! Много-много разных отражений, это гораздо лучше, чем одно и то же лицо изо дня в день».

Франк за все время воспользовался зонтом раз пять, причем ходил с ним не в город, а по каким-то своим таинственным делам, о которых никогда ничего толком не рассказывает. А Триша чувствует ответственность перед зонтом, вернее, перед разбитыми зеркалами, которым когда-то пообещала интересную жизнь. И поэтому регулярно их выгуливает, иногда даже в хорошую погоду берет зонт с собой и раскрывает его на рыночной площади, на вершине горы, где живет Алиса, на заросшем розами и ежевикой острове у Короткого моста или в Поднебесном кафе, устроенном на крыше самого высокого дома, — отражайте на здоровье.

А уж в дождливую погоду Триша просто обязана выйти из дома с зонтом. Отлынивать от прогулки нельзя. То есть можно, конечно, но совестно. Поэтому приходится надевать высокие непромокаемые сапоги, босиком-то под пестрым дождем только плясать сподручно, потому что пяткам то нестерпимо холодно, то, напротив, горячо — поневоле

станешь подпрыгивать столь резво, что марионетки из соседней лавки уставятся на тебя с завистью, а их хозяйка, тетушка Уши Йоши, с жалостью, уж ей-то известно, что по доброй воле так никто не скачет.

Сапоги Триша не любит и поэтому никогда не помнит, куда их задевала. И не понимает, какой логикой руководствовалась, когда спрятала левый сапог в шкаф, а правый... Куда она сунула правый — ответ на этот вопрос неведом даже Франку, который знает все на свете (и кое-что во тьме, добавил бы он сам). Поэтому сейчас Франк сидит за столом и с неподдельным интересом наблюдает, как Триша носит по дому в одном сапоге, со сложенным зеркальным зонтом под мышкой. Она и сама не отказалась бы поглядеть, как это выглядит со стороны. Судя по выражению лица Франка, захватывающее зрелище.

— Вспомнила! — сама себе не веря, восклицает Триша. — Вспомнила! Сейчас!

Она выскакивает в коридор так стремительно, что тень ее испуганно шарахается от дверного косяка — нет уж, лучше я тут подожду, — и возвращается с победой, все еще в одном левом сапоге, но торжествующе размахивая его беглым близнецом.

— Ну конечно! Я же вазу из него сделала.

Опьяненная успехом, Триша говорит гораздо громче, чем обычно. Франк приподнимает бровь, всем своим видом изображая заинтересованность.

— Цветы, — объясняет Триша. — Не знаю, как называются. Белые и лиловые, на высоких стеблях. Помнишь? Красивые! Принесла их с рынка, и оказалось, все наши вазы для них слишком короткие. А кухонную посуду ты для букетов брать не велел. И я решила — поставлю в сапог. Они у меня как раз высокие. И непромокаемые. Значит, воду набрать можно. И набрала, и прекрасно стоял букет!

— Не сомневаюсь, — мягко говорит Франк. — На его месте кто угодно прекрасно стоял бы. В такой замечательной вазе что ж не постоять.

Трише ясно, что Франк над ней смеется. Но это совсем не обидно. Даже наоборот. Сразу чувствуешь себя полезной, вон какое хорошее дело сделала — целого Франка насмешила. Молодец, хорошая кошка, теперь можно и погулять.

— Я скоро вернусь, — говорит она. — Ну, до ужина точно вернусь.

— Конечно, ты вернешься до ужина, — соглашается Франк. — Довольно затруднительно приготовить ужин, вернувшись после него. Даже у меня так не получается.

— Ой, а надо будет приготовить? Я думала, ты сам.

— Помощь мне сегодня не помешает. Клиентов я, если что, и без тебя покормлю, но если вечером сюда заявится гость, хотелось бы иметь под рукой что-нибудь этакое.

— Гость? Хорошо бы! Давно уже у нас никого не было. Я имею в виду, никого **такого**.

— Никого, кто рассказывает истории, — кивает Франк. — Это непорядок.

— Я думала, Макс человек сто в гости позовет, — вздыхает Триша. — Или даже больше. Будут ходить и ходить, один за другим, пока твои пригласительные открытки не закончатся. А потом Макс попросит еще стопку, и ты, конечно, дашь. А ему, получается, никто не нужен?

— Нужен, не нужен — это он пусть сам разбирается. Я знаю одно: чтобы звать гостей, надо самому сидеть дома. А этот трюк удастся Максиму гораздо хуже прочих.

— Какой трюк?

— Подразумевается, что наш друг не слишком преуспел в искусстве домоводства, — высокопарно говорит Франк. — Чего смеешься? Для него подолгу оставаться на одном месте — нелегкая задача. Впрочем, Макс делает некоторые успехи. По крайней мере, раз в несколько дней более-менее вовремя является к ужину. В его случае это примерно так же непросто, как для тебя — спать на потолочной балке.

— Ну, я вообще-то могу там спать, — напоминает Триша.

— Конечно можешь. Но не делаешь. Потому что в кровати гораздо удобнее. Вот и ему...

— Гораздо удобнее не возвращаться домой к ужину? Надо же, — вздыхает Триша.

— И подружка у него такая же непоседа, — поразмыслив, добавляет Франк. — Очень удачно получилось.

— Меламори как раз не настоящая непоседа. Говорит, будь ее воля, первую дюжину лет путешествовала бы исключительно из нашего сада за мороженым и обратно. Но ты же сам видел, какой у нее начальник. Сказал — погуляла, и хватит. Ночуй где хочешь, да хоть на границе между светом и тенью, а на службу являться изволь.

— Да, с таким, пожалуй, не забалуешь, — соглашается Франк. — Ни в чужом пространстве, ни в ином времени не спрячешься, а уж за чертой, отделяющей сбывшееся от несбывшегося, и подавно не отсидишься. Да и где она теперь, эта черта. Если дальше так пойдет, сбудемся окончательно и бесповоротно. Ты как на это смотришь?

Триша не очень любит такие разговоры. Но на прямой вопрос надо отвечать.

— Я и так уже сбывлась, давным-давно. Вот она я — теплая, твердая, с утра пирог ела и чай пила, а потом посуду помыла, — тебе мало? И теперь стою тут в сбывшихся сапогах, со сбывшимся зонтиком, сама сбывшаяся от пяток до макушки, с тобой разговариваю, вместо того чтобы идти гулять, как собиралась... Интересно, а дождь не закончился, пока я обувалась?

— Какое там, — улыбается Франк.

Он прав. Пестрый дождь — это обычно надолго. Скорее всего, до ночи, а может быть, и до завтрашнего утра. Зато зонт, похоже, доволен.

— Смотри, — говорит ему Триша, — ты только смотри!

И прибавляет шагу, благо улица идет под уклон. Мимо лавки тетушки Уши Йоши, мимо дома неизвестного трубача — никто из соседей никогда его не видел, зато часто слышно, как он играет, — мимо витрины портного Леонида, где стеклянные манекены приветливо машут прозрачными руками всякому прохожему, мимо Птичьей кондитерской — сорок сортов прекрасных крошек от пирожных и кексов! — мимо фонарной мастерской и художественной галереи, где сейчас красуются расписные мячи из холста, их создатель, лысый мужчина с мальчишеским лицом и большими сильными руками, перед открытием выставки каждый день завтракал в «Кофейной гуще», а теперь куда-то пропал. А вот здесь можно свернуть направо, в переулок, где только сады за невысокими оградами, и перейти на бег, тогда в осколках зеркал отразятся не цветы и не листья, а густой зеленый ветер, им должно понравиться, думает Триша, мне бы точно понравилось, если бы я была зеркалом, или зеркальным зонтом, или просто человеком, бегущим с раскрытым зеркальным зонтом в руках... эй, но я сейчас и есть такой человек! Окончательно и бесповоротно сбывшийся человек, что бы там ни говорил Франк. Везет же мне!

Триша смеется от полноты чувств и, добежав до конца переулка, замедляет шаг. По этой людной улице надо идти не спеша и смотреть по сторонам, чтобы все увидеть, ничего не упустить. Женщина с лицом, сшитым из зеленой парчи, развешивает на бельевой веревке чьи-то старые, явно доставшиеся ей по случаю воспоминания, и правильно делает, всякая хорошая хозяйка знает, что под дождем они истончаются до прозрачности и становятся впору новому владельцу. Веселый старик в пижаме, расшитой звездами и полумесяцами, грызет кукурузный початок,

укрывшись под навесом на веранде несуразного пестрого, словно бы из детских кубиков построенного дома. Уличный музыкант в прозрачной непромокаемой накидке до пят самозабвенно пляшет в самом центре глубокой лужи, ловко подставляет брызгам свой барабан, чтобы они отбивали ритм. Высокий небритый толстяк стоит посреди улицы, в левой руке у него большой черный зонт, в правой — маленький красный, под которым благодарно трепещет целое облако бабочек. Владельцы кафе спешно выносят на улицу бидоны и банки, запасают впрок сладкую дождевую воду, — Трише-то хлопотать не приходится, у них с Франком в саду стоит бочка, такая огромная, что еще ни одному ливню не удалось наполнить ее до самых краев.

И дальше, дальше, к реке. По какому из мостов переходить на другой берег — вот вопрос, ответ на который никогда не известен заранее. На Садовом мосту сейчас все цветет, там витает аромат мокрой зелени и горького речного меда, на Птичьем щебечут говорливые стеклянные снегири, Веселый сплетен из толстых канатов и качается так, что поневоле ухватишься за перила, а на Рыночном сейчас наверняка натянули непромокаемые пестрые тенты и вовсю торгуют печеными орехами, мокрыми букетами, жареными колбасками и имбирным чаем. Поди тут выбери! И как же хорошо, что есть еще Безымянный мост, каменный, высокий, изогнутый, как подкова, ничем не украшенный, почти всегда пустой. С него открывается самый лучший вид на оба берега и на все остальные мосты сразу. Если бы Триша гуляла одна, она бы еще долго выбирала, но поскольку с нею охочий до зрелищ зонт, принять решение очень просто.

— Смотри, какое все, — говорит Триша, ступая на скользкие камни Безымянного моста. — Ты только посмотри! Это наш берег, там большие садов, и дома построены из чего попало, добрая половина, похоже, просто приснилась своим владельцам, потому что я совершенно не представляю, как такое можно сделать руками. А на другом берегу дома высокие и красивые, они немного похожи один на другой, зато на крышах цветная черепица, мне больше всего нравится синяя, а тебе?

Зонт молчит, но, похоже, ему тоже нравится синяя черепица, и вообще все.

— Соседний мост, где много народу, — это Рыночный, мы с тобой по нему уже однажды ходили, — продолжает объяснять Триша. — А с другой стороны — Совиный, он узкий и очень красивый, но совы там не живые, а каменные, на своих головах они держат перила. А это лодка Ари, я его немножко знаю, у него коса до земли и огромный белый кот с желтыми

глазами, ходит за хозяином как привязанный, они, похоже, никогда не расстанутся. Надо же, не думала, что Ари в такой дождь станет кататься... А другая лодка я не знаю чья, но какая же красивая! Красная, и ящик с цветущими розами на корме, видишь? А это — видишь, там, далеко-далеко на вершине горы? — дом Алисы. Мы с тобой у нее уже были, и еще пойдем обязательно. А это... Ой.

Так увлеклась собственной болтовней, что врезалась в человека, стоящего у парапета. Смутилась ужасно, надо же, какая неуклюжая и рассеянная. Открыла было рот, чтобы извиниться, и только тогда узнала свою жертву. Обрадовалась, конечно, но и удивилась изрядно и от растерянности затараторила, обращаясь к зонту:

— А это у нас Макс, который уже три дня подряд дома не показывался, даже к ужину не приходил. Вы с ним, как я понимаю, знакомы. По крайней мере, живете по соседству, а значит...

Она осеклась, сообразив, что говорить в такой ситуации следует все-таки не с зонтом, а с человеком.

— Как же ты в такой дождь без зонта гуляешь?

— А здесь нет дождя. — Макс говорит так тихо, что проще прочитать по губам, чем услышать. Растерянно моргает, как будто только что проснулся, смотрит на Тришу как на чужую, с доброжелательным, но отстраненным интересом. Дескать, кто это такой хороший к нам пришел?

— Ну как же нет, когда... — Она вытягивает руку, чтобы подставить ладонь под горячие и ледяные капли, и растерянно умолкает на полуслове. Похоже, **тут** действительно нет дождя. Везде есть, вон как кипит под тугими струями река, сияют и трепещут мокрые камни моста, бегут пенные ручьи по тротуарам, но здесь, рядом с Максом, сухо, словно над ним тоже раскрыт зонт — невидимый и очень большой, метра три в диаметре.

— А можно рядом с тобой постоять? — спрашивает Триша. — Или ты?.. Или я не?..

— Я не «или» и ты не «или», — улыбается Макс. — Можно. Все можно — здесь и сейчас, тебе.

— Всё? Получается, спросить тоже можно? — уточняет Триша.

— Конечно. Только учти, ответов у меня немного. Хорошо если дюжина наберется — на все возможные вопросы. Хотя сейчас вполне можно было бы обойтись и одним — «не знаю».

Хитрый какой. Заранее выкрутился. Но упускать случай все равно глупо. Вдруг в последний момент передумает говорить «не знаю» и что-

нибудь расскажет.

Триша даже прижмурилась от смущения — все-таки не привыкла она допросы учинять — и выпалила:

— А почему тебя в последнее время почти не видно?

— Не знаю! — бодро рапортует Макс.

Чего и следовало ожидать. Вот как с таким разговаривать?

— Не сердись, Триша. Я правда не знаю, почему меня в последнее время не видно. Может быть, ты просто смотришь куда-то не туда? А может быть, меня действительно нигде нет? А может быть, я, наоборот, есть — везде одновременно. И когда ты смотришь на крышу чужого дома, соседского кота, торговку луком или витрину обувной лавки, то видишь меня, но сама об этом не догадываешься.

Иногда Макса совершенно невозможно понять. Вроде бы не насмехается над Тришей, не обманывает ее, не хитрит, напротив, старается что-то объяснить, но от его ответа все окончательно запутывается. Уж лучше бы промолчал или объявил, что его дела — это стррррашная-стррррашная тайна, и все были бы довольны, жили бы счастливо и умерли в один день, лопнув от любопытства.

— Не сердись, Триша, — повторяет Макс. — С некоторых пор я и себе-то ничего толком объяснить не могу — притом что прекрасно все понимаю, пока дело не доходит до слов. Со словами у меня сейчас неважные отношения. Нужных мне, похоже, вовсе нет в природе, а прочие разбегаются врассыпную, когда я зову их на помощь.

— Я не сержусь, — вздыхает Триша. — Если не можешь рассказать, почему домой так редко заходишь, — ладно, я сама что-нибудь придумаю.

— А, ты об этом спрашиваешь? — с явным облегчением выдыхает Макс. — Я, видишь ли, понял твой вопрос буквально. Думал, меня трудно разглядеть... Погоди, а разве я редко дома бываю? Мне казалось, каждый вечер прихожу к ужину, надоел уже вам с Франком хуже горькой редьки. Нет? Похоже, с чувством времени у меня сейчас тоже не все ладно. Ничего, скоро привыкну.

— Привыкнешь — к чему?

Макс хмурится, морщит лоб, рука его непроизвольно дергается, словно бы ловит разбегающиеся слова. И похоже, поймал пару-тройку дезертиров, потому что принялся объяснять:

— К тому, что эта реальность стала такой плотной, хоть ножом ее режь и на хлеб клади, а хочешь, заселяй, как заново отстроенный дом, — не смутными тенями и неразборчивыми голосами, а взаправдашними живыми людьми. И одновременно моя персональная реальность, обжитая

и, как мне всегда казалось, надежная, становится все более зыбкой. Туман, обитающий в вашем саду, по сравнению с ней — почти камень; тени бывших жильцов в пустующих домах по сравнению со мной — благонадежнейшие обыватели. Прежде было наоборот, а теперь — так как есть, и мне, пожалуй, нравится, только надо привыкнуть, научиться сохранять равновесие. Ничего, научусь. Куда я денусь... Не хмурься, Триша. Все это хорошие перемены. Ты даже не представляешь насколько. Впрочем, я и сам пока не представляю.

— Конечно хорошие, — убежденно говорит Триша. — Не могу вообразить, чтобы перемены — и вдруг к худшему. Мне рассказывали, что так бывает, но я, знаешь, не верю.

— Правильно делаешь. А теперь, если хочешь, можешь волочь свою добычу домой. Добыча не против.

— Кто не против? Кого надо волочь?

— Меня, — смеется Макс. — Я твоя добыча. Уж поймала так поймала, прямо на мосту. Молодец, хорошая кошка.

— Если ты моя добыча, — поразмыслив, говорит Триша, — и если я молодец, тогда, пожалуй, сперва отволоку тебя на тот берег. Хочу погреться у огня и мороженого. В городе есть только одно место, где можно получить то и другое одновременно. Пойдешь со мной?

— Еще как пойду. Если это то кафе, о котором я думаю, там еще и ром в кофе подливают не скупясь. Именно то, что мне сейчас требуется.

— А вот, например, гости, Макс, — говорит Триша. — Как же гости? Где они?

Камин, мороженое и кофе с ромом остались позади, зато впереди долгая прогулка под зонтом и наконец-то можно не раздумывать, выбирая мост, пусть Макс идет как хочет, ужасно интересно, каков будет его путь домой. Но поговорить про гостей — это еще интереснее. Триша вон сколько времени удобного случая ждала.

— Где они? — переспрашивает Макс. — Вот прямо сейчас? Даже и не знаю, что тебе сказать. Кто где, всяк на своем месте, как и мы с тобой. А что?

— Я имею в виду, почему к нам больше не приходят твои гости? Почему ты их не зовешь? Уже так долго...

— Долго? — искренне удивляется Макс. — Надо же, я думал, всего несколько дней. Этот город сейчас отнимает все мое внимание, вот в чем, наверное, дело. К тому же по вечерам часто появляется Меламори, рассказывает новости, сплетни и слухи, и от этого у меня ощущение, что

гости у нас практически всегда. У меня так точно.

— Ее новости даже мне слушать интересно, — кивает Триша. — Хотя я пока не всех ваших друзей знаю. Но никто не рассказывает **настоящие истории**. И Франк не достает из шкафа свои часы, в них нет нужды. И не варит «Огненный рай», потому что этот рецепт для особых случаев. Уже очень, очень давно, Макс! Сил моих больше нет ждать.

— Об этом я как-то не подумал. Извини. Ладно, будет тебе гость, нынче же вечером. Свежий, веселый гость, благоухающий тайнами. И кофе, насколько я помню, ему в свое время очень понравился. Решено, да будет так. Если уж я сегодня твоя добыча, надо стараться тебе угодить.

— Ура! — вопит Триша. — Ура, ура, ура!

На радостях пускается в пляс, размахивает руками, забыв, что зонт у них один на двоих и сейчас Макс по ее милости остался без укрытия, стоит, ежится под ледяными и горячими струями, но не сердится и не жалуется, а смеется, глядя, как счастливая Триша скачет по мостовой.

— Надо было раньше напомнить, — говорит он. — Со мной можно не церемониться. Даже совершенно необходимо не церемониться, а то видишь, как выходит, если меня оставить в покое.

— Прости, — говорит Триша, возвращая зонт на прежнее место. — Ох, прости. Ты же мокрый весь — из-за меня! Я думала, дождь над тобой никогда не идет, а он только на мосту не...

— Просто на мосту меня почти не было, — туманно объясняет Макс. — Так, бледная тень на дежурстве стояла, но ты ее углядела, молодец. Зато теперь, после кофе с ромом и твоей болтовни, дождю очень даже есть кого мочить. Вот он и расстарался. Ничего, ничего, вода мне только на пользу, и горячая, и холодная, а уж обе сразу, да за шиворот — слов нет, как это было вовремя!

— Тогда ладно, — соглашается Триша.

Ей бы впору растеряться от таких объяснений, но рядом с Франком Триша поневоле привыкла к непонятым разговорам и тревожным намекам, от которых шерсть на загривке дыбом — встала бы, если бы еще росла. Не поняла — вот и хорошо, переспроси, коли охота, получив ответ, всю ночь подскакивать от всякого шороха, а лучше пропусти мимо ушей, потом когда-нибудь вспомнишь и, может быть, сама все поймешь. А если забудешь навсегда — считай, повезло.

Вот и сейчас она отметила про себя: Макс, похоже, доволен, что промок, — а информацию про бледную тень выкинула из головы, пусть себе говорит что хочет, я-то знаю, никакая он не тень и на мосту был самый настоящий, я же своими глазами видела и за руку его брала, ну.

Квартала три Триша прошла, приплясывая, потом спохватилась:

— Слушай, а как это — нынче вечером гость? Ты же должен сперва отправить открытку, пока еще она дойдет... Получается, завтра?

— Сказал, сегодня, — значит, сегодня. — В голосе Макса звучит не то твердость уверенного в своем могуществе чародея, не то самое обычное упрямство. Немного помолчав, он добавляет: — На самом деле открытку отправлять совершенно не обязательно, достаточно сказать: «Сегодня вечером у нас будет гость» — и он придет. В этом городе мне чужое колдовство ни к чему, даже без помощи Франка, как выяснилось, можно обойтись, хоть и думал я поначалу, что он-то и есть настоящий хозяин. А оказалось, здесь у меня все выходит само собой, стоит только захотеть. Но лучше все-таки сказать вслух. Не знаю, как ты, а я никогда не уверен, чего на самом деле хочу, поэтому точная формулировка не помешает.

— Правда? — недоверчиво спрашивает Триша. — Надо же. А вот я могу хоть сто раз кряду сказать: «Посуда будет помыта», но пока не встану и сама ее не вымою, ничего не произойдет. И ладно бы только посуда...

— Зато ты хорошо знаешь, когда вышла из дома, помнишь, где была и что делала. И не рискуешь вернуться год спустя, не заметив, как он пролетел.

— Ну да. И что в этом особенного?

— Ничего. Но у меня, сама видишь, не всегда получается, — смеется Макс. И рассудительно добавляет: — Во всяком положении есть свои преимущества. Главное — не забывать ими наслаждаться.

— Я еще как наслаждаюсь, — кивает Триша. — А посуда — ну подумаешь, посуда. Мне совсем не трудно. Ни капельки.

— Дождь закончился, — говорит Макс. — Твой зонт не очень обидится, если я теперь из-под него выберусь?

— Он никогда не обижается. У моего зонтика очень хороший характер. Почти как у тебя. И знаешь что? Если уж нет дождя, давай пойдем самой-самой длинной дорогой, чтобы... ну... ну...

— Чтобы не ждать вечера, а просто гулять? — Макс сразу ее раскусил. — И прийти домой попозже, обнаружить, что скопилось куча дел, непонятно, как все успеть, зато глядеть на часы и волноваться будет некогда, да?

Трише только и остается, что молча кивать.

— Я такую длинную дорогу к вашему дому знаю — ты удивишься, — тоном заговорщика шепчет Макс. — Но к вечеру все же будем на месте, — добавляет он, увидев в ее округлившихся глазах немой вопрос: «Неужели

несколько лет идти будем?!»

До «Кофейной гущи» они добрались в самом начале сумерек, когда еще совсем светло, но по углам уже прячется синева, а вытянувшиеся тени становятся такими тонкими и прозрачными, что Триша старается двигаться плавно и осторожно, чтобы случайно их не порвать.

В кафе никого нет, хотя лампы уже зажгли, и рядом с плитой стоит еще теплая джезва, а на столе возле окна — две пустые чашки и тарелка с рубиновыми крошками смородинового печенья. Похоже, клиенты ушли совсем недавно, а Франк — где же Франк?

— Ну конечно, — вслух говорит Триша и устремляется в сад. У нее такие новости, такие новости! Совершенно невозможно ждать.

Франк, оказывается, вынес из дома стулья, расставил их у самой туманной стены, уселся там, как зритель в кинотеатре, купивший билет в первый ряд, а рядом — вот сюрприз! — устроился их старый друг Ахум. Когда-то он был постоянным клиентом «Кофейной гущи», а потом стал заходить все реже. Зато приносил Трише в подарок зеленые прозрачные конфеты и лиловые драгоценные камни, рассказывал сказки о далеких землях, где бескрайние равнины усыпаны самоцветами, как песком, а леденцы растут на деревьях и, созрев, падают в реки, поэтому каждую осень речная вода зеленеет и становится кисло-сладкой.

В последнее время Ахум совсем куда-то пропал, но теперь вдруг объявился, Трише на радость. Ну и день сегодня. Ну и день.

— Здравствуй, — кричит Триша. — Какой же ты молодец, что пришел! Хочешь, я чаю?.. Или?..

— С чаем можешь не спешить. Посиди с нами. Смотри, что я тебе принес, — и пересыпает в ее протянутые ладони мелкие черные ягоды, рассказывает: — В тех краях, откуда я их принес, у всех растений черные листья, стебли, цветы и плоды, трава — и та черная, как смола. Зато почва местами белая, а местами алая. И небо зеленое, как будто смотришь на него сквозь бутылочное стекло. Я хотел бы принести сюда весь этот мир, показать тебе, а потом аккуратно положить на место, но мир не поместился в карман. Пришлось ограничиться ягодами.

— Сладкие какие, — говорит Триша, отправляя гостинец в рот. — Это не страшно, что мир в карман не поместился, я уже и так его представляю, как будто видела. Спасибо тебе, Ахум.

На самом деле у него очень длинное имя. Вернее, целых четыре имени, но друзьям позволено обходиться одним, на выбор, и Триша всегда зовет его Ахум.

— Какая же ты стала красавица. — Он одобрительно цокает языком, качает головой, всем своим видом изображает восхищение. Ахума послушать, так Тришу уже давно впору на ярмарке показывать, чтобы у всех горожан появился шанс хоть раз в жизни такую красоту узреть. Но Триша знает, что он — ну не то чтобы обманывает, просто шутит так, посмеивается не то над ней, не то над собой, не то над всем миром сразу.

— Я какая была, такая и осталась, — улыбается Триша. — А почему ты так долго не заходил?

— Разве долго? — удивляется Ахум.

И этот туда же. Как сговорились. Неужели так трудно считать хотя бы дни, если уж часы слишком быстро улетают?

— Просто у всех разное время, — объясняет Франк. — Это только на первый взгляд кажется, будто время — общий для всех океан, где плаваем и мы с тобой, и наши друзья, и соседи, и жители других городов, стран, континентов, и даже обитатели иных Миров. А на самом деле сколько живых существ, столько потоков, которые несут нас — иногда параллельно друг другу, а порой в разные стороны. В такие моменты бывает очень непросто договориться о встрече, но мы, как видишь, худо-бедно справляемся. Хотя могли бы больше стараться, тут не поспоришь.

— Я не понимаю, — говорит Триша. — Но это, наверное, не очень важно вот прямо сейчас, когда мы все уже встретились. Ты дома, Ахум пришел к нам в гости, а еще я Макса увидела на Безымянном мосту и привела с собой. А кстати, где же он? В кафе остался, получается? Интересно, что он там делает?

— Как — что? Сидит и хочет кофе, — смеется Франк. — Долго же ему ждать придется!

— О, вот вы где, — говорит Макс.

Вопреки предсказанию Франка, он не стал ждать, когда кто-то из хозяев вернется в дом, сварил кофе сам и с кружкой в руках отправился на поиски. И вот, пришел сюда, такой молодец.

— Франк, я только что согрешил с твоей плитой, — скороговоркой сообщает он. — Плита осталась довольна, предлагала никому ничего не рассказывать и при случае повторить, но я все же решил покаяться, снять камень с души, вместо которой у меня, подозреваю, черт знает что... Ох, ничего себе! Сэр Мелифаро, ты уже, получается, тут? Надо же, какая скорость. Даже от тебя не ожидал. Здраваться-то будем?

Это что же, изумленно думает Триша, выходит, они уже знакомы? Когда успели? И где? И как? И почему Макс называет Ахума чужим

именем? Я вроде бы все четыре помню, и они совсем другие.

— Я не тот, кого ты ждешь, — отвечает Ахум. — Но поздороваться — такое дело, никогда не помешает.

— погоди, как это — не тот? Быть того не... Хотя... Да, кажется, начинаю понимать.

— Вот то-то же, — улыбается Ахум. — Мы с тобой действительно встречались прежде. Несколько раз, но всегда мельком. Зато как ты на меня при этом смотрел, никогда не забуду. На мне только что одежда не дымилась, но к тому шло.

— Ну а чего ты хотел. И сейчас-то не каждый день на двойников своих приятелей поглазеть удастся, а по тем временам зрелище было и вовсе из ряда вон. Как в первый раз не рехнулся по дороге на Темную Сторону, на вас с сэром Мелифаро глядя, до сих пор не понимаю. Впрочем, поводов рехнуться у меня тогда было в день по дюжине, один другого слаще... А сюда ты, выходит, вместо Мелифаро пришел? Ну надо же. Ловко этот хитрюга выкрутился. Я-то думал, он будет рад возможности повидаться.

— Не так все просто, — говорит Ахум. — Я здесь не вместо него, а вместе с ним. Стражи на такие прогулки поодиночке не ходят. Хотя я, как видишь, все же зашел пораньше. У меня тут тоже старые друзья, так уж все удачно совпало.

— Слушай, а тебя же, наверное, как-то зовут? Я имею в виду, ты не...

— Совершенно верно. Имя у меня свое, как и все остальное. Ахум Набан Дуан Ганабак, к твоим услугам.

— О, — уважительно вздыхает Макс. — О-о-о-о. Вот это имя так имя. Теперь я понимаю, почему бедняге Мелифаро приходится довольствоваться одной фамилией. Твоих имен на двоих с избытком хватит. Вот ему паек и урезали — для равновесия.

— Думаю, так и есть, — соглашается Ахум. — Вселенная, похоже, просто помешана на равновесии. Хлебом ее не корми, дай все уравновесить. Тьму светом, пустоту изобилием, вечность временем, а...

— А всякое живое существо — Тенью, — подхватывает Франк. И, подмигнув Макс, лукаво добавляет: — Но Стража, как их называют твои учителя, можно уравновесить только хорошим полновесным двойником. А как иначе? Если такого не разделить пополам и не рассовать по разным карманам реальности, с ним никакого сладу не будет. Вселенная не терпит совершенства, и она знает, что делает. В этом вопросе я целиком на ее стороне.

— Всегда очень хотел во всем этом разобраться, — вздыхает Макс. — Понять, как устроены Стражи. Вроде бы не моего ума дело, меня не касается, но сил же нет как интересно. Можно я буду тебя расспрашивать, Ахум Набан Дуан Ганабак? Или ты сам, без вопросов все расскажешь?

— Могу и рассказать. Но вряд ли я утолю твоё любопытство. Я не любитель исследовать собственную природу и размышлять о своём месте во Вселенной. Живу как вздумается и как получится, просыпаюсь сегодня здесь, завтра там. Не могу сказать, что это всегда зависит от моего выбора, но мне, в общем, все равно — все нравится, все подходит, лишь бы не угораздило однажды угодить в сбывшееся, определенное, окончательно осуществившееся. Воздух там гуще, чем моя кровь, свет слишком сладок, а тьма звенит так пронзительно, что барабанные перепонки рвутся. Совершенно невыносимо. Собственно, мне и здесь-то с некоторых пор бывает довольно затруднительно. Разве только в саду у Франка посидеть могу — на самой границе. На границе мне легко дышится, всякая граница — моя земля, мое вечное королевство, источник жизни, дом. О границах я знаю очень много и могу говорить бесконечно. Но ты, как я понимаю, хочешь узнать не о границах, а обо мне. Вернее, о своём друге, который очень скоро сам здесь объявится. И тоже ничего толком тебе не объяснит. Потому что, как и я, преуспел в изучении окружающего мира, но не собственной природы. Уж я-то его знаю.

— Могу понять вас обоих, — кивает Макс. — Если бы кто-то принялся расспрашивать, как устроен я сам, пришлось бы отправлять его к специалисту — например, к мудрому Франку. Я-то и двух слов не свяжу, даже наедине с собой до смешного косноязычен. А от других почему-то жду внятных разъяснений.

— К мудрому Франку, значит, отправил бы. Экий ты, оказывается, дипломат, — смеется Франк. — Ловко ввернул похвалу и ждешь теперь, что я сам, без дополнительного приглашения все тебе про Стражей растолкую. Такое нахальство заслуживает поощрения, но мне, строго говоря, и сказать нечего, кроме того что ты уже и сам понял. Время от времени рождаются такие существа, половинки целого, близнецы, разлученные навек, окончательно и бесповоротно, потому что один из них может жить и действовать лишь в сбывшейся, овеященной реальностью, на лицевой, так сказать, ее стороне, а второй — только на переменчивой изнанке вещей, в темных щелях между замыслом и рождением, обещанием и осуществлением. Но Страж не был бы Стражем, если бы близнецы время от времени не встречались на границе

между тем и другим. Только там, на границе, в единстве с самим собой и обеими сторонами реальности проходит настоящая жизнь Стража, а все остальное — пауза, предназначенная для отдыха и развлечений, возможность набить положенные шишки и набраться сил, накормить сознание опытом, занять разум игрой, да мало ли что еще можно придумать, чем бы Страж ни тешился, лишь бы не тосковал о себе... И я, конечно, совершенно напрасно сказал «там» — здесь, в моем саду, как раз и пролегает граница между сбывшимся и несбывшимся, вероятным и невозможным, объяснимым и непостижимым. Для того он и нужен, поэтому я тут, и «Кофейная гуца» открыта в любое время суток, и чайник томится на плите — для тех, кто осознанно или по неведению пересек эту границу, наяву ли, во сне ли, не имеет значения, тут у нас сон и явь — одно и то же, а дружеский прием, глоток горячего питья и разумные речи нужны всякому путнику. С нами они уж точно не пропадут, не заблудятся, не лишатся разума, не превратятся в неугомонные бездомные тени, которые только и ждут случая досадить своим соседям. Впрочем, все это ты и сам уже знаешь. И сформулировать смог бы, пожалуй, не хуже моего. Ничего нового я сейчас не сказал.

Макс, может, и знает, зато Триша слушает разинув рот. Никогда прежде Франк не объяснял ей, почему они тут живут и зачем нужна «Кофейная гуца». Да ей бы и в голову не пришло расспрашивать — есть, вот и хорошо, существование само по себе ответ на всякий вопрос о смысле. Но если уж Франк рассказывает, надо слушать, любая кошка знает это правило: дают — бери, не можешь съесть сейчас, припрядешь до поры, рано или поздно пригодится, отыщешь и спасибо скажешь, а как иначе.

— Ну вот, дождались. Скоро будет полный комплект, — будничным тоном говорит Ахум.

Встает и делает шаг в туман, и еще один, и еще, и Триша почему-то зажмуривается — именно теперь, когда его уже все равно не видно, и вообще ничего особенного, только туман, к которому она давным-давно привыкла, — с трех сторон у нас забор, а с четвертой туман, обычное дело, а что ж.

— Ты чего это? — удивленно спрашивает Макс.

— Просто отдыхаю, — объясняет Триша.

— От впечатлений, — подсказывает Франк. — Поняла, что с нее на сегодня хватит. Триша у нас молодец, свою норму знает, и это выгодно отличает ее от подавляющего большинства мыслящих существ. — И, погладив Тришу по голове, говорит ей: — Ступай-ка ты, девочка, на кухню.

Ужин-то никто не отменял. А у нас ничего не готово, кроме сливового пирога. Я его еще днем испек, для клиентов, а они на печенье налегали все как один, так что пирог нам остался — почти целиком. Но этого все равно мало.

— Конечно мало. Что еще приготовить? Может, лисий салат из курятины и лесных ягод? И омлет — это быстро, даже если по твоему рецепту все делать. Доверишь?

— А что ж, пожалуй, доверю, — поразмыслив, кивает Франк.

Триша несетя в дом, окрыленная его согласием. И только на пороге кухни останавливается и думает: а все-таки надо было еще немножко задержаться, посмотреть, кто выйдет из тумана — сам Ахум, или его двойник, с которым, оказывается, дружит Макс, или оба сразу? И если оба, то как они будут себя вести? И что на это скажет Франк, и какое лицо будет у Макса, и о чем они все станут говорить? Наверное, еще можно вернуться, невелика беда, если салат с омлетом будут готовы на четверть часа позже. Но возвращаться ей почему-то совершенно не хочется.

— Давай ты посмотришь, если уж я занята, — говорит Триша зонту, вынося его за порог. Ловко вскарабкавшись на яблоню, вешает зонт на ветку, повыше, чтобы уж точно все разглядел.

Идет в кладовую за яйцами, складывает их в лукошко, ставит его на стол и снова бежит в сад, к дереву, на котором остался висеть ее зеркальный зонт.

— Ты только не подумай, что я испугалась, — говорит Триша. — Нечего тут бояться. Наоборот! Только, понимаешь, я хочу узнавать обо всем понемножку. Потому что если увижу и услышу все сразу, оно в меня не поместится. Я не лопну, конечно, но ничего толком не пойму, не запомню, и получится, что все было зря. А я так не хочу. Понимаешь?

Зонт, конечно, помалкивает, такова уж его бессловесная природа. Зато зашелестели листья яблони, а ведь ветра совсем нет. Значит, понимает, думает Триша. Еще бы он не понимал!

— Ты самый прекрасный и умный зонт в мире, — прочувствованно говорит Триша. — Сказал бы мне кто раньше, что такие бывают, ни за что бы не поверила.

Когда заскрипела входная дверь и зазвучали голоса, Триша уже закончила смешивать заправку для салата и принялась взбивать яйца, поочередно добавляя в них двадцать семь обязательных приправ, строго по порядку, как Франк учил.

— Пожалуйста, не отвлекайте меня сейчас, — говорит она, не поднимая глаз на вошедших. — А то собьюсь, перепутаю, и будете потом есть невесть что вместо настоящего омлета, а я умру от стыда... И пожалуйста, снимите кто-нибудь зонт с яблони. Он там довольно высоко, но с тропинки сразу разглядите, он на виду висит.

— А как зонт вообще оказался на дереве? — спрашивает кто-то из вошедших.

— Я его туда повесила, — говорит Триша, перебирая банки с пряностями, бормоча про себя: «Кумин, сейчас кумин, а после него шафран». И, спеша предотвратить дальнейшие расспросы, добавляет: — Чтобы он на вас смотрел, пока я занята.

Скрип двери, удаляющиеся шаги, пауза, кладем белый перец, опять шаги, теперь приближающиеся, розовый перец, а следом за ним зеленый, снова скрип, шелест и приглушенный стук — дело сделано, зонт вернулся домой, висит на крюке под потолком, это его любимое место. Черный кунжут надо сыпать щедрой рукой, но позже, когда омлет уже будет на сковороде. И все! Ничего не перепутала, уфф.

— Уфф! — вслух говорит Триша и только теперь оглядывает вошедших. Их по-прежнему трое: Франк, Макс и... И?

— Мы уже знакомы или еще нет? — спрашивает Триша, ощущая себя полной идиоткой. Никогда бы не подумала, что однажды станет всерьез старого друга расспрашивать, знакомы они или нет.

— Представь себе, я задал ему ровно тот же вопрос, — смеется Макс. — Слово в слово.

— И что он тебе ответил? — спрашивает Триша, водружая на плиту самую большую сковородку. — И какой ответ получу я?

— Ответ в обоих случаях один и тот же, — говорит Ахум. — Конечно, мы знакомы с тобой, Триша. Но и с Ночным Кошмаром тоже — давным-давно. Даже не знаю, с кем дольше.

— А при чем тут ночные кошмары? — изумляется Триша. — С каких это пор они тебе снятся, Ахум? Или ты все-таки не?..

— Я — оба сразу, — объясняет старый друг, он же незнакомый гость. — Иными словами, я — это просто я, наконец-то. Всё на месте и ничего лишнего. А Ночной Кошмар, единственный и неповторимый, — это у нас сэр Макс. Он же кровожадное чудовище, он же дикое дитя степей, он же властелин несметных россыпей менкальего навоза, он же...

— Ну все, понеслось, — ухмыляется Макс. — Франк, ты, кажется, говорил, что Стражи — существа настолько совершенные, что Вселенная не может этого выносить? Полностью разделяю ее чувства.

Но Триша его почти не слушает.

— Оба сразу, — повторяет она вслух. — Оба сразу, надо же. Не понимаю, как это. Не могу вообразить.

— А тут и вообразать нечего, — мягко говорит гость. — Я — это просто я. Как ты — это ты, Триша. Ничего сложного.

— Ладно, спрошу иначе, — вздыхает она. — Завтра или послезавтра... Словом, потом, когда ты отсюда уйдешь, кто будет вспоминать этот вечер? Ахум или друг Макса?

— Оба. — Он улыбается до ушей, довольный, что снова ее озадачил. — Потому что Ахум и друг Макса — это один человек. Просто всем остальным кажется, будто нас двое. И нам самим тоже так кажется, почти всегда. Но не сейчас, хвала Магистрам, не сейчас!

Это выражение — «хвала Магистрам» — Триша от Ахума прежде не слышала. Зато так часто говорит Макс, и все его гости тоже.

— Так странно, — вздыхает она. — Вроде бы ты и в то же время не ты. Совершенно непонятно, как теперь с тобой быть. Я даже не могу решить, стесняюсь я тебя или нет, представляешь?

Он укоризненно качает головой:

— Ты уже меня когда-то стеснялась, целый вечер, когда я впервые сюда зашел. Да так, что кружку с чаем мне на колени опрокинула. А сегодня у тебя в руках огромная сковорода, поэтому даже не вздумай!

— Тогда ты подарил мне кольцо для сна, — вспомнила Триша. — Такое невзрачное, скрученное из проволоки и ниток. Я его до сих пор часто на ночь надеваю, и тогда во сне у меня на пальце появляется перстень с большим синим камнем; поглядев на него, сразу вспоминаешь, что спишь и видишь сон, и спать становится гораздо интереснее. Да, уж ты умеешь делать подарки!

— Рехнусь я, вас слушая, — смеется Макс. — Только что мы душевно беседовали о менкальем навозе, и все было хорошо. А теперь я понимаю, что сэр Мелифаро — не совсем тот самый сэр Мелифаро, который... Может, мне тоже начать стесняться?

— Да на здоровье. Пока у тебя в руках ни сковородки, ни даже кружки с чаем, это совершенно не опасно.

— Омлет почти готов, — объявляет Триша. — Салат и пирог уже на столе. Осталось дожидаться Меламори, и...

— Если ее ждать, пирог зачерствеет, салат прорастет, а из омлета вылупятся жареные цыплята, — говорит Ахум. — Леди сейчас так завалена работой, что для нее не только между Мирами прогуляться, но и пообедать проблема. Страшная месть шефа за затянувшиеся каникулы. А

вы тут этого людоеда, рассказывают, какими-то неопишными напитками угощали. Я тоже хочу.

Все-таки очень удивительно узнавать от старого друга Ахума о том, как дела у Меламори. От этого у Триши голова кругом идет. Хорошо, хоть за омлетом следить надо, нельзя по-настоящему прийти в смятение, когда у тебя еда на плите. Но омлет скоро дожарится — и что тогда?

— Будут тебе напитки, — говорит Франк. — Кофе и все, что пожелаешь. Но учти, за напитки тут принято платить историями. Что до меня, я предпочел бы историю сэра Мелифаро. О жизни Ахума Набана Дуана Ганабака я и так знаю немало. А вот сэр Мелифаро для меня пока темная лошадка.

— Ладно. История сэра Мелифаро, пусть так. Я сегодня на диво покладистый, даже неловко немного перед беднягой Ночным Кошмаром. Он-то небось рассчитывал как следует побраниться со мной после долгой разлуки, а я не в форме.

— Ничего страшного, — тоном благовоспитанного ребенка, которому не купили обещанное мороженое, говорит Макс. — Я как-нибудь потерплю.

История, думает Триша. Конечно, будет же история. Вот и ответ на вопрос, что делать, когда дожарится омлет. Слушать, что ж еще? И какая разница, кто рассказывает.

— Нынче вечером сбылись сразу две мои сладчайшие мечты, — говорит Ахум-Мелифаро, подкладывая себе очередную порцию салата. — Не могу сказать, что жизнь моя вовсе лишилась смысла, но надо будет срочно придумать что-нибудь новенькое, столь же несбыточное, чтобы хоть на пару-тройку лет хватило.

— Небось пожрать хотел в таком виде? — ухмыляется Макс. — Во всей, так сказать, полноте?

— Вечно с тобой так. Вроде балбес балбесом и в людях совершенно не разбираешься, а стоит расслабиться, и — хлоп! — вдруг выясняется, что ты читаешь меня, как открытую книгу. Никогда не мог к этому привыкнуть.

— Хочешь сказать, я угадал?

— Почти. Не то чтобы я хотел именно пожрать. Но разнообразия ради обрести целостность не в пустоте бесконечных коридоров, пролегающих между Миром и его Темной Стороной, а в каком-нибудь приятном местечке вроде этого вашего трактира и развлекаться, вместо того чтобы стоять на страже, — о да, о такой возможности я мечтал с

того самого дня, как впервые попробовал на вкус свое подлинное предназначение. Сказать, что я сейчас счастлив, будет изрядным преуменьшением. Я и слова-то подходящего не знаю.

— Да, — кивает Франк, — такие каникулы совершенно необходимы Стражу. Рано или поздно ты бы, не сомневаюсь, изыскал способ приятно провести время с самим собой и подходящее место. Но я очень рад, что это впервые случилось с тобой именно в моем доме. Я, можно сказать, коллекционирую события, которые **имеют значение**. Большая редкость, ни на одном известном мне блошином рынке не отыщешь, об антикварных лавках уже и не говорю.

— А вторая мечта? — нетерпеливо спрашивает Макс. — Ты сказал, их две. И насчет второй у меня ни единой стоящей версии. Хороша «открытая книга», в которой добрая половина страниц не разрезана!

— На самом деле ты вполне мог бы догадаться. Хочешь подсказку? Эта мечта принадлежит только сэру Мелифаро из Ехо. Ахуму такое и в голову не пришло бы.

Макс хмурит лоб, чертит вилкой узоры на столешнице, исцарапанной сотнями его предшественников, которым тоже было о чем подумать, сидя за этим столом, Триша тому свидетель.

— Нет, не знаю, — наконец говорит Макс. — Давай уж, колись. Могу за это отдать тебе свою порцию — а пироги у Франка такие, что я бы на твоём месте не торговался.

— Ладно, не стану. А все равно удивительно, что после стольких лет знакомства ты не догадался, что больше всего на свете мне хотелось, чтобы однажды ты уставился на меня, открыв рот от восхищения. Но так ты глядел только на нашего шефа, да и то по большим праздникам. А сегодня, когда я вошел в сад, ты смотрел на меня именно так, как требуется. И вид у тебя при этом был даже более идиотский, чем в моих самых упоительных мечтах.

Макс недоверчиво качает головой, улыбается, но только одной половиной рта, словно не решил пока, смешно ему или нет.

— Врешь небось, — говорит он. — А все равно мог бы выдумать что-нибудь более убедительное. Это же такая ерунда — как я на кого смотрю.

— Как по мне, вообще все ерунда. Без исключения. Но это совершенно не мешает мне радоваться, страдать, чего-то хотеть, чего-то бояться, любить, тосковать, торжествовать и злиться. Практика всегда гораздо глупее, чем теория, но значение имеет только она — наша подлинная живая нелепая жизнь. Что с нами происходит и как мы себя в связи с этим чувствуем — это действительно важно. А рассуждения по этому

поводу недорого стоят, даже самые разумные.

— Пожалуй. Но я все равно не понимаю, на кой черт тебе сдался мой восхищенный взгляд?

— Просто я сам пару раз на тебя так пялился. Захотелось сравнять счет.

— Ну надо же, — вздыхает Макс. — Ничего себе — «открытая книга». Могу представить, сколько еще сюрпризов меня сегодня ждет.

— Не можешь, — безмятежно улыбается гость.

А Франк уже ставит на плиту джеззу, а на стол — свои песочные часы. Сэр Мелифаро ничего не знает ни об этих часах, ни о возможности остановить время в отдельно взятом запертом помещении, прежде ему в голову не приходило, что можно вытворять подобные штуки. Зато о свойствах часов хорошо осведомлен Ахум. В сумме получается гость, который все прекрасно понимает и не задает вопросов, но смотрит очень внимательно — на часы и по сторонам, на тот случай, если какие-то из произошедших перемен окажутся зримыми.

— Ладно, — наконец говорит он. — Я и сам знаю, что дело за мной. Только чур часть платы вперед. Без глотка кофе я рта не раскрою.

— Можно больше чем глоток, — взволнованно говорит Триша. — Гораздо больше! Только не тяни.

ОБЖОРА-ХОХОТУН

История, рассказанная сэром Мелифаро

Мой отец прославился как великий путешественник и автор «Энциклопедии Мира», наиболее полного на сегодняшний день описания завиральных легенд, бессмысленных предрассудков, дурных манер и нелепых нарядов обитателей всех четырех континентов. А один из старших братьев, посвятивший свою жизнь высокому искусству морской охоты, хорошо известен населению вышеупомянутых континентов как гроза омывающих их морей. Может показаться, что я по-родственному преувеличиваю его заслуги, но факты говорят сами за себя: сэр Анчифа Мелифаро заочно приговорен к смерти во всех варварских землях, где еще в ходу обычай казнить пиратов, и к умопомрачительным штрафам в более цивилизованных странах. Профессор, чьи лекции по международному праву были столь увлекательны, что я посетил их не то три, не то целых четыре раза, считал, что на примере Анчифы очень удобно сравнивать законодательные системы разных государств, благо вреда он всем причинил примерно поровну, никого не обошел вниманием. Даже если у страны нет выхода к морю, ее смышленные граждане обычно изыскивают способ добраться до побережья, подняться на борт первого попавшегося корыта и таким образом приблизить день незабываемой встречи с моим знаменитым братцем.

В детстве я, понятно, был уверен, что тоже стану великим мореходом — пиратом или просто путешественником. Я не видел разницы между этими занятиями, хотя отец с братом хором утверждают, что ремесло пирата гораздо более надежное и прибыльное, чем полная опасностей, но практически не обремененная низменной выгодой деятельность исследователя.

«Великим» — это я ввернул для красного словца, на самом деле мало что интересует меня меньше, чем величие. Опера, кошачье дерьмо, вареная пумба — и, пожалуй, все. Мне даже в детстве было наплевать, прославлюсь я или нет, каких размеров памятник мне поставят на центральной площади и что в связи с этим подумают обо мне Его Величество Гуриг Восьмой, Завоеватель Арвароха Тойла Лиомурик Серебряная Шишка и мой блистательный братец Анчифа. Лишь бы мне самому нравилось, что я делаю, лишь бы это было интересно и увлекательно. Лишь бы не скучать.

Ничего не было для меня страшнее скуки. А испытывал я ее гораздо чаще, чем хотелось бы. Хотя развлекал себя изо всех сил.

Развлекать себя — это, можно сказать, главное дело моей жизни. Так уж я устроен.

Чем бы я ни занимался, я всегда одновременно наблюдаю за собой со стороны — натурально как зритель в театре. Вижу свои жесты, слышу реплики, оцениваю, сопереживаю. Но, увы, не могу ни уйти, ни даже отвернуться, когда представление мне не по вкусу. Зато могу вмешаться и на ходу переписать сценарий, если, конечно, хватит ума и таланта угодить самому привередливому в мире зрителю — себе.

Так было и в раннем детстве, и потом, то есть иначе просто никогда не было. Я долго не знал, что большинство людей устроено по-другому, а когда узнал, не поверил; в конце концов я принял эту концепцию к сведению, но до сих пор с трудом представляю, каково это — не видеть себя со стороны. И как вам всем при этом удается время от времени сносно выглядеть, говорить забавные вещи и делать красивые жесты. Для кого старается тот, кто лишен самого главного, бесконечно заинтересованного и пристрастного, единственного имеющего подлинное значение зрителя? Этого я до сих пор толком не понимаю.

Я-то всегда старался для самого себя, вернее, для своей половины, неподвижной, сосредоточенной, пристрастной и чрезвычайно заинтересованной в происходящем. Об окружающих я поначалу не задумывался вовсе, а когда все-таки задумался, решил: что хорошо для меня, сойдет и для них, а кому не нравится, пусть идет в оперу. Лично я не любитель громкого пения и патетических гримас, но многим, говорят, это по вкусу.

Незадолго до моего рождения отец отправился в свое знаменитое кругосветное путешествие и счастливчика Анчифу с собой прихватил. Дома с мамой остался мой самый старший брат Бахба, он единственный в семье в полной мере унаследовал добродушный нрав наших предков эхлов [\[1\]](#), их внушительные размеры и сверхъестественные способности к ведению натурального хозяйства. Собственно, только благодаря Бахбе наше имение до сих пор не пошло прахом, несмотря на совместные усилия безалаберных родителей и дотошных чиновников из Управления Больших Денег.

Братец Бахба всегда старался любить меня на расстоянии: я для него даже сейчас слишком шустрый, а уж в детстве моя прыть, надо думать, приводила его в ужас. Поэтому мама была вынуждена справляться со мной

в одиночку; о том, как это было непросто, свидетельствует тот факт, что бедняжка так и не нашла времени придумать мне имя или хотя бы выбрать одно из тех, что предлагал отец, — он, как это часто бывает, слишком увлекся процессом и вносил до полусотни предложений в день до тех пор, пока идея давать ребенку какое бы то ни было имя не начала вызывать у обоих родителей непреодолимое отвращение. По их милости я так и живу безымянным; впрочем, окружающие считают, что в этом есть некоторый шик.

Позже мама приложила немало усилий, чтобы убедить себя и других, будто мое детство вовсе не было для нее бесконечным кошмаром. Это у нее более-менее получилось, по крайней мере, истории о моих выходках теперь звучат в маминых устах почти так же забавно, как хроники магических войн эпохи Ульвиара Безликого. И глаз у нее при этом уже почти не дергается, и подбородок не дрожит.

При этом я не был, что называется, «скверным мальчишкой» — не проявлял ни злости, ни назойливости, ни даже особого упрямства. Просто очень не любил скучать. Беда в том, что самые захватывающие развлечения почему-то всегда сопряжены с риском для жизни, так уж все устроено. Дурацкая вселенная с дурацкими законами природы. Будь моя воля, все переделал бы.

Когда маме окончательно надоело вытаскивать меня из птичьих гнезд и лисьих нор, снимать с крыш, выпутывать из рыбацких сетей, разбирать дымоходы, в которых я регулярно застревал, и лазать за мной в колодцы, куда я то намеренно забирался, то сдуру проваливался, она решила, что мне следует заняться делом, и наняла домашних учителей, полдюжины сразу. Двое должны были стеречь окна, еще один — дверь, а трое оставшихся — говорить одновременно на разные темы. Бедная мама надеялась, что таким образом им худо-бедно удастся меня развлечь. Первые полчаса так и было, однако потом учеба показалась мне довольно скучным занятием. Поэтому читать, писать и считать я выучился на первом же уроке, чтобы отвязались. Но они, конечно, не отвязались, и мне пришлось усвоить еще хренову прорву знаний, по большей части полезных, но не слишком занимательных.

Окончательно затосковав, я удрал из дома. Собирался отправиться в Арварох, о котором не знал ничего, кроме того что он где-то на самом краю Мира, гораздо дальше, чем, к примеру, Гугланд^[2], и это меня совершенно устраивало. Но добрался я, увы, только до окраины Ехо — именно туда прибыл соседский амобилер, под сиденьем которого я спрятался. Впрочем, я не был разочарован. Для ребенка, выросшего в загородном имении, столица Соединенного Королевства — место, где заскучать решительно

невозможно, по крайней мере поначалу.

Я провел там примерно сутки, успел обзавестись доброй дюжиной новых приятелей, всласть поплавать в Хуроне, ввязаться в три драки, покорить сердце торговки сладостями, переночевать в чужом саду, стащить драгоценную брошь в ювелирной лавке, подарить ее незнакомой женщине, которая годилась мне в бабки, но показалась красавицей, и много чего еще. В финале я добрался до Речного порта, где перед начинающими искателями приключений открываются самые что ни на есть восхитительные возможности, но тут-то меня и поймали. Я толком не понял, как это случилось: только что стоял, смотрел на корабли и вдруг — хлоп! — уже сижу высоко-высоко, на чьем-то плече, незнакомый мужской голос говорит: «Вот ты куда забрался. Какой молодец! А теперь поехали домой».

Я, честно говоря, был совсем не против вернуться домой. А потом еще раз оттуда сбежать, пусть снова ищут, ловят и везут обратно, так даже лучше, потому что два коротких путешествия — я не зря учил арифметику — больше, чем одно, даже очень длинное. А сто путешествий — это уже по-настоящему интересная жизнь, думал я, сидя на чужом плече и великодушно воздерживаясь от искушения плюнуть на чей-нибудь тюрбан. Только надо все время убегать в какую-нибудь другую сторону. Потому что в одну и ту же — скучно... Интересно, кстати, сколько их всего — сторон, в которые можно ходить? И что делать, когда они закончатся?!

— Сколько всего сторон, в которые можно ходить? — спросил я человека, который нес меня на плече, поскольку в ту пору считал любого взрослого источником более-менее достоверной информации об окружающем мире.

— Четыреста восемнадцать миллиардов двести сорок пять миллионов семьсот двадцать три тысячи пятьсот восемьдесят шесть, — уверенно ответил он.

Я запомнил это число на всю жизнь. А тогда призвал на помощь все свои познания в арифметике, вспомнил, что даже всего один миллиард — это слишком много, чтобы можно было сосчитать на пальцах всех окрестных жителей, обдумал ситуацию и решил, что такое положение дел устраивает меня целиком и полностью.

Так я познакомился со своим будущим шефом, сэром Джуффином Халли. В ту пору он был чем-то вроде друга нашей семьи. Никогда не спрашивал, как он сошелся с моими родителями, но подозреваю, что случилось это в Смутные времена, и готов спорить, при каких-нибудь драматических обстоятельствах. По моим наблюдениям, друзьями шефа, как правило, становятся люди, которых он в свое время поленился

убивать, — при его профессии свести близкое знакомство каким-то иным способом довольно затруднительно.

Так или иначе, но когда случаются серьезные неприятности, родители зовут Джуффина на подмогу. И когда я пропал, мама послала ему зов — а что еще было делать?

Встреча с великим человеком не произвела на меня особого впечатления. Собственно, я тогда так и не узнал, как его зовут, и толком не запомнил, как он выглядел, потому что прежде, чем ехать домой, мы зашли в лавку, где торговали игрушками-головоломками; я вцепился в первую попавшуюся и забыл обо всем на свете, даже о самом себе, а такого со мной еще никогда не случалось. Дорогу домой я помню смутно, но, судя по всему, сэр Джуффин благополучно доставил туда меня и увесистый пакет с хитроумными игрушками. Их мне хватило, чтобы не заскучать до конца года, а потом мама сама наведалась в ту замечательную лавку, и еще раз, и еще. А потом вернулись отец с Анчифой, и к моим головоломкам прибавились их захватывающие истории о приключениях. Историй хватило на великое множество вечеров, поэтому побег в Арварох пришлось отложить на неопределенный срок; собственно, я до сих пор так и не выбрал время туда съездить.

Отец, надо отдать ему должное, быстро сообразил, что со мной делать, и устроил все наилучшим образом — стал отсылать меня поочередно во все школы, какие только были в Соединенном Королевстве. Он не старался отыскать школу получше, а перебирал все подряд, по алфавитному списку, рассудив, что я через несколько дней сбегу откуда угодно. А если вдруг решу где-то задержаться, значит, эта школа и есть подходящая, другого способа проверить в любом случае не существует.

Сразу скажу, что такой школы, где мне захотелось бы задержаться больше чем на пару дюжин дней, в Соединенном Королевстве так и не обнаружилось, зато я вдоль и поперек изъездил всю страну, увидел больше сотни городов и селений, пережил великое множество захватывающих, но вполне безобидных приключений, всякий раз добираясь домой из нового места. При этом какие-то знания неведомым образом все же появлялись в моей голове; их, как ни удивительно, с избытком хватило, чтобы выдержать вступительные экзамены в Королевскую Высокую Школу, когда пришел срок. Экзамены — это вообще была моя стихия, я бы с удовольствием сдавал их каждый день, с утра, разминки и бодрости ради. Быстро найти правильный ответ на трудный вопрос — ни с чем не сравнимое удовольствие. В итоге все кончилось тем, что я сделал это своей работой — блестящая была идея, даже жаль, что не моя.

Учеба в Королевской Высокой Школе показалась мне такой же пустой тратой времени, как начальное образование, зато студенческая жизнь прилась по вкусу. Компания подобралась отличная, ночными попойками в трактирах за Королевский счет наши совместные развлечения не ограничивались, а репутация самого способного и изобретательного шалопая за всю историю учебного заведения была мне, чего греха таить, приятна. Мои товарищи и даже учителя оказались куда менее прихотливыми зрителями, чем я сам, угодить им было нетрудно, и я, никогда прежде не придававший значения чужим аплодисментам, не то чтобы стал высоко их ценить, но привык ежедневно снисходительно принимать. Привычка, как это обычно случается, вскоре превратилась в насущную потребность, восхищение окружающих стало мне необходимо, как табак курильщику, только вряд ли хоть один заядлый курильщик натворил столько глупостей ради табака.

Впрочем, я был бы не я, если бы мне не надоело и это. Не так быстро, как могло бы, но все-таки.

Тогда я в очередной раз попытался развлечь себя учебой. Некоторые науки более-менее занимали ум, но тело при этом отчаянно скучало; в поисках выхода я придумал математические бои, которыми, как я слышал, до сих пор увлекаются старшекурсники Королевской Высокой Школы, — по правилам состязания, наносить удары противнику можно, только попутно решая предложенное им уравнение, по формуле на удар. Это нововведение пришлось по вкусу некоторым преподавателям, наш историк, помню, даже зачеты одно время принимал на ринге, только вместо уравнений выбивал из студентов имена королей и даты великих битв, неплохое вышло развлечение, жаль, что все остальные не решились последовать его примеру.

Так или иначе, но пару дюжин лет в Королевской Высокой Школе я худо-бедно выдержал.

Я не из тех, кто тщательно планирует свое будущее, но в ту пору нередко о нем задумывался, поскольку начал понимать, что, если так и не найду себе занятия по вкусу, маята, чего доброго, растянется на всю жизнь.

Идти по стопам отца и брата я к тому времени уже передумал. Кругосветные путешествия и пиратские рейды кажутся интересными, пока не задашься вопросом, чем занять себя, пока твой корабль болтается в море. Каждый день один и тот же пейзаж — от этого можно свихнуться, причем в первый же вечер. Путешествия по суше привлекали меня несколько больше — во всяком случае, хоть какая-то смена впечатлений гарантирована. Но мотаться туда-сюда без дела, цели, азарта и хорошей

компании — дурацкая затея, это я даже тогда прекрасно понимал.

Короче говоря, я был изрядно растерян. Взрослая жизнь, начала которой я нетерпеливо ждал долгие годы, с близкого расстояния виделась такой унылой тягомотиной, что хоть обратно в мальчишку превращайся. По крайней мере, школ, из которых можно убежать домой, хватило бы еще на пару-тройку дюжин безмятежных лет. Но необходимыми для такого превращения магическими приемами я не владел; собственно, я, как и все мои ровесники, родившиеся в начале эпохи Кодекса, вообще не обучался магии^[3], кроме самых примитивных и скучных фокусов, годных по большей части для ведения домашнего хозяйства. Потерянное поколение, что тут говорить. Хвала Магистрам, нынешним детишкам в этом смысле повеселее живется.

Родители в один голос твердили, что я пошел в своего деда Фило, бывшего Старшего Магистра давным-давно распущенного Ордена Потаенной Травы, и наверняка унаследовал его незаурядные способности, но возможности проверить эту оптимистическую гипотезу не было. В ту пору легально обучаться магии можно было, только поступив в Орден Семилистника, но туда меня, ясное дело, и на порог не пустили бы. Мой блудный дед, конечно, не Лойсо Пондохва^[4], но нервы Великого Магистра Мони Маха в свое время потрепал изрядно.

Я, понятно, говорил, что плевать хотел на колдунов из Семилистника и их дурацкие фокусы, но на самом деле был сам не свой от огорчения, потому что, если верить рассказам старших, магия была куда более увлекательным занятием, чем школьная наука, да и жизнеописания Великих Магистров, хранившиеся в нашей домашней библиотеке, оказались захватывающим чтением, такая жизнь наверняка пришлось бы мне по вкусу, думал я, листая страницы, эх, сам дурак, слишком поздно родился.

В конце концов я решил разыскать деда. Если уж по его милости меня никогда не примут в единственный действующий магический Орден, пусть сам учит меня всему, что знает. На учебу, которая, судя все по тем же жизнеописаниям Великих Магистров, обычно занимала столетия, я, привыкший ловить все на лету, легкомысленно отводил в своих расчетах примерно три-четыре года, но понимал, что сами поиски могут оказаться очень долгими. Никто не знал, где сейчас обретается Магистр Фило Мелифаро, зато все мои домашние в один голос твердили, что обычно он внезапно обнаруживается там, где его только что не было, умудряясь при этом отсутствовать даже в том месте, где сейчас находится. Это позволяло

надеяться, что искать деда будет не менее увлекательно, чем решать самую сложную головоломку, — развлечение совершенно в моем вкусе. Скука морских путешествий по-прежнему казалась мне мрачной перспективой, но я рассудил, что человека, который может находиться абсолютно где угодно, вовсе не обязательно искать на другом континенте. Начать можно и с родной Хонхоны, а там поглядим.

Приняв решение, я быстренько обошел всех преподавателей и договорился о досрочной сдаче выпускных экзаменов. Не то чтобы мне действительно требовался диплом, просто экзамены, как я уже говорил, единственное, что мне по-настоящему нравилось в процессе обучения, и я не собирался упускать возможность как следует поразвлечься. С давно забытым удовольствием я засел за книги и через несколько дней навсегда расстался с Высокой Школой. Сдав последний экзамен, в то же утро расплатился с хозяином квартиры, поручил ему отправить мои вещи в родительское поместье, а сам помчался туда налегке, чтобы, не откладывая, осчастливить родителей прекрасной, по моему мнению, новостью — я отправляюсь искать деда и, вполне возможно, никогда не вернусь. Я был искренне уверен, что они за меня порадуются. Когда наш Анчифа подался в пираты, родители хором сказали: «Лишь бы тебе было хорошо». Я планировал услышать примерно то же самое, поужинать и начать сборы в дорогу.

Мой путь в родительское поместье обычно пролегал через мастерскую старого Шейшо. Там можно взять напрокат амобилер — старый и страшный, как проклятие Анавуайны, зато в любое время суток и за сущие гроши. Именно то, что требуется бедному студенту.

Но у самого входа в мастерскую я наткнулся на практически непреодолимое препятствие. Препятствие звалось Бугаги Удубан, оно было самым непутевым из послушников Ордена Семилистника и моим приятелем, вернее, приятелем любого столичного студента, готового угостить его выпивкой.

Бугаги был сыном одного из богатейших торговцев Соединенного Королевства, чьи корабли в ту пору возили чуть ли не половину всех уандукских^[5] товаров, большую часть которых составляют предметы роскоши, жизненно необходимой всем столичным жителям, включая портовых нищих. По Ехо который год ходили слухи о фантастической сумме, которую Удубан-старший пожертвовал Ордену Семилистника, чтобы увидеть свое чадо среди послушников и в один прекрасный день обзавестись персональным семейным Магистром, однако сам Бугаги

получал на карманные расходы всего три короны в год — таким образом наивный родитель собирался приучить первенца к экономии. Но не тут-то было, Бугаги в первый же вечер пускал на ветер свое годовое содержание, щедро угощая всех желающих; все остальное время он рыскал по городу в поисках возможностей продолжить веселье. Обычно ему везло. В столице Соединенного Королевства полным-полно добрых, компанейских людей, готовых пропить предпоследнюю рубаху, при условии что потенциальный собутыльник одет в бело-голубое лоохи Ордена Семилистника, — полезными знакомствами у нас разбрасываться не принято. Застольным встречам с добрыми людьми Бугаги посвящал все свое время, в Иафах заходил только поспать и переодеться, да и то не каждый день, но Великий Магистр Нуфлин Мони Мах, раз и навсегда приятно удивленный щедростью семейства Удубанов, смотрел на художества их отпрыска сквозь пальцы.

Я был одним из множества добрых людей, чья щедрость обеспечивала Бугаги свободу передвижения от трактира к трактиру, — притом что перспектива завести полезное знакомство в Семилистнике не могла меня ни прельстить, ни даже рассмешить. Как и все члены семей, принадлежащих к магическим Орденам, прекратившим существование в ходе войны за Кодекс Хрембера, я относился к Ордену Семилистника как к неизбежному злу и считал своим долгом полагать неизбежность этого зла кратковременной.

Однако на Бугаги моя неприязнь не распространялась. Он был обаятельным шалопаем и душой любой компании — при условии, что эта компания собиралась за трактирным, а не библиотечным столом. Я, конечно, считал его законченным олухом — а как еще относиться к человеку, который получил уникальную по нынешним временам возможность изучать магию и совершенно ею не пользуется? Но одновременно, чего греха таить, надеялся, что хоть какую-то малость Бугаги все-таки усвоил, и рассчитывал однажды выудить из него эту крупицу тайного знания — надо же с чего-то начинать.

Вот и теперь я рассудил, что поиски деда дело хорошее, но долгое, а попробовать разговорить Бугаги можно прямо сейчас, благо пара-тройка горстей в моем кармане найдется, да и повод выпить есть — грех не отпраздновать окончание учебы, сколь бы грандиозные планы ни были составлены на завтрашнее утро.

Бугаги еще издали увидел в моих глазах готовность обеспечить его ближайшее будущее, обнял меня как внезапно обретенного брата и поволок по направлению к улице Белых Домов, где находился его любимый трактир

«Бешеный скелет». Эта забегаловка была самой замызганной, дешевой и популярной из бесчисленных «скелетов» и, пожалуй, оставалась бы таковой по сей день, если бы уцелела после нашей с Бугаги Удубаном пирушки.

Забегая вперед, сразу скажу, что гибель «Бешеного скелета» вовсе не входила в мои планы — ни кратковременные, ни долгосрочные. Я даже напиваться там не собирался — решил, что пропущу стаканчик за компанию, а если разговор о магии в очередной раз не заладится, распрощаюсь и поеду домой.

Разговор, однако, заладился. Причем мне даже прикидывать, с чего бы начать, не пришлось. Бугаги, начавший праздновать наступление очередного дня своей жизни задолго до нашей встречи, поглядел на меня с лукавым прищуром выпивохи, который только что придумал, как увеличить грядущую порцию, и громким шепотом сказал:

— А спорим, ты не знаешь, как у нас в Ордене принято открывать бутылки!

— И спорить не буду, — согласился я. — Чего не знаю, того не знаю.

— Тогда закажи не два стакана, а целую бутылку. — Бугаги так разволновался, что его шепот звучал громче иного крика. — Я тебе покажу. Восьмая ступень Черной магии стоит бутылки вина?

— Не вопрос, — согласился я.

Еще бы. За применение Черной магии восьмой ступени в общественном месте, согласно нашему тогдашнему законодательству, теоретически, вполне можно было на полгода загреметь в Холоми^[6]; впрочем, на деле виновные обычно просто получали строгое внушение из уст Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска сэра Джуффина Халли, который справедливо полагал, что на всех дураков камер не напасешься. Но такая перспектива пугала желающих поворожить куда больше, чем комфортабельные камеры Королевской тюрьмы для магов. Смутные времена, когда Кеттариец ежедневно выходил на охоту за головами врагов Короля и Магистра Нуфлина, давным-давно миновали, но привычку бояться его пуще Анавуайны столичные жители сохранили надолго.

Я-то с детства догадывался, что все это глупости. Как можно всерьез бояться человека, который не то чтобы часто, но примерно раз в дюжину лет обедает с твоими родителями? Сам я на этих вечеринках никогда не присутствовал, но представить мамин пирожок в зубах жестокосердного злодея не мог, как ни старался, — я твердо знал, что скверных людей в нашем доме кормить не станут.

А мой приятель мог позволить себе не бояться Джуффина по другой

причине. Вообще-то, в первые годы после принятия Кодекса Хрембера считалось, что все равны перед законом, но после того, как несколько самых молодых, способных и горячих Магистров Семилистника один за другим угодили в Холоми, Магистр Нуфлин Мони Мах поспешно пересмотрел свое опрометчивое решение. С тех пор власть Управления Порядка не распространяется на Орденских Магистров и даже послушников. Так что Бугаги, в случае чего, предстояло иметь дело всего лишь с Великим Магистром Нуфлином, чья снисходительность была куплена заранее предусмотрительным родителем.

Бугаги, похоже, сам только теперь это осознал и выглядел отчаянным храбрецом. Сверкал очами, размахивал руками и громко требовал поторопиться с заказом. К нашему столу стали понемногу стекаться охочие до развлечений выпивохи. Их можно понять: в эпоху Кодекса Черная магия, превышающая обожаемую домохозяйками и дозволенную законом вторую ступень, стала редким зрелищем. А тут юнец в Орденских одеждах магическое представление учинить собрался. Мне и самому было страсть как интересно, что сделает Бугаги. Прежде он таких фокусов не показывал, и вообще никаких, — то ли осторожничал, то ли просто ничего не умел, а накануне вечером случайно выучился.

Бутылка недорогого, но приятного на вкус муримахского вина была принесена и с приличествующей случаю торжественностью водружена в центре стола. Бугаги Удубан обвел притихшую аудиторию надменным взором и отвесил мне своего рода поклон, так что его подбородок практически коснулся столешницы — дескать, совершаю свое великое деяние в твою честь, так и знай. После чего прикоснулся к бутылке указательным пальцем левой руки. Пробка с мелодичным свистом взлетела к потолку, из горлышка повалил разноцветный дым, а Бугаги надулся, как индюк, и приготовился с достоинством принять восхищение толпы.

Однако присутствующие были скорее разочарованы, чем восхищены. Птичий свист да разноцветный дым — такими фокусами разве только детишек развлекать, здешняя публика явно рассчитывала на что-то более эффектное. Пожимая плечами, завсегдатаи «Бешеного скелета» разошлись по своим местам, и у Бугаги остался только один заинтересованный зритель — я.

— Дырку над тобой в небе, отличный фокус! — сказал я. — Мне бы он очень пригодился. Девчонкам такие штуки нравятся. Научишь?

В другое время Бугаги послал бы меня подальше. Дружба дружбой, бутылка бутылкой, а обучение магическим приемам лица, не принадлежащего к Ордену, — это уже серьезное преступление. Застукай

нас кто за таким занятием, тут, пожалуй, и деньги Удубана-старшего не помогли бы виновнику избежать долгого заключения — не в Холоми, так в подвалах Иафаха, где, по слухам, гораздо менее комфортно. Бугаги уж на что был балбес, а хорошо это понимал — в отличие от меня. Я-то наивно полагал, что моему приятелю еще и не такое с рук сойдет, а то бы, пожалуй, не стал втягивать его в неприятности.

Но так уж вышло, что я выбрал самый благоприятный момент. Подвыпивший Бугаги только что лишился внимания большой аудитории, запил эту беду полным стаканом крепкого муримахского вина и теперь был готов на все, лишь бы не лишиться единственного благодарного зрителя.

— Это большой секрет. — Его шепот был по-прежнему слышен во всем зале и хорошо, если не на улице. — Орден очень дорожит этой тайной! Поэтому, если ты хочешь научиться, придется заказать еще две бутылки. А лучше шесть — вряд ли у тебя с первого раза получится.

Я мысленно пересчитал свою наличность и твердо сказал:

— Три бутылки, Бугаги. На большее у меня горстей не хватит.

— Три? — разочарованно переспросил мой первый учитель магии. Помолчал, подумал, окинул взглядом зал, убедился, что более выгодных предложений в ближайшее время не поступит, и отчаянно махнул рукой. — Ладно, три так три. Но если с двух попыток не научишься, сам виноват.

— Почему с двух? С трех.

— Первую бутылку я открою сам. Должен же ты еще раз поглядеть, как это делается.

— Ладно, — согласился я. — Погляжу.

Бутылки прибыли. Бугаги немного потянул время, явно надеясь снова собрать публику, однако посетители «Бешеного скелета» не собирались заново отрывать задницы от стульев ради детского фокуса. Бугаги вздохнул, неохотно смиряясь с равнодушием неблагодарной толпы, и наконец принялся объяснять:

— Значит, так. Что я делаю пальцем, ты сам увидишь, только гляди внимательно и запоминай, а то придется начинать сначала. Но палец — это еще не все. Палец — это пустяки. Важно, чего ты хочешь и о чем думаешь, когда щелкаешь по бутылке. В этот момент надо представить себе, что бутылка уже открыта, и тогда она откроется, уж не сомневайся. А если не сможешь сосредоточиться и представить, тогда стучи не стучи, ничего не выйдет.

— Представить? — Я ушам своим не верил. — Просто представить, что бутылка уже открыта, и всё? А заклинание? Я слышал, Черной магии без заклинаний не бывает.

Бугаги скривился. Мне стало понятно, что он не собирался всерьез меня учить. Да и зачем? Дело сделано, вино куплено, а потерпев неудачу, я только еще выше оценю недоступное мне искусство и самого мастера.

Но не тут-то было. Теперь меня разобрало по-настоящему. Терпеть не могу, когда меня так бездарно дурачат. Я не против розыгрышей как таковых — если они остроумны, а исполнители бескорыстны. Но сейчас явно был не тот случай.

— Заклинание, Бугаги, — сказал я. — Давай, выкладывай. И не вздумай что-нибудь перепутать. В твоих интересах, чтобы у меня все получилось. Потому что если не получится, тебе придется проглотить вино вместе с бутылкой. Уж об этом я позабочусь.

Вообще-то я его просто пугал. Не было у меня ни малейшего намерения драться. Времена, когда я лупил всякого, чье поведение не соответствовало моим представлениям о достойном, закончились, когда на третий, что ли, год обучения я увлекся математикой, высчитал коэффициент улучшения человечества методом трепки четырех рыл в сутки и был потрясен ничтожеством полученного числа.

Но репутация такая штука — если уж она у тебя есть, никуда не денется. Поэтому Бугаги ни на секунду не усомнился, что я приведу угрозу в исполнение. И, смешно сказать, перепугался. Думаю, не столько побоев, сколько публичного позора. Только что блистал, чудеса показывал, и тут же трепку на глазах у недавних зрителей получать — кому охота? А ему еще в этот трактир ходить и ходить, место-то недорогое и популярное.

Бедняга, надо думать, проклял все чудеса на свете и свой болтливый язык за компанию. Наклонился к моему уху и прошептал единственное короткое слово. Смысл его был мне неизвестен, но звучало оно натурально как ругательство. Как выяснилось позже, чутье меня не подвело. Многие заклинания Очевидной магии произошли от древней брани. Думаю, это отчасти объясняет, почему из-за нашего угуландского колдовства чуть не рухнул Мир, — невелико удовольствие сотни раз на дню такое выслушивать.

Тогда я всего этого, разумеется, не знал, но понял, что Бугаги меня не обманывает. По глазам его отчаянным было видно, что парень сдался.

— Только вслух это говорить не надо, — добавил мой бедный учитель. — Достаточно про себя произнести. Ну, ты же сам свидетель, что я молчал, когда...

— Ясно, — кивнул я. — Теперь давай, показывай, что надо делать пальцем.

Он показал. Еще одна пробка взлетела к потолку, на сей раз без свиста

и дыма — видимо, для таких эффектов требуется особый кураж.

— Ну, давай теперь ты, — упавшим голосом сказал Бугаги. И поспешно добавил: — Только если не получится, я не виноват. Я тебе все правильно рассказал.

— Там поглядим, — ухмыльнулся я, ощущая прилив неведомого мне доселе вдохновения.

Не то чтобы вправду считал фокус с бутылкой великим делом, просто так уж удачно все сложилось: первый в моей жизни прием запретной магии и одновременно первое настоящее преступление в присутствии толпы свидетелей, да еще и перепуганный до полусмерти член Ордена Семилистника рядом сидит, смотрит заискивающе. От такого у кого хочешь голова кругом пойдет.

Не то чтобы я не выполнил инструкции. Напротив, сделал все в точности, как говорил Бугаги. Просто открытая бутылка, которую я нарисовал перед внутренним взором в тот момент, когда коснулся пальцем прохладного стекла и, не размыкая губ, произнес короткое злое словечко, — эта бутылка была столь огромна, что заслонила собой весь мир.

А потом взорвалась с таким грохотом, что мир исчез и я вместе с ним.

Когда я пришел в себя, в глаза мне светило солнце, а не тусклый грибной светильник, которыми увешаны стены всех трактиров Гоппы Талабуна. Я огляделся и обнаружил, что сижу почти на самой верхушке высокого дерева шотт и обнимаю теплый шершавый ствол так крепко, словно три дюжины дней кряду добивался от него любви и вдруг получил что хотел. Как я сюда забрался и, самое главное, зачем я это сделал, оставалось для меня полной загадкой. Мысленно ощупав себя и осторожно пошевелив всеми конечностями по очереди, я убедился, что цел и невредим, — и на том спасибо. Но, опустив глаза, увидел, что новое бирюзовое лоохи, всего несколько дней назад купленное в лавке Диролана, обуглилось по краям, а на подоле тонкой, тщательно подобранной по цвету оранжевой скабы зияет здоровенная дыра. Я редко падаю духом, можно сказать почти никогда, но беспорядок в одежде всегда выбивает меня из колеи. А для состояния моего любимого костюма определение «беспорядок» было, пожалуй, слишком мягким.

Поэтому я далеко не сразу, а только секунды две спустя заметил, что хорошо знакомый мне городской пейзаж удивительным образом изменился. Вообще я люблю разнообразие и приветствую любые перемены. То есть до того момента считал, что любые, но теперь вынужден добавлять к этому

утверждению слово «почти». Наблюдаемые с верхушки дерева изменения совершенно мне не понравились.

Во-первых, «Бешеного скелета» больше не было. Я никогда не считал это здание шедевром архитектуры, но следует признать, что оставшиеся от него неопрятные руины украшали улицу Белых Домов гораздо меньше.

Во-вторых, что касается завсегдатаев «Бешеного скелета». Не могу сказать, что позы, которые они обычно принимали, устроившись с кружками в руках на жестких стульях, казались мне на диво изысканными. Но это вовсе не означает, что я всю жизнь мечтал заставить этих добрых людей сидеть и лежать на тротуаре, держась кто за голову, кто за ногу, а кто и за задницу. Нет уж, будь моя воля, я бы оставил все как есть.

В-третьих, деревья. В отличие от своего старшего братца Бахбы, я не унаследовал страсти наших предков к садоводству. Но из этого не следует, будто мне нравится смотреть на вырванные с корнем деревья. Даже если их всего два — те, которые росли у входа в трактир.

Посреди воцарившегося хаоса, прямо на тротуаре возвышалась барная стойка, совершенно не поврежденная. Уцелели даже бесчисленные кружки и стаканы, которыми она была уставлена. Ну хоть что-то было в порядке.

Всякий привычный к умственному труду человек на моем месте непременно задал бы себе вопрос: что произошло? Я же не только сформулировал вопрос, но и сразу нашел ответ.

Ответ мне не понравился. Настолько, что я бы с огромным удовольствием придумал какое-нибудь другое объяснение. Но факты оказались сильнее желания прикрыть свою задницу.

За неимением зеркала я не мог посмотреть себе в глаза, поэтому пришлось ограничиться вопросом: «Ну и кто я после этого?» И уж будьте уверены, задал я его с подобающей случаю суровостью.

Сформулировав короткий, но исчерпывающий ответ, я начал слезать с дерева. Этому искусству я, хвала Магистрам, выучился чуть ли не раньше, чем ходьбе, а то пришлось бы обниматься с шершавым стволом до самого прибытия господ из Тайного Сыска. Вернее, всего одного господина.

Шурфа Лонли-Локли, бывшего Безумного Рыбника, я хорошо знал в лицо. Время от времени сталкивался с ним в библиотеке Высокой Школы и всякий раз приходил в бешенство от его манеры здороваться. Ну, положим, тот факт, что Лонли-Локли смотрел на всех свысока, вряд ли можно поставить ему в вину, — когда твой рост соразмерен скорее с жилыми строениями, чем с нормальным человеческим телосложением, довольно затруднительно взирать на окружающих иначе как сверху вниз. Но каков бы ни был твой рост, желать всем присутствующим хорошего дня следует

так, чтобы они не почувствовали себя полными ничтожествами. А Лонли-Локли произносил эти вежливые слова тоном столь бесстрастным, что становилось ясно: если мы все вот прямо сейчас встанем на голову, взлетим к потолку, отрастим на носу светящиеся грибы или даже умрем в муках, он и бровью не поведет — при условии, что это не помешает ему получить заказанную книгу.

Все знали, что он был не просто служащим Тайного Сыска, а, если можно так выразиться, штатным убийцей при этой конторе. Говорили, что раньше этот тип ходил по городу в Мантии Смерти, в точности как Королевские палачи Древней династии; впрочем, на моей памяти он всегда был в белой одежде из очень дорогой ткани, но скучного старомодного покроя — чехол для амобилера и то элегантнее. Официально считалось, будто белый цвет символизирует так называемую «истину», иными словами, непогрешимость одетого в нее господина. Я, как и большинство горожан, понимал это так: он может в любой момент убить кого пожелает, и никто ему слова поперек не скажет, а, напротив, поблагодарят, не разбираясь, чем провинилась жертва.

Словом, я терпеть не мог сэра Лонли-Локли — заочно, просто за то, что он такой есть. И нельзя сказать, что обстоятельства нашего знакомства способствовали внезапному зарождению сердечной симпатии.

Когда я добрался до нижней ветки и приготовился спрыгнуть на землю, он уже стоял под деревом и наблюдал за моим спуском — не заинтересованно, не сочувственно, не злоратно, а все с тем же убийственным равнодушием, которое так достало меня еще в пору наших редких библиотечных встреч. Наткнувшись на его взгляд, я затормозил. Так и остался сидеть на ветке. Не потому что боялся спускаться вниз, просто мне было неприятно двигаться, когда на меня так смотрят. Дорого бы я дал за то, чтобы исчезнуть и оставить его с носом. Но исчезать я тогда не умел.

— Это все из-за меня, — сказал я, махнув рукой в сторону руин. И настойчиво повторил: — Это я сделал.

На чистосердечное признание меня толкнули вовсе не муки совести. Просто мне очень хотелось вывести его из равновесия. Пусть возмутится, рассердится — да хоть убьет меня прямо здесь и сейчас, без суда и следствия, лишь бы не пялился, как на пустое место.

Сейчас-то я хорошо понимаю, что у меня не было ни единого шанса вывести сэра Шурфа из себя. А тогда меня, конечно, взбесило, что этот гад и бровью не повел.

— Я знаю, — кивнул он. — А теперь слезайте. Я вижу, что вам не нужно помогать.

— А вы отвернитесь, — огрызнулся я в надежде, что это окажется последней каплей и он все-таки возмутится.

Плохо же я знал Шурфа Лонли-Локли. Строго говоря, я его совсем не знал. Он действительно отвернулся. Я глазам своим не верил. Сдуру решил, что обязан воспользоваться ситуацией и удрать. В противном случае меня попросту засмеют.

Беда в том, что у меня не было решительно никакого опыта в делах такого рода. То есть я не знал, как следует себя вести настоящему государственному преступнику, чтобы не выглядеть ни смешным, ни жалким в момент ареста. Я, конечно, считал себя отчаянным смельчаком и опасным забиякой, но, сказать по правде, все мои студенческие прегрешения, вместе взятые, не могли заинтересовать не то что Тайный Сыск, но даже городскую полицию, в ту пору еще менее бдительную, чем на памяти присутствующего здесь Ночного Кошмара.

Куда удирать, как, зачем и где потом скрываться от Тайного Сыска — об этом я не думал. А думал примерно вот что: вряд ли я далеко убегу, зато, возможно, в следующий раз арестовывать меня придет кто-нибудь другой. И это будет не так оскорбительно.

Я спрыгнул на тротуар, развернулся и побежал.

Ну то есть, когда я вспоминаю о событиях этого далекого дня, мне приятно описывать свои действия словами «развернулся и побежал». Однако сегодня можно наконец сказать вам — и себе — правду. Я успел только подумать о побеге и, может быть, оторвать от земли одну ногу. Хотя это все-таки вряд ли. А потом меня окутала тьма, и я, помню, подумал: надо же, этот гад меня убил!

Что случается с человеком после смерти, неизвестно никому, кроме нескольких давным-давно свихнувшихся под гнетом запретного знания Магистров и присутствующего здесь сэра Макса, который однажды побывал на том свете лично: шеф послал его арестовать одного обнаглевшего покойника, и какое же счастье, что это было не мое дежурство.

Так вот, что случается с человеком после смерти, я и сейчас-то не очень понимаю, а в ту пору и вовсе представления не имел. Однако даже мне было ясно, что вряд ли мертвецы сидят в полной темноте и с упорством, достойным лучшего применения, думают: «Он меня убил, ну и дела, все-таки убил, надо же, убил!» Но в тот момент я засомневался, а вдруг с теми, кого убил Шурф Лонли-Локли, случается именно такая пакость? Все-таки злой колдун, хоть и государственный служащий. Я попробовал изменить положение тела в пространстве, но из этого ничего не

вышло. Тело у меня вроде бы все еще наличествовало, а вот пространство, похоже, куда-то подевалось, поэтому сохранившаяся способность двигать руками и ногами оказалась совершенно бесполезной.

От такого открытия впору было бы испугаться по-настоящему, но меня отвлек довольно сильный удар — это невесть откуда появившееся пространство вступило в соприкосновение с моей задницей. Проще говоря, я шлепнулся на пол, по счастью устланный толстым кеттарийским ковром, да так и остался сидеть, совершенно оглушенный этим событием.

— Сэр Шурф, тебе не кажется, что это довольно невежливо — обращаться с людьми, как с мебелью? — спросил кто-то, а я даже не потрудился обернуться и поглядеть, кому пришла в голову прекрасная и своевременная идея отчитать этого засранца в белом. Но всей душой поддерживал это начинание.

— Учтивость хороша до тех пор, пока не вступает в противоречие с эффективностью, — отозвался Лонли-Локли. — В данном случае я рассудил, что ни одно из моих возможных действий не доставит особого удовольствия сэру Мелифаро, поэтому счел возможным позаботиться в первую очередь о его безопасности, собственном удобстве и, разумеется, скорости. Полагаю, сейчас мне следует вернуться на улицу Белых Домов и заняться решением возникших проблем. Туда, по моим сведениям, отправился отряд Городской Полиции, но, по правде сказать, я не думаю, что в сложившейся ситуации от них будет какой-то толк.

— Лично я вообще не понимаю, почему ты еще здесь, а не уже там.

Где-то за моей спиной хлопнула дверь. Этот звук оповещал, что отвратительного типа в белом больше нет в помещении, а значит, можно оторваться от узоров на ковре и осмотреться, не рискуя в очередной раз наткнуться на его равнодушный взгляд.

— На твоем месте я бы, пожалуй, поднялся с пола, — сказал сэр Джуффин Халли, всемогущий начальник Малого Тайного Сыска, бывший наемный убийца, ловкий интриган, злодей каких мало, неукротимый пожиратель маминых пирожков.

Вопреки городским легендам, это было не утратившее человеческий облик чудовище, украшенное парой изысканных полуметровых клыков, а обаятельный немолодой господин, одетый элегантно, но, на мой взгляд, слишком консервативно: серебристая скаба под жемчужно-серым лоохи, тюрбан и сапоги в тон, не на чем глаз остановить. Впрочем, качество материи и превосходный покрой я оценил.

Обнаружив, что остался наедине с ужасным шефом Тайного Сыска, я почувствовал неопишемое облегчение. Не потому что всерьез рассчитывал,

будто приятель моих родителей поспешит замять дело и отпустить меня восвояси, — мне и в голову не пришло бы ставить вопрос таким образом. Важно было другое: сэр Джуффин Халли не смотрел на меня как на пустое место. Скорее уж наоборот, как на место, гораздо более полное, чем это было на самом деле. То есть создавалось ощущение, что в его глазах я — персона столь же интересная и значительная, как в собственных, и уже обладаю всеми бесчисленными достоинствами, которые до сих пор существовали только в самых смелых моих мечтах. Это, как оказалось, было необходимым и достаточным условием моего душевного равновесия, я даже про испорченную одежду забыл.

— Ковер довольно мягкий, — заметил сэр Джуффин, сопроводив эти слова приветливой улыбкой гостеприимного людоеда, — но сидеть в кресле все же удобнее.

— Спасибо, — откликнулся я. — Сейчас попробую до него добраться.

— А чего тут пробовать? Ноги у тебя на месте. И не только ноги. Ты весь, целиком в полном порядке.

— Просто похоже, что эта ваша ходячая истина меня заколдовала, — проворчал я, вставая с ковра. — Сейчас уже все нормально, но пару минут назад я ничего не видел, ничего не слышал и шевельнуться толком не мог.

— Ты когда-нибудь наблюдал, как грузчики старой школы переносят тяжести? Из молодежи-то мало кто так умеет, хотя разрешенных Кодексом ступеней магии вполне достаточно. Но ребятам просто негде научиться.

Работу старых грузчиков я, конечно, сотни раз видел в порту. И поэтому натурально взвыл:

— Хотите сказать, он меня уменьшил и спрятал в кулак? И отнес вам, как сундук с барахлом? Да как же так можно с живым человеком?!

— Не в кулак, — педантично поправил меня сэр Джуффин. — Уменьшенный предмет помещается между большим и указательным пальцами. Ты сам слышал, как я упрекал сэра Шурфа за невежливое поведение. Но, между нами говоря, считаю, что он совершенно правильно сделал. Сэкономил кучу времени — собственного, твоего и моего. Теперь, вместо того чтобы гоняться за тобой по всему городу или приводить тебя в чувство после геройского, но, поверь мне, совершенно бессмысленного сражения с моим лучшим сотрудником, я буду угощать тебя камрой^[7]. И развлекать беседой. Чем плохо?

Мое тело, оставленное без обеда в расчете на скорый ужин в родительском доме, при слове «камра» возликовало и так обнаглело, что, не советуясь с гордым духом, поспешно спросило:

— А пожрать у вас, случайно, ничего не найдется?

— Хороший вопрос, — обрадовался Джуффин. — Такой вопрос заслуживает честного ответа. Представь себе, у меня в столе лежит полудюжина превосходных многослойных бутербродов, приготовленных по старинному шимарскому рецепту. Мой дворецкий время от времени незаметно подкладывает мне в карман сверток с едой, хотя прекрасно знает, что я люблю обедать в «Обжоре» у мадам Жижинды. Однако всякий раз непременно оказывается, что кому-то без этих грешных бутербродов жизнь не мила. Вот и сегодня все сложилось наилучшим образом. Даже не знаю, как бы я выкручивался, если бы тебя не угораздило угодить под арест и избавить меня от запасов провианта. Очень мило с твоей стороны и более чем своевременно!

Я уписывал уже третий бутерброд, а господин Почтеннейший Начальник все говорил и говорил. Хотя, по идее, в данной ситуации говорить следовало мне, а ему — только задавать вопросы. Это называется «допрос преступника». Так положено, я знал это совершенно точно, поскольку не далее как позавчера вечером готовился к экзамену по уголовному праву. Чего в моих книгах не было — так это информации, что сэр Джуффин Халли поступает как положено примерно раз в несколько лет, да и то исключительно для разнообразия.

— Спрашивать, как тебя угораздило, я не стану, — говорил он, — это и так понятно. Обычное дело.

Когда он сказал «обычное дело», я подавился от возмущения и потом долго откашливался, поневоле запивая свой позор остывшей камрой.

— Вообще-то, — сердито сказал я, когда дар речи ко мне вернулся, — вам бы следовало сперва меня допросить, а уже потом делать какие-то выводы.

— Сперва допросить и только потом делать выводы, — восхищенно повторил Джуффин. — Какая прекрасная идея! Мне бы и в голову не пришло. Когда-нибудь я непременно воспользуюсь твоим мудрым советом. Я бы и сейчас с радостью им воспользовался, да вот беда: я и так все знаю, кроме одного — куда подевался твой приятель? Но ты мне тут, увы, не помощник.

— А разве он куда-то подевался? — удивился я. И тут же прикусил язык. Выдавать Бугаги не следовало ни при каких обстоятельствах — хотя бы потому, что влип он по моей милости.

— Подевался, — жизнерадостно подтвердил сэр Джуффин. Судя по выражению его лица, лучшее, что может случиться с шефом Тайного Сыска, — это внезапное исчезновение подозреваемого. — Нигде его нет, словно бы вовсе на свет не рождался... Кстати, имей в виду, я уже в курсе,

что ты сидел в «Бешеном скелете» с Бугаги Удубаном из Семилистника. И что промеж вами вышло, знаю. Вернее, просто догадываюсь. Он научил тебя какому-то простенькому фокусу, ты попробовал повторить, и результат, скажем так, несколько превзошел ваши общие ожидания.

— Удубан не виноват, — поспешно сказал я. — Он не хотел учить меня магии. Это я его уговорил. Вернее, заставил. Силой.

— О-о-о, даже так? Заставил силой — это очень серьезно. Ты что с ним делал? Заклинание, подчиняющее волю, читал? Смертью грозил? Или ограничился зверскими пытками?

Я прекрасно понимал, что он надо мной смеется. И так обиделся, что демонстративно отложил в сторону надкусанный бутерброд, уже шестой по счету, так что отказаться от него было мне вполне по силам. И кружку тоже гордо отодвинул. Правда, камры в ней уже почти не осталось, но тут уж ничего не поделаешь.

— Хотите верьте, хотите нет, но я действительно силой заставил Бугаги Удубана сказать мне заклинание. Угрожал, что в противном случае заставлю его сожрать вместе с вином стеклянную бутылку.

— Ужас какой! — обрадовался сэр Джуффин. — Мир не видывал подобных злодейств. У меня под носом вырос, можно сказать, новый Лойсо Пондохва, а я-то хорош, проморгал возможность удавить тебя прямо в колыбели.

И пока я безуспешно изобретал какой-нибудь достойный ответ, подлил камры в мою опустевшую кружку.

— Совершенно естественно в твоём положении выгораживать приятеля, — примирительно сказал он. — С людьми, которые ведут себя иначе, и говорить-то не о чем. Но у тебя ничего не выйдет. Мне, видишь ли, совершенно необходимо, чтобы бедняга Удубан был виноват. Поэтому он будет объявлен главным виновником происшествия, даже если ты действительно силой и угрозами вытряс из него заклинание. Что, строго говоря, более-менее правда. Все уже решено, дело за малым — найти этого красавца. С другой стороны, должен же он быть хоть где-нибудь... Остается еще один вопрос: что делать с тобой?

— Посадить в Холоми? — с надеждой спросил я. — Я же совершил самое настоящее магическое преступление, правда?

— Откуда такой энтузиазм? — удивился шеф Тайного Сыска. — Чем тебя манит Королевская тюрьма? Если слухами об исключительном мастерстве тамошнего повара, имей в виду, они преувеличены. Той же мадам Жижинде он в подметки не годится.

— При чем тут повар? Просто компания в Холоми хорошая, —

нетерпеливо объяснил я. — Там же половина камер героями войны за Кодекс занята, скажете, не так?

— Гораздо больше половины, — подтвердил сэр Джуффин. — Если ты радуешься возможности завязать с ними знакомство, я тебя хорошо понимаю. И в каком-то смысле даже одобряю столь похвальное стремление лично соприкоснуться с живой историей магии. Возможно, однажды тебе действительно удастся увидеть кого-нибудь из этих великих людей на ежегодном обеде, который комендант Холоми устраивает для избранных узников.

— Только на ежегодном обеде? — не веря своим ушам, переспросил я.

— Ну да. Тюрьма тем и отличается от прочих человеческих жилищ, что населяющие ее достойные люди проводят время в полном одиночестве, сидя в своих камерах.

— И что они там делают? — холодея от ужаса, спросил я.

Сэр Джуффин задумался.

— Наверное, читают, — неуверенно предположил он. — В Холоми, знаешь ли, отличная библиотека... Думают. Пишут письма родным и друзьям — Безмолвной речью-то^[8] в Холоми не воспользуешься. Иногда гуляют в саду — по очереди, конечно же. То есть поодиночке.

— Поодиночке? Получается, узники встречаются друг с другом только раз в год, и всё?

— Это в лучшем случае. Ежегодный обед устраивают не для всех, а для избранных. У тебя, в силу возраста и биографии, не слишком высокие шансы быть включенным в список приглашенных, но чем только Темные Магистры не шутят. В любом случае, все решает сам комендант. Может быть, лет через десять-двадцать он сочтет тебя достаточно интересным собеседником.

— Через десять-двадцать? — Я был потрясен. — Хотите сказать, что я буду сидеть в Холоми так долго?

Перспектива стать узником знаменитой тюрьмы прельщала меня все меньше. Похоже, это гораздо хуже, чем быть пиратом, — те-то хотя бы раз в несколько дней сражениями развлекаются. Вот только понял я это, мягко говоря, поздно.

— Ну да, — флегматично кивнул сэр Джуффин. — Не знаю, каковы были твои первоначальные намерения, но за применение в общественном месте пятьдесят девятой ступени Черной магии сейчас можно получить лет тридцать, не меньше.

— Какой пятьдесят девятой?! — взвыл я. — Восьмой! Это была восьмая ступень. Восьмая!

— Не сомневаюсь, что твой приятель собирался обучить тебя именно одному из приемов восьмой ступени, — согласился сэр Джуффин. — Хотя бы потому, что это — предел его собственных скромных возможностей. Однако вышло так, что ты перестарался и применил именно пятьдесят девятую ступень. Нечаянно, конечно. Именно в этом и состоит проблема.

— В чем? — Я окончательно перестал понимать, к чему он клонит. — В том, что нечаянно?

— Ну да. С одной стороны, ты как бы и не виноват. Вернее, почти не виноват. И справедливость требует отпустить тебя восвояси, обязав возместить убытки пострадавшим, — ничего не поделаешь, придется твоему братцу выпотрошить дополнительную пару-тройку купеческих кораблей, но сэр Анчифа, не сомневаюсь, как-нибудь справится.

— Ну и вот! — торжествующе сказал я. — Штраф — это вполне справедливо. Я только «за».

— Но в интересах безопасности Соединенного Королевства мне все-таки следует упрятать тебя в Холоми, — огорошил меня Джуффин. — Заклинание-то ты уже знаешь, и это нельзя изменить. А способностями ты, похоже, пошел в деда. Что было бы просто прекрасно — лет, скажем, двести-триста назад. Но, уж прости меня, совершенно не к месту в наши мирные времена. И кто может поручиться, что тебе никогда не захочется еще раз проделать этот фокус?

— Мне не захочется, — искренне сказал я. — Нет ничего хорошего в том, чтобы разрушать дома и вырывать с корнем деревья.

— Это ты сейчас так говоришь, — отмахнулся сэр Джуффин. — Со временем твое мнение вполне может измениться. Но гораздо хуже другое: ты никогда не обучался магии и, соответственно, умению держать ее под контролем. Я хочу сказать, что в один прекрасный день ты можешь нечаянно повторить давешний подвиг. Сам не заметишь, как это случится.

— Как такое возможно? Обычно я хорошо понимаю, что делаю. Возможно, не всеми моими поступками можно гордиться, но, по крайней мере, я всегда совершал их осознанно.

— А во сне? — невинным тоном спросил сэр Джуффин. И принялся набивать трубку, предоставив мне возможность обдумать его слова.

Крыть было нечем. Контролировать свои действия во сне я не умел. До сих пор мне даже в голову не приходило ставить вопрос таким образом. На то он и сон, чтобы отдыхать от бодрствования и сопутствующего ему самоконтроля, — так мне казалось.

— А разве такое бывает — чтобы человек колдовал во сне? — недоверчиво спросил я.

— Еще бы, — невозмутимо подтвердил господин Почтеннейший Начальник. — В старые времена добрая половина сражений между враждующими Орденами была битвами спящих Магистров. А юных послушников того же Семилистника до сих пор укладывают спать поодиночке, в тесных подвальных помещениях, где нет никакой мебели, кроме брошенного на пол матраса, — как ты думаешь, зачем?

— Для того чтобы отравить им жизнь? — усмехнулся я. — Впрочем, из логики вашего повествования следует, что это делается ради их же безопасности.

— Соображаешь, — вздохнул сэр Джуффин. — И вот, скажи на милость, что мне с тобой, таким сообразительным, делать?

Я пожал плечами. Дескать, что хотите, то и делайте. Понятно же, что все равно упечете в Холоми, и чем я там буду заниматься? Книжки читать, по сорок штук в день, дожидаясь своей очереди погулять по саду?.. Впрочем, трудно будет только первые полгода. Потом я наверняка сойду с ума от скуки, и станет повеселее. У безумцев свои, недоступные нормальным людям, тайные радости и развлечения.

Сэр Джуффин тем временем раскуривал трубку и, сам того не ведая, усугублял мои страдания. Я до сих пор не определился, что ненавижу сильнее — запах угуландского табака или долгие паузы в разговоре. Но и то, и другое — больше всех прочих зол, это точно.

— Лично я вижу только один достойный выход из сложившейся ситуации, — объявил мой мучитель.

Я тоже вижу этот выход, мрачно подумал я. Выкурить еще пару-тройку трубок, и можно с легким сердцем рассылать приглашения на мои похороны.

Но вслух я ничего не сказал.

— Если уж ты столь успешно начал учиться запрещенной законом магии, логично было бы продолжить занятия, — говорил сэр Джуффин. — Уделяя особое внимание технике безопасности. Но, конечно же, не ограничиваясь ею.

Он произнес это таким обыденным тоном, каким обычно обсуждают меню завтрашнего обеда и прочие милые пустяки. Так что до меня далеко не сразу дошел смысл его слов. А когда все-таки дошел, я сказал себе, что ослышался. Что-то неправильно понял. Потому что не может же быть...

Джуффин с неподдельным интересом наблюдал за бушующими во мне бурями. И когда понял, что я уже почти готов взорваться ликованием, добавил:

— Но тут есть одно серьезное препятствие.

Вообще-то Кодекс Хрембера запрещает применять к арестованным пытки. Но господина Почтеннейшего Начальника это никогда не останавливало. Он снова умолк, как бы размышляя. И с величайшим наслаждением промолчал целую вечность — секунд десять, никак не меньше.

— Я имею право обучать Очевидной магии только сотрудников Тайного Сыска, — наконец сказал он.

Я окончательно сник. И тогда сэр Джуффин Халли добил меня последним решающим ударом.

— Так что если ты всерьез решил учиться, тебе придется поступить на службу в Тайный Сыск.

— Как это? — переспросил я, поскольку к этому моменту окончательно утратил не только остроту ума, но и способность понимать человеческую речь.

— Ну как обычно поступают на государственную службу. — Он неодобрительно поморщился. — Подписать несколько дюжин дурацких бумаг, и что там еще положено делать в таких случаях? Не помню. Но знаю, кого спросить.

— То есть вы собираетесь нанять меня на работу в Тайный Сыск? Вместо того чтобы запереть в Холоми?

Это было настолько нелогично, что я невольно принял. Но безумием от сэра Джуффина Халли не пахло. Оставалось предположить, что с ума сошел я сам.

— Получается, что так, — согласился мой будущий шеф. — Сам удивляюсь. Но иной возможности обучать тебя магии, не нарушая закон, я не вижу.

— Значит, я буду числиться на службе в Тайном Сыске, а на самом деле учиться магии?

— Не числиться, а работать, — строго сказал он. — Примерно двадцать часов в сутки. А все остальное время мы с тобой, как и договаривались, посвятим учебе. Только не спрашивай меня, когда ты будешь спать. Не знаю! Сам что-нибудь придумай. — Помолчав, он добавил: — Не стану тебя обманывать, сэр Мелифаро, в Холоми тебе было бы гораздо спокойнее. Но магии ты там точно не научился бы, а значит, жизнь твоя прошла бы совершенно впустую.

— А теперь, получается, не впустую?

— По всему выходит, что нет.

Только тогда до меня наконец дошло, что означает его предложение. Я буду учиться магии. Не когда-нибудь, год, или два, или вечность спустя, а

вот прямо сейчас. Вернее, на днях. Но по сравнению с вечностью «на днях» — это и есть «сейчас». А уже потом поищу деда, пусть научит меня всему, чего не знает сэр Джуффин Халли. И ему так будет интересней, чем с новичком возиться.

Это было настолько потрясающе, что я громко заорал, подпрыгнул, уцепился за люстру и принялся на ней раскачиваться. Будущий начальник наблюдал за моими действиями без особого удивления, но с неподдельным исследовательским интересом.

— Придется, пожалуй, отвезти тебя домой, — решил он. — Пускать тебя за рычаг амобилера в таком состоянии было бы роковой ошибкой. Не хотелось бы, чтобы пошли слухи, будто служба в Тайном Сыске настолько опасна, что молодые сотрудники гибнут еще до официального зачисления в штат.

— Отвезти домой? — Я так удивился, что даже прекратил раскачиваться на люстре. Просто висел и болтал ногами.

— Я уже послал зов твоей матушке, пожаловался, что ты сожрал все мои бутерброды, и напросился на ужин в качестве компенсации.

— Люди только и думают о том, чтобы поесть. И при этом совершенно забывают о других, — внезапно раздался необычный, не то хриплый детский, не то слишком высокий мужской голос. Он звучал не снизу, а, напротив, сверху, хотя я находился практически под потолком.

Оглядевшись, я обнаружил, что на книжном шкафу сидит довольно крупная большеглазая птица, круглая, как шар, — не то толстая, не то просто перья густые. Я впервые в жизни видел буривуха. У нас в Угуланде и вообще на Хонхоне эти говорящие птицы не живут, их родина — далекий Арварох, откуда даже мой удачливый и хитроумный отец едва живым выбрался. В наших зоопарках буривухов не содержат, и правильно делают. Арварохские птицы чрезвычайно разумны, к тому же обладают феноменальной памятью. То есть средний человек буривухам в подметки не годится, и кого из нас следует содержать в зоопарке — это еще большой вопрос.

Но в конце концов до меня все-таки дошло, кто передо мной, хотя на картинках в отцовской «Энциклопедии Мира» буривухи гораздо крупнее и не такие круглые, что как раз неудивительно: разумен ты или нет, а в Арварохе поди отъешься. Гиблое место.

Шеф Тайного Сыска был похож на провинившегося мальчишку.

— Прости, милый. Я как раз собирался достать для тебя орехи.

— Тогда ладно, — смилостивился буривух. — Я беспокоюсь, потому что знаю: вы, люди, вечно обо всем забываете.

— Ничего себе, — высказался я.

— Да, я до сих пор не сообщил тебе самого главного, — кивнул сэр Джуффин. — Возможность ежедневно встречаться с буривами — одно из величайших преимуществ службы в Тайном Сыске. Это Куруш, он живет в моем кабинете и любезно помогает мне управляться с секретной информацией, которую невозможно удержать ни в одной человеческой голове, а записывать — слишком долго и мучительно. Несколько дюжин его коллег обитают в нашем Большом Архиве, и я думаю, их присутствие в Доме у Моста — главное мое достижение за все годы службы.

— Ну ничего себе, — повторил я.

И наконец прыгнул на пол.

Ехали мы долго. Это только сэр Макс от Дома у Моста до нашего имения за полчаса добирался, да еще и мимо нужного поворота вечно проскакивал, всякий раз удивляясь, что все, оказывается, так близко. А у нас с сэром Джуффином дорога отняла без малого два часа. За это время я успел оправиться от потрясения, спокойно обдумать сложившуюся ситуацию, классифицировать ее как абсолютно невозможную, упасть духом и несколько раз ущипнуть себя на тот случай, если происходящее мне просто снится. Обзавелся полудюжиной синяков — вот и весь результат. Сэр Джуффин Халли, похоже, был целиком поглощен процессом управления амобилером и заметил мои страдания далеко не сразу.

— На самом деле этот способ в большинстве случаев не работает, — наконец сказал он. — То есть когда мы имеем дело со сновидением, в рамках которого возможно задать себе вопрос: «Сплю я или бодрствую?» — шансы пробудиться от щипка столь сомнительны, что я не называю их нулевыми исключительно из уважения к тому разделу математики, который занимается изучением исчезающе малых величин. С тем же успехом можешь просто поверить мне на слово: сейчас ты совершенно определенно бодрствуешь. В чем в чем, а в таких вещах я разбираюсь.

И снова замолчал, как будто все самое важное уже было сказано.

— Ладно, хорошо, предположим, бодрствую, — согласился я. — Тогда объясните мне, пожалуйста, вот что. Когда вы говорили, будто мне предстоит работать двадцать часов в сутки, что вы имели в виду? Какую практическую пользу я могу вам принести? Полы помыть? В трактир за обедом сбегать? Белый балахон вашему, как вы выразились, лучшему сотруднику постирать?

— Вот это — ни в коем случае, — совершенно серьезно сказал сэр Джуффин. — Такую работу сэр Шурф даже мне, пожалуй, не доверит. Да и

полы в моем кабинете мыть не так просто, как ты думаешь. Восемнадцатая ступень Черной магии и тридцать вторая Белой — чтобы дышалось лучше. Думаю, поначалу тебе придется делать работу попроще.

— Например? — Я решил, что не отстану от него, пока не получу внятного ответа. Чтобы не пришлось гадать до завтрашнего утра — заставят меня круглосуточно драить сортиры в Доме у Моста или все-таки обойдется?

— Попробуй догадаться сам, — отрезал сэр Джуффин. — У тебя есть шанс — при условии, что ты вспомнишь то небольшое, что знаешь о Тайном Сыске и о себе. И выкинешь из своей бедной головы мрачные мысли об уборке помещений — для этого у тебя пока недостаточно высокая квалификация, смирись.

«Недостаточно высокая квалификация» — это звучит довольно обидно, но только не тогда, когда речь идет о черной работе. Поэтому я приободрился и начал думать.

О Малом Тайном Сыском войске, особом следственном управлении, созданном сразу после окончания войны за Кодекс Хрембера на тот случай, если кто-нибудь из уцелевших в Смутные времена колдунов, одурев от тягот мирной жизни, пустится во все тяжкие, я знал примерно столько же, сколько любой столичный обыватель, то есть почти ничего. Источников информации об их деятельности было два — городские слухи и газетные статьи. Я не доверял обоим, но в общем полагал, что каких-то вооруженных запретными знаниями злодеев Тайные сыщики время от времени действительно ловят. Газетчики их подвиги наверняка преувеличивают, но вряд ли сочиняют совсем уж на пустом месте.

О себе я знал гораздо больше, чем о Тайном Сыске, — так мне, по крайней мере, казалось. И принялся гадать, какие из моих многочисленных достоинств и умений могут быть полезны Тайному Сыску. Вряд ли им требуется хороший математик и тем более посредственный юрист. А уж скверный историк и подавно не нужен. Что касается моих боксерских талантов — я бы не удивился, если бы они приглянулись начальнику обычной городской полиции, а мятежных Магистров кулаками особо не напугаешь.

Не то сэру Джуффину прискучило наблюдать за моими интеллектуальными муками, не то в его сердце и правда есть место милосердию. Во всяком случае, он сжалился и дал мне подсказку:

— В детстве ты, помнится, неплохо разбирался с головоломками. До сих пор горжусь идеей тебя к ним приохотить.

— Гордитесь идеей?.. Погодите, так это были вы?

Надо же, какая, оказывается, важная персона меня на закорках таскала, а я и не подозревал об оказанной мне чести.

— Наконец-то я знаю, кого благодарить за те игрушки, — сказал я. — Такое счастье было с ними возиться. Я бы, пожалуй, и сейчас время от времени развлекался с головоломками, но мне уже давно не попадалось ничего новенького. Очень жаль!

— Ну вот видишь. А у нас головоломок больше, чем любителей их разгадывать. Так что, выходит, я предлагаю тебе скорее развлечение, чем работу.

— Головоломки? — неуверенно переспросил я. — То есть вы хотите сказать... Нет, быть того не может. Что я вот так сразу — хлоп! — и начну распутывать всякие загадочные преступления?

— Почему бы нет? Сегодня как раз выяснилось, что ты уже знаешь, как должен вести себя следователь. Сперва допросить подозреваемого и только потом делать выводы. Свежий, оригинальный подход! Мне бы в голову не пришло.

Переступая порог родительского дома, я был твердо уверен, что ни заключение в Холоми, ни мытье сортиров мне в ближайшее время не грозят. Оставалась всего одна серьезная проблема — пришедший в негодность гардероб, поэтому я сразу помчался наверх, в свою комнату. Одевался очень тщательно: сэр Джуффин Халли полдня наблюдал меня в дырявой скабе и обгоревшем лоохи, и мне пришлось здорово поломать голову, чтобы придумать, как сгладить столь неприятное первое впечатление.

Когда я вернулся в гостиную, родители и сэр Джуффин уже сидели за столом. Вообще-то, в нашем доме не приняты общие застолья — каждый ест, когда захочет, без церемоний и не оглядываясь на других. Но когда появляется голодный гость, непременно выясняется, что у хозяев тоже разыгрался аппетит, — такие уж мы компанейские люди.

По лицам родителей я сразу понял, что сэр Джуффин ничего им не рассказал. Предоставил мне возможность выложить новости самостоятельно, в том виде и в том порядке, в каком сочту нужным. Мне это понравилось. Обычно люди, облеченные властью, — да взять хотя бы наших профессоров — ведут себя куда более бесцеремонно.

— Ну, во-первых, с Высокой Школой покончено, — сказал я, усаживаясь за стол и отрезая себе кусок зеленого мясного пирога.

— Все-таки вылетел? — оживилась мама. Она всегда была высокого мнения о моих способностях усложнять себе жизнь.

Я помотал головой:

— Прости, мама. Ты всю жизнь думала, что твой сын лихой парень, а я оказался скучным филистером. Пошел, договорился и досрочно сдал все экзамены, как последний болван. Диплом еще не готов, его обещали прислать позже. Я, видишь ли, сдуру получил только высшие баллы, а дипломы отличников не в типографии печатают, а заказывают какому-то специальному придворному художнику, как в старые добрые времена. В общем, когда-нибудь его все-таки пришлют, не сомневайся. Возможно, к этому времени у меня уже будут правнуки. То-то они обрадуются!

— Погоди-ка. Хочешь сказать, что ты не просто бросил Высокую Школу, а сперва сдал выпускные экзамены? — изумился отец. — Совершенно на тебя не похоже. Как ты себя чувствуешь, сын?

— Спасибо, неплохо, — вежливо сказал я. — Просто вдруг подумал, что для нашей семьи это единственный шанс бесплатно украсить уборную на втором этаже какой-нибудь симпатичной картинкой. Должен же я делать какой-то вклад в общее хозяйство.

— То есть ты действительно получишь этот грешный диплом? — Отец, бедняга, ушам своим не верил.

— Получит-получит, — неожиданно вмешался сэр Джуффин. — По моим сведениям, сейчас добрая половина профессоров Высокой Школы кутит в «Крашеной репе». Празднуют избавление от очередного слишком умного студента, которого и отчислить было жалко, и терпеть не вмоготу.

С точки зрения человека, полагающего себя уникальным и непревзойденным экземпляром, слово «очередного» звучало довольно обидно, но я уже понял, что это далеко не худшее, что можно услышать от будущего шефа.

— Глядя на вашу реакцию, я начинаю сомневаться, что это была хорошая новость, — хладнокровно продолжил я. — Что ж, две другие, по крайней мере, гораздо забавнее. Во-первых, нынче днем я был арестован за нарушение Кодекса Хрембера. Черная магия пятьдесят девятой ступени в общественном месте. Сэр Джуффин подтвердит.

На этом месте я, в полном соответствии с требованиями драматургии, умолк и обвел присутствующих торжествующим взглядом.

— До дедушки Фило тебе пока далеко, — вздохнул отец. — Но, принимая во внимание, что в Высокой Школе больше не изучают Очевидную магию, очень и очень неплохо. На сколько лет вы упрячете его в Холоми, Джуффин? Или решили ограничиться изгнанием?

— Лучше бы изгнание, — вмешалась мама. — В Холоми мальчик от скуки свихнется.

У меня самые лучшие родители в мире, я всегда это знал. И поэтому не стал слишком затягивать паузу.

— Сэр Джуффин приговорил меня к каторжным работам в Доме у Моста, — объявил я. — Говорит, от меня там будет польза. Так что на днях я, видимо...

— Почему это «на днях»? — удивился Джуффин. — Ишь размечтался. Ты завтра же приступаешь к работе.

— Ну, вообще-то, мне надо бы сперва подыскать жилье, — объяснил я. — С квартиры на улице Треугольников я уже съехал.

— Ладно, тогда можешь посвятить утро поискам и явиться на службу к полудню, — милосердно согласился мой шеф, злодей, каких мало, самый ужасный человек из всех, кого я знал. Хуже, пожалуй, только присутствующий здесь сэр Макс, но он, по крайней мере, никогда не был моим начальником.

— На твоём месте я бы соглашался на первый попавшийся вариант, — добавил сэр Джуффин. — Какая разница, где держать вещи и время от времени, если очень повезет, ночевать?

Я не стал говорить, что первый попавшийся вариант вряд ли меня устроит по той простой причине, что жилье мне требуется дешевое. Родители мои щедры, но не столь богаты, как нам всем хотелось бы, а брать деньги у пирата Анчифы теперь, когда я поступил на государственную службу, видимо, будет неправильно... Или нет? Я решил не гадать, а прямо спросить у сэра Джуффина. Кто-кто, а уж он-то в курсе наших семейных дел. И смотрит сквозь пальцы на тот факт, что братец подолгу гостит у нас чуть ли не каждый год, а его «Фило» болтается у причала в порту — как будто наспех нарисованное на его борту иностранное название может кого-нибудь обмануть.

Я мог гордиться — похоже, мой вопрос по-настоящему озадачил господина Почтеннейшего Начальника.

— Закон запрещает давать деньги и оказывать другую помощь преступникам, — наконец сказал он. — А брать вроде не запрещено. Правда, будь на моем месте Магистр Нуфлин, он непременно сказал бы тебе, что такие денежные поступления следует оформлять как конфискацию и сдавать в казну, но его мы спрашивать, пожалуй, не станем. Хотя бы потому, что с сэром Анчифой все далеко не так просто. Если в один прекрасный день он предстанет перед судом Соединенного Королевства, то будет немедленно оправдан. Вот на территории любого другого государства я бы ему попадать в руки закона действительно не советовал.

— Будет оправдан? — изумился я. И во все глаза уставился на отца. Я всегда знал, что он у нас великий путешественник, прославленный ученый и вообще знаменитость. Но что его положение позволяет членам семьи безнаказанно творить что вздумается — такое мне в голову не приходило. Или не всем членам семьи, а только Анчифе? Потому что они вместе путешествовали, когда папа писал свою «Энциклопедию Мира»? Все равно неплохо.

— Законы Соединенного Королевства не позволяют наказывать человека за поступок, который был совершен ради спасения жизни и рассудка, — сказал сэр Джуффин. — Ты в курсе, что твой брат побывал в плену у укумбийских пиратов?^[9]

— В общих чертах, — кивнул я. — Анчифа не любит об этом рассказывать. Он вообще только с виду компанейский, а на самом деле молчун, каких еще поискать.

— По сравнению с тобой я тоже молчун, — усмехнулся отец. — И вообще все.

— Укумбийцы провели твоего брата через обряд посвящения в морские охотники, или как он там у них называется. Посвященный не просто получает право стать пиратом — с этого момента он уже не может быть никем другим. Сэру Анчифе пришлось заняться морским разбоем, чтобы сохранить жизнь и рассудок, поэтому никакой вины на нем нет.

— Ну и дела. — Я покачал головой. — А почему тогда он осторожничает? Закрашивает название своей шикки, называется чужим именем на таможне? Предстал бы перед судом, получил оправдание и жил бы спокойно...

— Так-то оно так, — согласился сэр Джуффин. — Но видишь ли, если суд Соединенного Королевства официально признает Анчифу невиновным, на нас крепко обидятся все остальные государства, чьи граждане так или иначе пострадали от действий твоего братишки. Это политика, мальчик. Соединенное Королевство самая могущественная держава в Мире, но это не означает, что в наших интересах рассориться со всеми остальными странами одновременно. И кроме того, как быть с командой «Фило»? Матросы-то стали пиратами не в результате таинственного укумбийского обряда, а по собственному выбору. А значит, им оправдание не светит. Так что для всех лучше, если никакого суда никогда не будет. Поэтому сэр Анчифа старательно делает вид, что скрывается от правосудия. А служители закона притворяются, будто и правда не могут его поймать. Разумный компромисс.

— Что ж, по крайней мере, теперь ясно, что я могу спокойно брать у

него деньги, — с облегчением сказал я.

— Зато я так и не понял, зачем тебе его деньги. Неужели ты настолько жадный?

— Вовсе не жадный, — запротестовал я. — Но надо платить за квартиру, так? Обедать, положим, можно за счет Короля^[10], я не гордый. Но покупать одежду явно придется за свои — скажете, нет?

— Ну да. Не хватало еще, чтобы Король платил за твой гардероб. И обедать за счет Королевской казны тебе вряд ли придется. До сих пор еще не случалось, чтобы моим сотрудникам не хватало жалованья на еду. Хотя жрут все как не в себя. Известное дело, чем чаще колдуешь, тем больше надо есть, но все равно иногда поражаюсь их способностям...

— Жалованья? — не веря своим ушам, переспросил я. — Вы хотите сказать, что мне еще и деньги будут платить?

— Ну да, а как иначе? С чего ты вообще взял, будто я собираюсь заставить тебя работать бесплатно?

— Я подумал, это будет натуральный обмен, — объяснил я. — Вы учите меня магии, я за это на вас работаю. По-моему, все честно.

Сэр Джуффин Халли хохотал так, что посуда на столе звенела и дребезжала, как будто ожила специально для того, чтобы присоединиться к веселью господина Почтеннейшего Начальника.

— Только никому не говори, — сквозь смех простонал он. — Никогда! Даже не вздумай признаваться, что был готов работать бесплатно.

А успокоившись, добавил:

— Нуфлин меня живьем сожрет, если узнает, что я упустил такой шанс сэкономить казенные средства.

— Ладно, никому не скажу, — пообещал я.

И до сегодняшнего дня честно держал слово.

По случаю моего внезапного трудоустройства была откупорена бутылкапряного укумбийского бомборокки, запасы которого в родительском доме не переведутся, пока Анчифа не уйдет в отставку. А потом — еще одна. Студенческие попойки сделали меня более-менее закаленным выпивохой, но за старшими мне было не угнаться. Дело кончилось тем, что я задремал в кресле и сквозь сон услышал, как мама, по своему обыкновению, завела разговор о моем гороскопе, обладателю, которого якобы следует избегать любых опасностей, а сэр Джуффин ответил:

— Ну, все-таки служба в Тайном Сыске — куда менее опасное занятие, чем бесплодные поиски неуловимого Магистра Фило по всему свету.

Откуда он знает, изумился я, этого же не знает вообще никто, я никому не рассказывал о своих планах, не намекал даже. И, не открывая глаз, едва ворочая языком, спросил:

— Так вы все это время читали мои мысли?

— Тому, кто знает людей и умеет работать с информацией, читать мысли приходится крайне редко. Ясно же, что у тебя просто не было других вариантов более-менее интересно организовать свою жизнь, разве не так? А теперь есть. Спи, не отвлекайся. В ближайшие несколько лет тебе будет не до того.

Уж он-то знал, о чем говорит.

Новая жизнь началась еще до рассвета и хотя бы поэтому показалась мне совершенно невыносимой. Когда сэр Джуффин вытряхнул меня из кресла, где я провел ночь, я сперва решил, что он любезно предлагает мне отправиться в спальню. Выяснилось, однако, что о существовании спальни в родительском доме мне следует забыть, желательно — навсегда. Я был так шокирован этим сообщением, что покорно позволил затолкать себя в амобилер, где, впрочем, снова задремал и благополучно проспал до самого Дома у Моста.

— Позавтракать можешь в «Обжоре», мадам Жижинда рано открывает, — сказал сэр Джуффин. — Потом отправляйся на поиски жилья, а в полдень я тебя жду. Опаздывать не рекомендую. Начинать всякое дело следует красиво.

— Красивее, чем уже есть, просто не бывает, — сонно буркнул я, но слушать меня было некому. За шефом как раз захлопнулась входная дверь Управления Полного Порядка, а других психов, вскакивающих ни свет ни заря, на улице Медных Горшков не было.

«А в Холоми небось еще все спят», — вздохнул я, впервые в жизни искренне сожалея о принятом решении.

И отправился в трактир «Обжора Бунба», двери которого действительно уже были гостеприимно распахнуты. Завтрак оказался великолепен, а камра — и вовсе лучшая в городе, я уж на что был несчастен и зол на весь Мир, а все равно оценил.

Хуже всего было не то, что мне не удалось выспаться после непростого, прямо скажем, дня. И даже не похмелье — от укумбийского бомборочки его практически не бывает. Но сэр Джуффин не дал мне возможности собрать вещи или хотя бы просто переодеться. То есть я был вынужден ходить по городу в том самом костюме, в котором проспал всю ночь. Нечего и говорить, что такое со мной случилось впервые. Далеко не

всякий портовый нищий позволяет себе подобную неопрятность.

С другой стороны, оно и неплохо, если в первый же день службы с тобой случается самое худшее, что только может быть. Все остальные беды после такого дебюта покажутся мелкими неприятностями. Но это я теперь понимаю, а в то утро мне пришлось несладко, лавки-то в такую рань закрыты.

Но самообладания мне было не занимать. В трактире я вел себя как нормально одетый человек, и это сработало. Мне не только не выплеснули в лицо вчерашний суп, но без лишних вопросов открыли кредит^[11]. Это было как нельзя кстати. Прежде-то я в «Обжору Бунбу» не ходил, а в карманах у меня этим утром было пусто, как никогда прежде. Знавал я предусмотрительных людей, но и они не запасались наличностью, спускаясь к ужину в родительском доме.

Покончив с первой кружкой камры, я пришел в себя настолько, что принялся обдумывать следующий ход. Снять жилье в столице Соединенного Королевства — дело и правда несложное, и все же я не был уверен, что управлюсь до полудня. Хотя бы потому, что оба известных мне маклера еще крепко спали, — и что прикажете делать? Ходить по улицам, стучать в окна, спрашивать у всех подряд, не нужен ли жилец? Развлечение так себе, да и коэффициент полезного действия низковат.

Без особой надежды, скорее по привычке не терять зря время, я спросил хозяйку, не сдает ли случайно квартиру кто-нибудь из ее соседей. Ввернул комплимент — дескать, мне так понравилась здешняя готовка, что хорошо бы поселиться поближе. Ответ мадам Жижинды меня огорошил.

— Если четверть часа пешей ходьбы не покажется тебе непреодолимым препятствием, проблему можно решить, — флегматично сказала она.

Я заверил эту милую женщину, что четверть часа пешей ходьбы — именно то, что требуется моему организму, для того чтобы нагулять аппетит, достойный здешней кухни, и тут же получил адрес ее — не то внучатой племянницы, не то еще какой-то дальней родственницы, которая страстно желала сдать квартиру на улице Хмурых Туч и никак не могла подыскать жильца.

Думаю, если бы не я, хозяйка искала бы жильца по сей день. Сама по себе квартира была ни хороша, ни плоха — жилье как жилье; обставленное с претензией на роскошь, совершенно не в моем вкусе. Однако стоила она раза в полтора дороже, чем позволяли запросить здравый смысл и совесть.

Но я был на редкость покладист. Возможность принять ванну прямо сейчас, а не когда-нибудь в далеком будущем примирила меня с жадностью

хозяйки. Для начала сойдет, а потом подыщу что-нибудь более подходящее, решил я.

Ну что вам сказать. С тех пор прошла не одна дюжина лет. Я до сих пор живу на улице Хмурых Туч и очень сомневаюсь, что в ближайшие годы у меня действительно найдется время, чтобы заняться поисками более подходящего жилья или хотя бы покупкой соответствующей моему вкусу мебели. Жене, впрочем, нравится... или нет? Понятия не имею. За восемь лет совместной жизни мы с ней просто не успели об этом поговорить.

Но в то утро я еще не знал, что, посулив мне двадцать часов работы в сутки, сэр Джуффин Халли почти не шутил, а потому был счастлив и безмятежен. Успел не только помыться, но и зайти в соседнюю лавку, подобрать там несколько комплектов одежды — не безупречной, но вполне сносной, переодеться и явиться в Дом у Моста за несколько минут до назначенного срока.

Признаваясь в таких вещах, всегда чувствуешь себя дураком, но чего уж там, я изрядно нервничал. Ну то есть когда мы с сэром Джуффином вчера обо всем договаривались, это было слишком похоже на сон, чтобы всерьез беспокоиться. А теперь дело обстояло иначе. Я шел по городу свежий, умытый, тщательно одетый — в Дом у Моста, чтобы приступить к работе в Тайном Сыске. И все это было так мало похоже на сон, что я поневоле начал прикидывать, сколько раз успею сесть в лужу еще до наступления вечера. И сколько раз сэр Лонли-Локли, дюжину вурдалаков ему под одеяло, посмотрит на меня как на пустое место. И так далее.

Немудрено, что я был на взводе. Даже загадал про себя — если не наткнусь в коридоре на эту ходячую «истину» в белом чехле, значит, все будет в порядке. А если наткнусь — что ж, возможно, сэр Джуффин Халли с пониманием отнесется к моему желанию немедленно отправиться на край света.

Шурфа Лонли-Локли я заметил издалека, когда свернул на улицу Медных Горшков. Он как раз вышел из Дома у Моста — такое поди не разгляди. И отправился не мне навстречу, а в противоположном направлении, к Хурону. Такой молодец. Я счел его отлучку добрым знамением и прибавил шаг. Будущее больше не пугало меня, по крайней мере ближайшее. Когда-нибудь этот тип, надо полагать, все-таки вернется на службу, так что встреча с его равнодушными буркалами, увы, неизбежна. Но сейчас я был так счастлив, что великодушно разрешил себе подумать об этом позже.

Дверь кабинета, где вчера меня допрашивал, вернее, так и не собрался допросить господин Почтеннейший Начальник, была слегка приоткрыта; оттуда доносились голоса. Один явно принадлежал самому сэру Джуффину, второй был мне незнаком.

Я почти невольно притормозил. С одной стороны, не хотел мешать беседе, с другой — был не прочь ее подслушать. Очень уж интересный разговор там шел. И явно не предназначенный для моих ушей.

— Покраснел, значит? — заинтересованно переспрашивал незнакомый голос.

— Пятнами пошел, — говорил сэр Джуффин. — Зато не просто красными. Такой богатый оттенок малинового цвета, видели бы вы.

— Да я уже и сам локти кусаю, что такое редкое зрелище пропустил. Сколь немилосердна бывает порой судьба!

— Напрасно вы на нее обижаетесь. Зрелище — Магистры с ним. Изловите какого-нибудь портового нищего, постарше и позловредней, отберите у него всю дневную выручку, пообещайте вернуть половину, если он вылижет ваши сапоги, и внимательно смотрите ему в лицо — примерно то же самое и увидите... Зато, зато! Вы не представляете, что я выторговал.

— Ну-ка, ну-ка, — оживился его собеседник.

— Четверть подземелий под Хуроном теперь наша. Это раз.

— Очень неплохо. Вы давно на эти подвалы зубы точили.

— Точил не то слово. Нуфлину эта территория больше для гонора нужна, а я без подземелий как без рук. Кроме того, теперь у нас есть три дополнительные вакансии, и мы с вами можем заполнить их когда и кем пожелаем — хоть завтра, хоть через сотню лет. Не согласовывая наши кандидатуры ни с Орденскими, ни с Королевскими бюрократами. И вообще ни с кем. Лично мне вот прямо сейчас больше никто не нужен, но никогда не знаешь...

— Целых три вакансии? Умеете вы, кеттарийцы, торговаться.

— Вы дальше слушайте. Полная и окончательная отмена ограничений на следственные расходы. Если мы потратили миллион, значит, так было надо. И никаких вопросов. Честно говоря, только для вас и старался. Видеть уже не могу, как вы в конце каждого года объяснительные о причинах перерасхода казенных средств диктуете. Отчеты для казначейства составлять, конечно, все равно придется, но с объяснительными покончено навсегда.

— А вот за это низкий поклон. Надо же! Не ожидал от вас такой прыти.

— И это еще не все. Сейчас привести бы музыкантов, чтобы сперва

торжественный марш, а уже потом новость, но ладно. Обойдемся. Так вот, с этого дня мы официально отчитываемся о проделанной работе только перед Королем. Семилистник в наши дела больше не лезет. Ну то есть лезть-то они все равно будут, но мы больше не обязаны им в этом помогать. А напротив, имеем полное право ловить соглядатаев за руку и строчить жалобы нашему добрейшему юному Королю, который, не сомневаюсь, с огромным удовольствием будет давать им ход.

— Ну ничего себе, — выдохнул незнакомец. — Сказал бы мне кто об этом всего год назад, ни за что не поверил бы. А вы?

— Ну, положим, я всегда знал, что рано или поздно поверну все по-своему. Но не думал, что в один прекрасный день это окажется настолько просто. И ведь Нуфлин, горемыка, даже наемного убийцу ко мне прислать не может. Нет у него специалистов достаточно высокой квалификации. И никогда не будет. Бедняге сейчас не позавидуешь. Дорого же ему обошелся этот богатенький оболтус!.. И кстати об оболтусах. Сэр Мелифаро, прекрати подслушивать государственные тайны. Я их тебе и так совершенно добровольно разглашу, если захочешь.

Я принял подобающий случаю виноватый вид и осторожно заглянул в кабинет.

— Твоего носа мне тут недостаточно, — заметил сэр Джуффин. — Заходи целиком.

Я вошел и во все глаза уставился на обладателя второго голоса, крупного пожилого господина с надменным породистым профилем и неотразимой улыбкой. Одет он был в совершенно ужасающее коричневое лоохи из грубой шерсти, о венчавшем его голову убогом тюрбане я и вспоминать на ночь глядя не хочу, но человеку-легенде еще и не такое простительно.

А сэр Кофа Йох был не просто легендой, но, если можно так выразиться, сказкой. Доброй сказкой о мудром и великодушном начальнике полиции Правого берега, которого любил весь город. Который в Смутные времена ежедневно спасал больше людей, чем съедал пирожков, — притом что его отменный аппетит успел стать отдельной легендой, чрезвычайно популярной в среде столичных трактирщиков.

Коротко говоря, если именем Джуффина Халли в Ехо до сих пор пугают детей, то рассказами о сэре Кофе их развлекают и успокаивают. Хотя, близко узнав обоих за годы совместной работы, я начал думать, что справедливости ради следовало бы иногда менять местами их имена.

Созданию Кофиной репутации в немалой степени содействовала пресса. Когда сэр Рогро Жииль стал издавать первую в истории

Соединенного Королевства газету и ломал голову над тем, как поднять ее популярность среди разборчивых столичных жителей, он придумал рубрику, где публиковались истории о Смутных временах — не выдумки, а воспоминания очевидцев. Среди его сотрудников оказался бывший полицейский, который быстро сообразил, что можно по гроб жизни обеспечить себя гонорарами, рассказывая о приключениях собственного начальника. Сэр Кофа, привыкший по-отечески опекать своих бывших подчиненных, не возражал. В результате дела «Королевского голоса» резко пошли в гору, а на историях про умного, доброго и справедливого сэра Кофу Йоха выросло целое поколение детей. Я сам когда-то был преданным читателем этой рубрики и страшно сердился, что газета выходит всего один раз в день, а не, скажем, пять или сорок.

Оказаться лицом к лицу с главным героем любимых историй твоего детства — такое не с каждым случается. Поэтому я совершенно растерялся. Вроде бы прекрасно знал, что сэр Кофа Йох служит в Тайном Сыске со дня его основания. И вполне мог бы сообразить, что встреча с ним теперь не просто возможна, но и неизбежна. Однако не сообразил — просто не успел об этом подумать. Не до того как-то было.

Сам-то сэр Кофа, несомненно, был предупрежден о моем появлении. Во всяком случае, не стал спрашивать, кто это такой да почему нам помешали, а уставился на меня с невежливым, но лестным интересом.

— Хороший внук у Магистра Фило, — наконец сказал он Джуффину. — Только молодой до безобразия. И не говорите мне, что это пройдет. Сам знаю, что пройдет. Но очень, очень нескоро. Зато он принес вам удачу. Годовое жалованье уже, считайте, отработал, а там поглядим.

— Принес удачу? — обрадовался я. — То есть из меня получился талисман? Это и будет моя работа?

Эти двое обменялись ухмылками и принялись раскуривать трубки. Я внутренне содрогнулся.

— Часть твоей работы, — наконец сказал Джуффин. — Причем очень небольшая ее часть, так что не вздумай расслабляться. Но поработал ты и правда на славу.

— Было бы неплохо, если бы вы объяснили, что в данном контексте означает слово «поработал», — вежливо сказал я. — Просто для того, чтобы я лучше понимал свои обязанности. Потому что сегодня я успел только позавтракать и снять квартиру на улице Хмурых Туч. Самая невыгодная сделка в моей жизни! Но если это принесло вам хоть какую-то пользу, могу продолжить в том же духе...

— Ты сперва реши, чего на самом деле хочешь — получить ответ на

вопрос или высказаться, — добродушно заметил сэр Кофа. — А потом уже тараторь или, напротив, помалкивай. В данном случае я бы порекомендовал второй вариант.

Я все взвесил и решил, что он прав. И заткнулся.

— Что ты сделал или не сделал сегодня, совершенно не важно по сравнению с тем, что ты натворил вчера, — сказал сэр Джуффин. — Склонил юного члена Ордена Семилистника к серьезнейшему преступлению. Магистр Нуфлин, понятно, рад был замять это дело. И пожалуй, замаял бы, если бы оно не кончилось столь грандиозными разрушениями. Теоретически он все равно имеет такое право, но на практике — серьезно рассорился бы с Королем. Молодой Гуриг за благополучие своих подданных кому хочешь глотку перегрызет. К тому же сын Короля, который разогнал почти все магические Ордена, вполне способен покончить с последним уцелевшим, ему только повод дай. Поэтому я мог позволить себе поторговаться, когда приволок в Иафах твоего приятеля. Что я выторговал — ты слышал, пока топтался под дверью. А взамен пообещал сущую малость — объявить виноватым собственного сотрудника. То есть тебя. Кстати, если вдруг кто-то спросит, имей в виду — ты служишь в Тайном Сыске не с сегодняшнего, а со вчерашнего утра. Конечно, чрезвычайно неприятно, что первая в твоей жизни погоня за мятежным Магистром Унпаной Дугбаном закончилась таким безобразием. Плохое начало! Но я уже объявил тебе строжайший выговор, приказал удержать четверть твоего годового жалованья в пользу пострадавших и принес извинения Его Величеству Гуригу Восьмому за ошибку своего юного сотрудника; извинения благосклонно приняты, если тебя это интересует.

— Погоня, значит, — повторил я. — За мятежным Магистром Унпаной Дугбаном. Вот чем я, оказывается, вчера в поте лица занимался. Ясно.

— Если у тебя есть принципиальные возражения, лучше озвучить их прямо сейчас, — посоветовал сэр Кофа. — Наши уши все снесут.

Я помотал головой — дескать, никаких возражений.

Было приятно наглядно убедиться, что шеф Тайного Сыска не ладит с Великим Магистром Ордена Семилистника. Я бы, конечно, предпочел участвовать в этой битве титанов в качестве игрока, а не припрятанного в рукаве козыря, но решил, что для начала сойдет и так, а дальше — поглядим.

— А четверть годового жалованья — это не маловато? — спросил я. — Гоппа Талабун остался без доходного трактира — это раз. И еще куча народу пострадала, им, наверное, тоже что-то положено?

— Не то чтобы они так уж пострадали, — отмахнулся Джуффин. Пара царапин, полдюжины синяков. Сэр Шурф совершенно напрасно бродил среди развалин в поисках раненых.

— Чтобы добить? — невинно поинтересовался я.

— Чтобы вылечить, — пожал плечами сэр Джуффин. — К твоему сведению, он не только лучший убийца из всех, кого я на своем веку воспитал, но и очень неплохой знахарь. А что касается четверти твоего годового жалованья за трактир Талабуна, этого, если по уму, даже слишком много. Но мы с Его Величеством решили, что в таком деле лучше перегнуть палку.

Про себя я изумился — вот уж не думал, что «Бешеный скелет» — настолько дешевое заведение. И только после первой выплаты понял, в чем дело. До сих пор мне в голову не приходило, что такое количество денег можно получить, никого не ограбив и не убив, а просто в качестве жалованья за дюжину дней работы. А я-то, дурак, из-за дорогой квартиры беспокоился.

— А с Бугаги все в порядке? — спросил я. — Вчера вы говорили, он пропал. Выходит, уже нашелся? Не ранен? И что с ним теперь сделают в Семилистнике? Я слышал, они и замуровать могут, в случае чего.

— Раньше могли, — согласился сэр Джуффин. — Но времена меняются и Орденские порядки вместе с ними, уж не знаю, к лучшему ли... Однако самое страшное, что сейчас угрожает твоему приятелю, — это ссора с отцом. Великий Магистр Нуффин изволил исключить бедное дитя из Ордена. Лучше поздно, чем никогда.

— Расскажите ему, — вдруг вмешался сэр Кофа. — Непременно расскажите ему подробности. Мальчик имеет право знать, что натворил.

— Пожалуй, — и Джуффин повернулся ко мне. — По моим прикидкам, сэр Мелифаро, со временем из тебя выйдет добродушный, но очень ехидный колдун. Знаешь, где в итоге обнаружился твой приятель? В моем собственном саду. Всю ночь, пока шли поиски, он безмятежно предавался там сладким грезам. Благо вихрь, поднявшийся в результате твоей ворожбы, любезно отнес его прямехонько в заросли цветущей фаумхайны.

— В заросли чего? — Я предпочел не обсуждать неожиданно лестное пророчество, но в памяти его, конечно, сохранил навсегда.

— Фаумхайна — это уандукский кустарник. Очень редкий и потому драгоценный — даже у себя на родине; о наших суровых северных, с точки зрения этого неженки, краях и говорить нечего. Жители Уандука, подавляющее большинство которых, как тебе наверняка известно, потомки

смешанных браков между людьми и вдохновенными кейифайями, изредка балуют себя, вдыхая аромат цветка фаумхайны, — говорят, это позволяет им на какое-то время обрести возвышенность мыслей, остроту восприятия и интенсивность ощущений, свойственных их далеким предкам. А твой приятель угодил в самый центр кустарника, да еще в разгар цветения. Такую роскошь даже Куманский Халиф^[12] себе только по большим праздникам позволяет! К счастью, мой дворецкий в курсе, что фаумхайна не плодоносит человеческими телами; обнаружив такое новшество, он незамедлительно прислал мне зов — сразу после того, как ты отправился завтракать. Думаю, через два-три дня Удубан-младший худо-бедно очнется от сладких грез. Бедный мальчик! Однако он был бы гораздо более бедным, если бы вихрь поместил его немного левее. Потому что рядом с зарослями фаумхайны у меня растет арварохский кактус зогги. Небось никогда о таком не слышал?

Я помотал головой.

— Неудивительно, мой экземпляр — единственный в Соединенном Королевстве и, пожалуй, на всем континенте. И хвала Магистрам. Кактус зогги славен не только почти полуметровыми иглами. Тот, кто сделал мне этот редкий подарок, наверняка лелеял надежду, что нашел на меня управу. Знаешь, каков нрав этой колючки?

Я снова помотал головой. До сих пор у меня вообще не было обыкновения ставить вопрос таким образом, когда речь заходит о растениях. «Каков нрав» — ишь ты.

— Кактус зогги все время думает Черные Мысли.

Сэр Джуффин произнес эти слова так, чтобы у меня не осталось сомнений: не просто «черные мысли», а «Черные Мысли» с большой буквы.

— Когда какой-нибудь арварохский храбрец решает добыть кактус зогги, чтобы сделать из его игл каблуки для ритуальных башмаков, он идет в ближайшую пустыню, находит кактус, садится напротив и начинает думать свои Черные Мысли. Если мысли охотника оказываются чернее, кактус зогги какое-то время спустя утрачивает способность соображать. После этого его можно срезать, сунуть в мешок и отволочь домой. Но горе тому охотнику, чьи мысли недостаточно черны! Такого кактус рано или поздно одолеет. Мне рассказывали, что жертва зогги не просто умирает, но превращается в дым, цвет которого находится в прямой зависимости от личных качеств покойника. Облако дыма окутывает кактус и постепенно исчезает — считается, что зогги им питается, а проверить, как оно на самом деле, я до сих пор так и не собрался.

Вместо истории надо было изучать ботанику, подумал я. И ведь ни один гад не намекнул, что это так интересно! А вслух спросил:

— Должно быть, не слишком приятно держать в саду такое растение? И как с ним уживается ваш дворецкий? Неужели думает Черные Мысли с утра до вечера?

— С такой работой Кимпа, пожалуй, не справился бы, — признал сэр Джуффин. — К счастью, мне в голову пришла очень удачная идея: посадить кактус зогги возле зарослей фаумхайны. От такого соседства у кого хочешь характер исправится. Даже у меня вроде бы понемногу...

— Это вам только кажется, — твердо сказал сэр Кофа Йох.

— Вам — верю, — лучезарно улыбнулся сэр Джуффин. — Все к лучшему. Именно сейчас это было бы очень некстати.

— Пойду-ка я прогуляюсь до «Ландаландского корыта», — решил сэр Кофа. — С этими вашими новостями чуть пообедать не забыл.

Пока он говорил, лицо его стремительно старело и одновременно покрывалось загаром, а крупное тело каким-то удивительным образом съеживалось, так что и без того ужасное лоохи повисло на нем как мешок. Когда дело дошло до слова «забыл», перед нами стоял щупленький старичок, смуглый и румяный от регулярной работы на свежем воздухе, одетый примерно так, как одеваются небогатые фермеры, отправляясь в столицу, — тепло и добротно, по моде столетней давности, не позаботившись подогнать по росту отцовский, если не вовсе дедов выходной костюм. Перевоплощение было столь разительным, что я открыл рот, как деревенский простак на ярмарке, да так и стоял, пока он шествовал к выходу.

— Хорош, да? — подмигнул мне сэр Джуффин, после того как за старым фермером закрылась дверь.

— Не то слово, — выдохнул я. И тут же спросил: — А я тоже так научусь?

— Так? Вряд ли. Но это и необязательно, пока у нас есть Кофа. А он будет всегда, пока стоит этот Мир, уж поверь мне на слово. — И, не обращая внимания на мое разочарование, бодро продолжил: — Зато ты научишься массе других полезных вещей. Сейчас вернется сэр Шурф, и сразу приступите.

Обещание меня, мягко говоря, не вдохновило.

— К чему это мы приступим? — подозрительно спросил я.

— Как — к чему? К учебе. Я, конечно, давеча грозил завалить тебя работой, но по уму, прежде чем к ней приступить, ты все-таки должен уметь какие-то базовые вещи. Освоить Очевидную магию до... ну, не знаю,

сороковой хотя бы ступени. Остальному научишься по ходу дела.

— Но при чем здесь сэр Шурф? — настойчиво спросил я, заранее холодея от будущего ответа.

— А кто, по-твоему, будет учить тебя всякой ерунде? — Сэр Джуффин ослепительно улыбнулся. — Я, что ли? Так мне, прости, недосуг.

— Знаете что, — сказал я. — Я, конечно, натворил вчера бед. Но вам это оказалось на руку. Давайте заключим честную сделку. Вы сейчас напишете приказ о моем изгнании. И, если так положено, проводите меня до границ Соединенного Королевства. А я, в свою очередь, дам вам честное слово, что не вернусь сюда в ближайшие сто лет. Ну или вообще никогда. Хотите?

— Не хочу, — спокойно сказал Джуффин. — И что гораздо важнее, ты тоже этого не хочешь. Ты хочешь работать в Тайном Сыске. То есть на самом деле ты хочешь изучать Очевидную магию, а работать в Тайном Сыске просто согласен, зато всем сердцем. Твой вчерашний прыжок на люстру посильнее дюжины подписанных кровью договоров будет. Поэтому не болтай ерунду. Что это на тебя нашло?

— Просто я думал, вы сами будете меня учить, — объяснил я. — А если... Короче, если не вы, то и не надо.

— То есть тебе *настолько* не нравится сэр Шурф? — В голосе шефа Тайного Сыска звучала искренняя, неподдельная радость человека, решившего сложнейшее уравнение.

— Настолько, — честно признался я. И наконец успокоился. Самое главное сказано. Сэр Джуффин — разумный человек. И теперь он, несомненно, пересмотрит свое решение. И все будет хорошо.

— Но это же просто прекрасно! — объявил так называемый «разумный человек». — На такую удачу я даже не рассчитывал.

За свою жизнь я привык иметь дело исключительно с собеседниками, чья логика становится мне очевидна прежде, чем они успевают закончить первую фразу. И, понятно, решил, что так будет всегда. И надо же было так влипнуть, что первым исключением из этого правила стал не какой-нибудь тихий, попахивающий безумием профессор математики, а сэр Джуффин Халли. Можно ли считать это везением, я сам до сих пор так и не понял.

А до какой степени я ничего не понимал в свой первый рабочий день — это и вовсе описать невозможно. Впрочем, второй, третий, четвертый и даже сто семьдесят девятый дни тоже не привнесли в мою жизнь блаженной ясности.

Но у меня было несгибаемое намерение понять хоть что-нибудь. И готовность заплатить за это любую цену. Например, задавать идиотские

вопросы, не заботясь о том, сочтут ли меня дураком. Поэтому я вежливо попросил:

— Объясните, пожалуйста, что именно кажется вам прекрасным? И что вы называете удачей, на которую якобы не рассчитывали?

— Ну, по большому счету, прекрасен ты, сэр Мелифаро. Весь, целиком. Но в данном случае мне особенно нравится твоя неприязнь к сэру Шурфу. Скажу тебе больше, я подозреваю, что она взаимна, хоть и непросто в это поверить. Сэр Шурф, в отличие от тебя, никогда не позволит посторонним заметить, как он относится к тому или иному человеку. О том, чтобы он сказал это вслух, вообще речи быть не может. Но я знаю его не первый год. Он, можно сказать, вырос у меня на руках, так уж ему повезло. И готов биться об заклад, ты приводишь его в бешенство одним своим видом.

Его слова, надо сказать, здорово подняли мне настроение. Если я действительно привожу в бешенство этого дылду в белом, значит, он вовсе не смотрит на меня как на пустое место, а только притворяется. В высшей степени удачно притворяется, надо отдать ему должное. А все-таки.

— Ну вот, — с облегчением выдохнул я. — Вы и сами понимаете, что я у него ничему не научусь. Может быть, вы все-таки найдете время? Хоть полчаса в день? Я способный, все так говорят. Все на лету схватываю.

— Если бы ты не схватывал все на лету, мы бы с тобой сейчас не разговаривали, — согласился сэр Джуффин. — И время для тебя у меня, безусловно, найдется. Гораздо больше, чем полчаса в день, будь спокоен. Но не сейчас, а позже, когда ты научишься азам. Которым тебя может обучить только сэр Шурф. Именно потому, что вы оба так удачно невзлюбили друг друга с первого взгляда. Это только кажется препятствием, а на самом деле будет огромным подспорьем. Ты, конечно, не согласен?

Я упрямо помотал головой. Решил — буду стоять на своем, и точка.

— Ну вот смотри, — теперь мой кошмарный начальник говорил почти ласково. — Сэр Шурф, как бы ты к нему ни относился, безупречнейший из людей. Собственно, именно поэтому он тебе так не нравится. Чужое совершенство любого нормального человека доводит до белого каления. Он, в отличие от тебя, прекрасно понимает, что испытывать личную неприязнь к кому бы то ни было — это проявление слабости духа. И поэтому будет обращаться с тобой настолько любезно, сдержанно и терпеливо, насколько это вообще возможно. И сделает для тебя много больше, чем для самого близкого друга. И при этом ни секунды отпущенного на учебу времени не потратит на пустые разговоры, как это

обычно бывает с людьми, испытывающими взаимную симпатию. С другой стороны, ты сам непременно захочешь доказать этому неприятному человеку, что ты невероятно крут —ловишь все на лету, успеваешь в три раза больше, чем требуется, не боишься ничего на свете и, следовательно, буквально в ближайшие дни превзойдешь своего учителя по всем статьям. И вот тогда-то с наслаждением плюнешь на его надменную макушку с заоблачной высоты своего могущества. Хочешь сказать, не так?

Я очень хотел с ним не согласиться. Но логика, здравый смысл и жизненный опыт объединились против своего господина и повелителя. Они хором твердили, что сэр Джуффин Халли совершенно прав. А спорить с этими троими одновременно не только трудно, но и донельзя глупо.

— То есть лучшего учителя для тебя просто не найти, — заключил сэр Джуффин. — И ты вот еще о чем подумай. Неужели сэр Шурф Лонли-Локли настолько значительная персона, чтобы отказаться из-за него ни много ни мало как от смысла жизни? Потому что магия — это и есть смысл твоей жизни. Ты и сам это знаешь, только сформулировать пока не успел. Но в таком деле я всегда рад помочь.

— Да, наверное, — пробормотал я. И твердо добавил: — Он не настолько значительная персона, вы совершенно правы. Ладно, пусть учит. Я ему покажу.

— Вот и я о чем, — миролюбиво согласился сэр Джуффин. — А теперь пошли пообедаем, пока твой учитель невесть где шляется.

— Не забудьте купить мне пирожных, — неожиданно подал голос буривах. До сих пор он мирно дремал на спинке пустующего кресла, ну или мне только казалось, что дремал.

— Когда это я забывал? — возмутился шеф.

— В девятый день пятьдесят девятого года эпохи Кодекса, — ответил Куруш. — Впрочем, не стану вас упрекать, на моей памяти это был самый тяжелый день для Тайного Сыска.

— Ну сегодня-то у нас никого не убили, — заметил сэр Джуффин. — Значит, тебе и беспокоиться не о чем.

Я не стал спрашивать, кого убили в девятый день пятьдесят девятого года. Но информацию к сведению принял. Оказывается, и такое случается.

Обед в «Обжоре Бунбе» был великолепен. Кроме разве что десерта, одновременно с которым возле нашего стола появился сэр Шурф Лонли-Локли. Не то чтобы вид его старомодного белого балахона вот так сразу лишил меня аппетита, просто сэр Джуффин очень быстро, буквально в двух словах, объяснил своей штатной Истине, чем она теперь будет заниматься в

свободное от истребления мирных граждан время. Лонли-Локли кивнул и сказал:

— Пойдемте, сэр Мелифаро, у меня как раз есть два часа с четвертью.

По выражению его лица мне сразу стало ясно — о том, чтобы потратить эту самую четверть на завершение обеда, и речи быть не может. Пришлось оставить почти нетронутый десерт начальнику. Я бы не удивился, узнав, что все было затеяно именно ради этого. Такого пройдоху, как сэр Джуффин Халли, еще поискать.

Так или иначе, но три минуты спустя — ровно столько времени у нас отняла дорога к Дому у Моста — мне стало не до десерта. А уже через дюжину секунд после того, как за нами закрылась дверь кабинета Лонли-Локли, я перестал обращать внимание на его равнодушную физиономию и даже на старомодный покрой его лоохи. Этот отвратительный тип рассказывал и показывал настолько интересные вещи, что все остальное утратило значение.

А когда я обнаружил, что у меня все получается, зачастую с первой попытки, я и думать забыл о том, как он на меня смотрит. Даже соблазнительно описанная сэром Джуффином высокая цель — плюнуть на макушку учителя с высоты обретенного могущества — уже к вечеру перестала маячить перед моим внутренним взором. Когда занимаешься своим делом, не до ерунды. Поэтому о нашей с сэром Лонли-Локли якобы взаимной антипатии я вспоминаю только в редкие минуты досуга; впрочем, я уже давно не верю, будто он ее действительно когда-то испытывал, а попытки сделать вид, будто неприязнь ощущаю я сам, в последнее время развлекают меня все меньше и меньше.

Словом, учиться азам Очевидной магии было невероятно интересно. Рассказывать же об этом даже скучнее, чем про учебу в Высокой Школе, поскольку, в отличие от моих профессоров, сэр Лонли-Локли глупостей никогда не говорил и, увы, не делал, даже нетрезвым на занятия ни разу не пришел — глупо было на это рассчитывать. Поэтому не стану отчитываться вам о долгих часах, проведенных сперва в кабинете Шурфа, а потом, когда мы приступили к более-менее серьезным вещам, — в глубоких подвалах под Хуроном, надежно защищающим Мир от разрушительного действия колдовства. Как я понимаю, именно эти полезные подвалы перешли во владения Тайного Сыска в результате моей судьбоносной попойки с Бугаги Удубаном.

Что касается самого Бугаги, его жизнь, как ни удивительно, тоже изменилась к лучшему. Кое-как очухавшись от грез, навеванных ароматом цветущей фаумхайны, он даже слушать не стал вопли разъяренного

родителя. Объявил, что завтра же уезжает в Куманский Халифат — с отцовским благословением или без такового, это уж как получится. Не знаю, как они пришли к согласию, но дело кончилось тем, что Бугаги получил место в одной из отцовских контор в Кумоне^[13], а новым послушником Ордена Семилистника стал его братишка. Теперь-то он уже Младший Магистр Семилистника — не то чтобы такой уж выдающийся колдун, но по сравнению с Бугаги практически гений. Вон даже наш сэр Шурф его из Ордена не выпер, когда вступил в должность Великого Магистра, а чистку рядов он им тогда устроил знатную, убийца он и есть убийца, хоть три парадные магистерские мантии на него напяль.

Поначалу я отрабатывал уроки и непристойно щедрое даже после вычетов в пользу Гоппы Талабуна жалование ночными дежурствами, — сэр Макс, помню, долго верил, будто место в Тайном Сыске досталось ему исключительно по причине его пристрастия к ночному образу жизни; на самом деле у нас все с этого начинали, даже леди Меламори, великий мастер великого преследования всего, что движется, после того как поступила на службу, первые полгода только и делала, что училась спать сидя в кресле да смотреть в рот сэру Джуффину. Ночью, вопреки общепринятым представлениям, будто это самое подходящее время для торжества темных сил, все-таки гораздо спокойнее, чем днем, к тому же, если какой-нибудь злодей все-таки вылезет из-под одеяла и, отчаянно зевая, отправится на подвиги, всегда можно послать зов дрыхнущему начальству. Оно это не то чтобы поощряет, но принимает как неизбежное зло.

Вскоре шеф подсунил мне чрезвычайно запутанное с виду, но, как я сейчас понимаю, простое по сути дело шимарского принца Айонхи, который, если верить очевидным фактам, был могущественным колдуном и жестоким убийцей. Но стоило обратить внимание на факты чуть менее очевидные, и этот злодей оказался невинной жертвой умеренно ловкого клеветника. Дело требовало скорее умения подробно расспрашивать, внимательно слушать и логически мыслить, чем ворожить, поэтому я справился с ним всего за сутки и был доволен собой, как никогда прежде. А уж как был мною доволен сэр Джуффин — до сих пор вспоминать приятно. Хоть и понимаю я теперь, что это было просто проявление его незаурядного актерского дарования. Таков уж наш шеф — использует всякий повод объявить своих подчиненных гениями. Не то чтобы это было совсем уж откровенной ложью, но подлинная правда заключается в том, что работать с гениями проще и приятнее, чем с тупицами, да и требовать от них можно гораздо больше, вот Джуффин и усердствует, нахваливая нас

почем зря.

А когда молодой балбес вроде меня начинает всерьез верить похвалам, сэр Джуффин аккуратно ставит его на место. То есть дураком не называет, какое там, похвалы продолжают изливаться из уст шефа благодатным дождем. Но одновременно из этих самых уст изливается новое задание. На первый взгляд — проще простого. На деле — за пределами возможностей молодого балбеса. Ну, скажем, так, на самой границе этих грешных пределов.

Меня сэр Джуффин Халли послал собирать кельди. Он, страшно сказать, до сих пор иногда так делает. Это его любимая изощренная пытка, предназначенная специально для меня. На мой вкус, искать кельди — это даже хуже, чем ловить сортирных демонов, чьи повадки и привычки я уже успел изучить столь досконально, словно мы с ними долго жили одной большой дружной семьей.

Кельди — это просто эльфийские деньги. В смысле, кейифайские. Звучит не слишком угрожающе, правда? Мне поначалу тоже так казалось.

С эльфами у нас все обстоит непросто. Те, которые по сей день живут в Уандуке и называют себя кейифайями, — великий, почти всемогущий, практически бессмертный народ, это вам всякий скажет. Их магия у нас на Хонхоне почти не изучена, но те крохи знаний, которые нам все-таки достались, дают приблизительное представление о возможностях владеющих ею существ. Собственно, в глубокой древности кейифайи завоевали ту часть Хонхоны, на которой теперь находится Соединенное Королевство. Ну как завоевали — пришли из-за моря да и поселились, к неописуемому восторгу местного населения, добродушных и жадных до новых впечатлений крэйев. Воевать этим захватчикам, насколько я помню из курса истории, пришлось исключительно между собой. Дело кончилось тем, что править отвоєванной у собственных соратников территорией стал Ульвиар Безликий, с которого, строго говоря, и начинается наша официальная история. Кейифайи смешали свою кровь с любвеобильными крэйями, а с тех пор как к этому веселью присоединились люди с Чирухты, в нашей генеалогии сам Лойсо Пондохва ногу ломает — надеюсь, он у вас сейчас не гостит и не выйдет из соседней комнаты, чтобы призвать меня к ответу за употребление этой поговорки, по сей день популярной среди столичных жителей?

Словом, с одной стороны, эльфы, они же кейифайи, — это могущественные коренные жители Уандука и по совместительству предки чуть ли не четверти населения Соединенного Королевства. А с другой стороны, у нас есть, вернее, были чистокровные эльфы из Шимурэдского

леса, древние, как сама история. Строго говоря, они гораздо старше истории — по крайней мере, истории Угуланда, которая начинается с того, что сразу после высадки на гостеприимные берега Хурана уандукский принц Токлиан вусмерть рассорился со своим побратимом Ульвиаром Безликим, но войну не объявил — все-таки их связывали узы покрепче кровных. По неведомой ни мне, ни нашим историкам причине Токлиан не захотел возвращаться домой в Уандук. Вместо этого увел своих людей в Шимурэдский лес, где они устроились в полном соответствии со своими привычками и потребностями, то есть заколдовали лес и его ближайшие окрестности до полного изумления и жили там несколько безмятежных тысячелетий, никому не досаждая, пока не попробовали вино, которое существам этой расы лучше даже не нюхать. Шимурэдские эльфы спились практически в один день. Подозреваю, сами рады были бы завязать, но не могли, для них это процесс необратимый. Бессмертные пропойцы ютились в своем заколдованном лесу Магистры знают сколько веков, пока их не прикончил какой-то неведомый противник пьянства, всех в одну ночь ^[14]. С тех пор еще и дюжины лет не прошло, так что во времена моей юности шимурэдские эльфы были живы и благополучны — насколько вообще можно быть благополучным после тысячелетнего запоя. И время от времени они чудили — не то чтобы со зла, скорее просто спьяну.

Впрочем, появление кельдей объясняется не столько придурью, сколько насущной нуждой их создателей. Эльф ты или оборотень, да хоть равнинный гном, а чтобы покупать выпивку, нужны деньги. Пропив свои несметные сокровища, шимурэдские жители были просто вынуждены создать колдовские деньги — эти самые грешные кельди, чтоб им всю жизнь по дырявым карманам скитаться.

Кельди — чистой воды наваждение. Но очень хорошее. Они выглядят совершенно как настоящие деньги, только время от времени изменяют облик и номинал: вот у тебя в руках корона Соединенного Королевства, а через час это уже куманская унция, а завтра поутру — медная горсть или чангайский зот, и это безобразие будет продолжаться, пока ты не бросишь монету в Темный огонь. Его Величество Гуриг Седьмой, отец нынешнего Короля, справедливо рассудил, что наличие в обороте эльфийских денег внесет хаос в экономику Соединенного Королевства, и приказал регулярно изымать их у обманутого шимурэдскими пропойцами населения, обменивая по курсу один к одному на монеты того же номинала, который будут иметь кельди в момент изъятия. То есть это своего рода лотерея: можно получить больше, чем у тебя изначально было, а можно гораздо меньше. Население не особо возражает: риск потерпеть убыток довольно

велик, но у нас любят азартные игры.

Проблема состоит в том, что, прежде чем сжечь кельди (восемнадцатая ступень Черной магии плюс двадцать третья Белой, пустяки, этому я быстро выучился), их надо найти. Это не то чтобы очень сложно, но мучительно — слов нет.

В первый раз было хуже всего. Во-первых, с непривычки. А во-вторых, после грандиозной удачи с шимарским принцем я очень хотел быть молодцом — больше, чем спать, есть и бегать за девушками. Больше даже, чем остаться живым и в своем уме.

Жизни моей, впрочем, ничего не угрожало. Только рассудку. Для того чтобы найти и изъять из оборота кельди, приходится дни напролет слоняться по городу и бубнить себе под нос одно и то же короткое заклинание, больше похожее на детский стишок, чем на магическую формулу. На это заклинание кельди отвечают негромким свистом, который еще поди распознай среди обычного городского шума. А после того как понял, откуда доносится свист, — заходи, ставь всех на уши и переворачивай дом вверх дном. Дело не в том, что люди не желают расставаться с эльфийскими деньгами на наших условиях, с этим, как я уже сказал, особых проблем нет. Просто мало кто хранит всю свою наличность в одном месте, и знали бы вы, сколько народу забывает о припрятанных в цветочных горшках записках и сделанных на черный день тайниках! Так что после моего визита многие горожане обретали утраченные сокровища, а я — что я. Не поседел преждевременно, безумием не пропах — и ладно. Заодно научился первоклассно делать обыски. Ни мятежный Магистр, ни ловкий контрабандист никогда не превзойдут в хитроумии обыкновенную городскую девчонку, которая втайне от мамы копит деньги на покупку первой в своей жизни порции приворотного зелья.

Но это я узнал уже потом, а первые три дня планомерно и практически безрезультатно прочесывал Старый город, бормоча проклятый стишок, даже пожрать забывал, хотя таких жертв от меня никто не требовал. Спал я часа по четыре в сутки, и снились мне все те же кельди, только в сновидении они еще и убегали от меня, катились в разные стороны, издавая этот свой противный тонкий посвист, а я становился несколькими людьми сразу и продолжал погоню, но меня всегда было слишком мало, чтобы догнать все катящиеся, подпрыгивающие, непрерывно свистящие монетки. Увидев этот сон третий раз кряду, я всерьез забеспокоился о собственном рассудке, взял паузу продолжительностью в один завтрак-не-на-бегу и стал думать, как спастись от этой напасти.

Радикальный выход был очевиден: подать в отставку. Хоть и жаль было вот так сразу сдаваться, а все лучше, чем до конца жизни собирать эти грешные кельди, — ясно же, что быстрее мне не управиться. Однако после двойной порции слоеного омлета мадам Жижинды и кувшина лучшей в столице камры я придумал способ — не то чтобы вовсе избавиться от пытки, но порядком сократить ее продолжительность. И отправился разыскивать сэра Кофу Йоха. А когда нашел, пригласил пообедать — я уже знал, что тратить время на обучение молодого неопытного меня он не станет, отговорится какими-нибудь делами, зато, если обед будет хорош, Кофа из-за стола никуда не денется и беседу поддержать не откажется. Только знай вопросы правильно формулируй, а уж он все выложит: где имеет смысл искать эльфийские деньги, а где вероятность найти их стремится к нулю. Сэр Кофа Йох знает о столице Соединенного Королевства абсолютно все, глупо было с моей стороны не расспросить его в первый же день.

Этот обед в обществе Мастера Слышащего оказался даже полезней, чем я рассчитывал. За полтора часа я узнал о кейифайях в целом и эльфах Шимурэдского леса в частности гораздо больше, чем за годы учебы в Королевской Высокой Школе. От общеобразовательной информации мы перешли к их привычкам и пристрастиям, и тут выяснилось, что я понапрасну потратил кучу времени, разыскивая кельди в богатых кварталах Старого города, — неудивительно, что за три дня нашел всего пять монеток, скорее всего завалявшихся у хозяев со стародавних времен. Шимурэдские эльфы покупают выпивку только в дешевых забегаловках на окраинах — есть дюжины две облюбованных ими лавок да пара-тройка трактиров в районе речного порта, куда их пускают в те редкие вечера, когда хозяевам не удастся заполучить более респектабельную публику в лице портовых нищих и беглых чангайских каторжников.

Из трактира я не вышел — вылетел, вдохновленный внезапно открывшейся мне перспективой. Две дюжины лавок, адреса которых известны, — это пустяки, говорить не о чем. Плюс ближайшие к ним кварталы — понятно, что торговцы раздали какую-то часть эльфийских денег другим клиентам вместе со сдачей. Плюс окрестности речного порта, которые, увы, придется прочесать полностью. Но это гораздо меньше, чем весь город. С такой работой можно управиться всего за несколько дней. То есть мне не придется собирать кельди до глубокой старости. Кто бы мне это еще утром сказал, ни за что не поверил бы.

Не успел я толком осознать, насколько хороши теперь мои дела, как

они стали во сто крат лучше. Мне прислал зов сэр Джуффин Халли. Пригласил зайти в Управление на кружку камры — дескать, он наконец придумал, как облегчить мне работу. Тогда я еще не знал, что мой начальник имеет обыкновение протягивать руку помощи только тому, кто сам сделал для собственного спасения все, что мог. Но уже понемногу начал об этом догадываться.

— Молодец, что поговорил с Кофой, — сказал шеф, как только я переступил порог его кабинета. — Я бы сам посоветовал тебе это сделать, но подумал, что человек с такой светлой головой в подсказках не нуждается. Рад, что не ошибся.

Я скрипнул зубами от ярости. Сам не знаю, на кого был зол больше — на Джуффина или на себя, дурака. Оба хороши.

— Но я напрасно потерял целых три дня.

— Три дня — это не очень много, — заверил меня сэр Джуффин. — Кельди, конечно, вредный мусор. Но совершенно неопасный. Зато ты теперь навсегда уяснил, что любое, даже самое пустяковое дело начинается со сбора информации. А за информацией лучше всего идти к сэру Кофе. Имей в виду на будущее, если бы ты повел его не в «Обжору Бунбу», который, бесспорно, хорош, но слегка нам всем поднадоел, а в какое-нибудь по-настоящему шикарное заведение, скажем к Горбуну Итуло или в «Тряпичную пумбу» — небось и не слышал о такой? — ты бы узнал еще больше. Возможно, даже получил бы дружеский совет немедленно отправиться к этому кеттарийскому хитрецу и прямо спросить, почему он — то есть я — сразу не послал тебя к своему приятелю Хамбаре Гаттону, который знает про кельди больше, чем сами шимурэдские эльфы, — они-то, бедняги, по правде сказать, давно уже не ведают, что творят.

— То есть вы могли сразу?..

Продолжить я не смог, потому что подавился — не то слюной, не то собственной злостью — и кашлял, пока сэр Джуффин не соизволил подняться и любезно похлопать меня по спине. Кашель сразу прошел, злость, как ни странно, тоже. Я был вполне готов к конструктивному диалогу.

— Но хоть теперь-то вы отправите меня к этому своему приятелю? — спросил я. — Если уж сами сказали.

— Теперь отправлю, — лучезарно улыбнулся шеф. — Если уж сам сказал, совершенно верно. Я просто обязан сделать это для тебя — хотя бы в качестве премии за те пять монеток, которые ты нашел в Старом городе. Никому из нас до сих пор в голову не приходило прочесывать эти кварталы, а кельди, если по уму, надо изымать отовсюду... Теперь отправляйся на

улицу Пяти Пустых Чаш — знаешь такую? Это по дороге в Новый город, неподалеку от бывшей резиденции Ордена Потаенной Травы. Хамбара Гаттон живет в доме без номера, зато с такой причудливой кривой башенкой, что ты его издалека заметишь. Я уже послал ему зов. Хамбара готов тебя принять и очень просил поторопиться. Чем быстрее приедешь, тем больше успеешь узнать. Вечером у него какие-то гости, так что будет не до тебя.

— А как я должен себя с ним держать? — спросил я, поднимаясь. — Как с вашим другом? Или как с коллегой? Или как с человеком, который вам и, следовательно, мне, как вашему представителю, чем-то обязан? Или?..

— Хороший вопрос, — похвалил меня сэр Джуффин. — Третий вариант ближе всего к правде. Хамбара Гаттон в некотором смысле мой должник. Настолько давний, что мы успели привыкнуть друг к другу, как дальние родственники. Иногда Хамбара меня консультирует и таким образом как бы возвращает — не сам долг, но набегающие проценты. Справедливости ради следует сказать, что иметь такого консультанта большая удача. Хамбара — блестящий эрудит и очень неплохой колдун. Был бы одним из лучших в своем поколении, если бы не разменивался на всякую ерунду; впрочем, все эти чудачества ему даже к лицу... Словом, ты должен держать себя скорее как человек, который берет причитающееся ему по праву, чем как скромный проситель. Что, разумеется, не отменяет необходимости быть предельно вежливым.

— Когда берешь причитающееся по праву, быть вежливым гораздо проще и приятнее, — заметил я.

— Рад, что ты это понимаешь. Давай беги, счастливчик. Считай, что все кельди уже у тебя в карманах.

— Спасибо, — сказал я. Немного подумал и повторил, на сей раз более искренне: — Спасибо.

Он, конечно, редкостный гад, этот господин Почтеннейший Начальник. С другой стороны, он мог бы вообще никогда не послать меня к своему приятелю-эрудиту, если уж Кофа не выдал этот его секрет. А что сперва три дня помучил — тут уж ничего не поделаешь. Послушать моего брата Анчифу, так на корабле новичкам еще хуже приходится, чем в Тайном Сыске.

Дом с кривой башней я действительно увидел издалека, стоило только объехать резиденцию Ордена Потаенной Травы, где когда-то блистали мой ныне неуловимый дед и его Великий Магистр Хонна, чье имя до сих пор

почти никто решается произносить вслух: считается, будто эти звуки могут убить говорящего. Кстати, вранье, я в детстве, наверное, тысячу раз проверял.

Что же касается кривой башенки, я часто глазел на нее прежде — всякий раз, когда меня заносило в этот малонаселенный район. В эпоху Орденов он считался пригородом Ехо, а после того как был построен Новый город, внезапно стал географическим центром столицы, но на деле как был, так и остался тихим деревенским захолустьем, через которое все проезжают не останавливаясь. Здесь недорогое жилье и, пожалуй, самые дешевые в Ехо трактиры, устроенные в подвалах и садах заброшенных резиденций распущенных Орденов. В студенческие годы я весьма ценил тамошние низкие цены и экзотическую обстановку, а что еда в этих забегаловках была по большей части скверная и вино кислое — так иного от них никто и не ждал.

Нередко, возвращаясь с дружеской попойки, я набредал на дом с кривой башенкой и думал — интересно, что за чудак здесь живет? Хорошо бы однажды случайно познакомиться с ним в соседнем трактире и напроситься в гости.

Теперь-то я знаю, что трактиры сэр Хамбара Гаттон предпочитал получше и подороже. Но наше знакомство все-таки состоялось, и дом с кривой башенкой наконец-то был к моим услугам — весь, целиком.

Хозяин дома лично встретил меня на пороге, любезный, как дюжина придворных, улыбчивый, как хозяин шикарного трактира, немолодой, но чрезвычайно привлекательный — был бы профессором, у него ни одна студентка занятий не пропускала бы, знавал я таких. Одет он был почти безупречно — желто-лиловая узорчатая скаба, удачно подобранное в тон лоохи цвета весенней травы, тончайшая ткань, великолепный покрой, я бы только синий тюрбан поменял на оранжевый, и был бы идеальный костюм, лучший в столице. Я решил при случае выпросить у нового знакомого адрес его портного и, вдохновленный столь удачным началом, вошел в дом.

Стоило переступить порог, как мне под ноги метнулся небольшой ярко-желтый диск. Я не успел сообразить, что это такое, а сэр Хамбара Гаттон уже поднимал с пола расписную керамическую тарелку и что-то укоризненно говорил — я сперва подумал, мне, но потом понял, что речь адресовалась посуде. Мне же досталась извиняющаяся улыбка.

— Простите, сэр Мелифаро, эту детскую выходку. Она новенькая, не привыкла еще к нашим домашним порядкам да и скучает пока по своему гончару...

— Кто не привык к вашим домашним порядкам? — переспросил я.

— Тарелка, конечно же.

Я начал думать, что кривая башенка на этом доме совсем неспроста. Своего рода предупреждение: здесь у нас филиал Приюта Безумных, так что проходите мимо, господа прохожие, подобру-поздорову. И теперь ясно, почему сэр Джуффин считает хозяина дома своим должником — наверняка воспользовался служебным положением и помешал упечь его в Приют Безумных. А что ж, такая услуга действительно дорогого стоит.

Сэр Хамбара Гаттон заметил мое замешательство и звонко, от души рассмеялся.

— Вы же, наверное, никогда не встречались с посудой из Квехо^[15]. Представляю, что вы подумали! Ну да поделом мне.

— С посудой из Квехо? — переспросил я. — А что с ней не так?

— В Квехо испокон веков делают разумную посуду. Не то чтобы тамошние гончары были такими уж великими чародеями, просто именно в тех краях выходят на поверхность пласты мыслящей глины, было бы странно, если бы местные жители этим не воспользовались. Теоретически, сделанная из этой глины посуда — мечта любой хозяйки. Поворачивается нужным боком, наклоняется так, чтобы было удобнее, сама покидает стол после еды, а если еще приучить ее самостоятельно мыться — вообще никаких забот. Однако на практике хлопот с ней не оберешься. Молодая посуда из Квехо дерзка и своенравна, и если не дать ей надлежащее воспитание, вреда от нее в хозяйстве будет больше, чем пользы. Я уже давно коллекционирую посуду из Квехо — как раз потому, что люблю с ней возиться. Наставлять на путь истинный детей или студентов — тяжелый труд, зато воспитывать чашки и тарелки — ни с чем не сравнимое удовольствие. Они доверчивы, сообразительны и никогда не забывают ни единого сказанного им слова. Правда, моя хорошая?

Последняя фраза была адресована тарелке. После чего мы наконец прошли в гостиную и уселись в кресла. Тарелка же удобно устроилась на коленях своего воспитателя; Хамбара Гаттон рассеянно ее поглаживал, как комнатную собачку.

— Джуффин посвятил меня в суть вашей проблемы, — любезно сказал он. — Помочь тут несложно. У вас не будет никаких проблем с эльфийскими деньгами, если... Пожалуй, проще показать, чем рассказать. Сейчас, погодите.

Он отсутствовал несколько минут, вернулся уже без тарелки, зато с небольшой, но, похоже, очень тяжелой шкатулкой, сделанной из драгоценного синеватого металла. Закрыв распахнутые окна, оглянулся, проверяя, заперта ли дверь, и только после этого поднял крышку. К моему

удивлению, внутри шкатулки почти не было пустого места — столь толстыми оказались ее стенки. Там едва помещалась всего одна монета, с виду — обычная медная горсть.

Стоило открыть шкатулку, и монета тут же пронзительно засвистела — очень похожий звук издают кельди, когда читаешь заклинание, только у них выходит гораздо тише. Я начал понимать, почему сэр Хамбара Гаттон запер окна, на его месте я бы тоже позаботился о покое соседей.

— Я уже давно коллекционирую кельди, — сказал мой новый знакомый. И, вспомнив, с кем имеет дело, добавил: — Нет-нет, ничего незаконного, еще отец нынешнего молодого Короля, Его Величество Гуриг Седьмой, лично выдал мне разрешение держать в доме эту коллекцию в обмен на письменное обязательство никогда не использовать эльфийские деньги для покупки товаров на территории Соединенного Королевства. Но это — я имею в виду подписанный мною документ — излишняя предосторожность. Коллекционеры не имеют обыкновения разбазаривать свои сокровища, такой уж мы непрактичный народ. А эта монета — жемчужина моей коллекции. Можно сказать... Ах, дырку над ними в небе! Услышали-таки.

С этими словами он захлопнул шкатулку и бросился к двери. Распахнул ее и с досадой всплеснул руками:

— Этого я и опасался! Услышали и прикатились, маленькие негодники. Теперь придется их собирать. Сэр Мелифаро, не откажите в любезности, помогите мне, пожалуйста. Вдвоем быстрее управимся.

Я не понял, что случилось и о чем он меня просит, но с готовностью покинул мягкое кресло и подошел к распахнутой двери. Моим глазам открылось приятнейшее зрелище — пол в коридоре был густо усыпан деньгами.

— Это и есть моя коллекция, — вздохнул сэр Хамбара Гаттон. — Сбежались на зов своего господина. Не надо было открывать шкатулку в доме, эх я оплошал!

— То есть это кельди? — спросил я, с неприязнью разглядывая монетки. — А как это они так рассыпались?

— Не рассыпались, а прикатились. Давайте их собирать, попутно я вам все объясню.

— Монета, которая лежит в шкатулке, — уникальный экземпляр, известный среди коллекционеров под названием Король кельдей, — говорил он, пока мы ползали по полу. — Не знаю, нарочно ее создали такой или спьяну что-то перепутали, факт, что эта монета как бы главенствует над

всеми остальными эльфийскими деньгами. Вы сами слышали, какой громкий свист она издает — добровольно и без принуждения, никаких заклинаний читать не надо. На этот свист, как видите, тут же сбегаются все кельди, оказавшиеся поблизости, как их ни запирай — для эльфийских денег нет преград, сквозь любые стены просочатся... Ну вот, вроде все собрали. Сейчас мы с вами отнесем их на место, а шкатулку открывать больше не станем. Возьмете ее с собой. Только умоляю, не потеряйте. Я ни в чем не могу отказать Джуффину, но вся моя натура коллекционера противится его, безусловно, практичной и полезной идее...

— То есть вы готовы одолжить мне эту волшебную монетку? — Я ушам своим не верил. — Я положу ее в карман и пойду по городу, а все остальное кельди сделают сами — в смысле, сбегутся на ее свист? Вот это да! Я спасен!

— На полдюжины дней, не больше, — вздохнул сэр Хамбара Гаттон. — А если сможете вернуть монету раньше, моя благодарность не будет иметь границ. Вы не представляете, что значит быть коллекционером. Признаться, сам я думаю, что это разновидность помешательства — совершенно безопасного для окружающих, но довольно мучительного для самого страдальца. Впрочем, свои радости у нас тоже есть. А запаха безумия, напротив, нет — и хвала Магистрам.

Я не мог понять, подшучивает он над собой или всерьез жалуется, но на всякий случай изобразил на лице сочувствие. Иногда лучше прослыть человеком без чувства юмора, чем проявить душевную черствость. По крайней мере, когда имеешь дело со своим спасителем.

По закрученной спиралью скрипучей лестнице мы поднялись наверх — в ту самую башенку, которая так долго была предметом моего пристального интереса. Сэр Хамбара Гаттон открыл старомодный комод, больше похожий на сейф, и принялся складывать туда собранные нами монеты. Наконец с облегчением перевел дух:

— Похоже, все на месте.

— Вы их пересчитали? — с уважением спросил я. Еще бы — непросто считать деньги, пригоршнями пересыпая их в комод из карманов. Я бы, пожалуй, не сумел, а ему как-то удалось.

— Не то чтобы пересчитал, — смущенно признался он. — Просто, понимаете, запер комод и тут же успокоился. Сердцем чувствую: все на месте. Уж так мы, коллекционеры, устроены.

Я дал себе честное слово, что никогда в жизни не стану ничего коллекционировать. И даже скопившиеся в родительском доме головоломки раздам соседским детишкам, как только выберу время. Это, конечно, не

настоящая коллекция, я собирал их не ради обладания, а ради удовольствия решать сложные задачи, но все равно раздам. Так спокойнее.

Тут сэр Хамбара Гаттон прервал мои размышления, предложив:

— Если уж мы с вами сюда забрались, хотите, покажу вам свою коллекцию дверных амулетов?

Отказаться я, понятно, не мог.

Кричащие охранные амулеты — не такая уж редкость в Ехо. Теперь-то их перестали изготавливать, тут дозволенными ступенями магии никак не обойдешься, но в эпоху Орденгов успели сделать столько, что и на долю наших правнуков, пожалуй, хватит. Редкостью их уж точно не назовешь. Однако коллекция Хамбары Гаттона оказалась совершенно уникальной: он собирал не все подряд, а подбирал амулеты, кричащие в определенной тональности, так что все вместе они составили слаженный ансамбль, вернее, несколько — каждый со своим репертуаром. Я послушаться не мог — все-таки для человека, выросшего в эпоху Кодекса, подобная забава — настоящее событие. Хозяин дома, в свою очередь, был счастлив обрести столь благодарного зрителя. В результате мы оба совершенно забыли о времени, провозились с амулетами до самых сумерек и только тогда спохватились — я вспомнил о службе, а сэр Хамбара Гаттон о том, что ждет гостей. Уж не знаю, кто из нас спешил больше, но вниз по лестнице оба скатились только что не кувырком, хорошо, хоть шкатулку с волшебной монетой я не забыл прихватить и, на бегу бормоча благодарности, густо разбавленные клятвами в ближайшее время вернуть сокровище, выскочил на улицу, а хозяин дома буквально подгонял меня взглядом — скорее, скорее. Похоже, очень не хотел, чтобы его гости столкнулись со мной на крыльце.

На крыльце мы и не столкнулись. Я уже успел сесть в амобилер и тронуться с места, когда увидел женщину, торопливо идущую по тротуару. Я бы, пожалуй, не обратил на нее внимания — мало ли кто по улицам ходит, — если бы не узнал. Поди такую не узнай. Ростом на полголовы выше меня, с копной огненно-рыжих кудрей, смуглая и зеленоглазая, одна из самых красивых женщин в Угуланде, а возможно, на всем белом свете.

Ее звали Гетти Ейхелли. Она была капитаном «Айсы», шикки, такой же быстроходной, как «Фило» моего знаменитого братца Анчифы. Но леди Гетти не промышляла пиратством, а возила товары из Куманского Халифата — такие, что не занимают много места, зато приносят большой доход. Пряности и ароматные масла, любовные зелья и драгоценные камни. Она могла себе позволить возить товары стоимостью в полтора Королевских дворца — даже укумбийские пираты не сумели бы за ней

угнаться. Анчифа, пожалуй, мог бы, все же его «Фило» заговоренный. Но он никогда не стал бы этого делать. Когда-то мой старший брат был влюблен в леди Гетти и, готов спорить, пользовался взаимностью, хотя сам он на эту тему и прежде особо не распространялся, а уж после того как леди Гетти вышла замуж за Королевского парфюмера сэра Кеттораму Ачуани, из Анчифы и вовсе ни слова о ней не вытянешь, не тот он человек, чтобы компрометировать бывшую подружку, да и что толку языком болтать, когда все закончилось.

Говорили, что брак Гетти Ейхелли и Кетторамы Ачуани заключен по расчету. Я бы не удивился, очень уж удобно обоим: мужу достался надежный источник качественного сырья, а жене — постоянный перекупщик дорогого товара. В любом случае, не моего ума это дело. То есть было не моего, пока я не увидел, как сногшибательная красотка Гетти стучит в дверь дома с кривой башенкой. Жемчужина еще одной коллекции господина Гаттона, подумал я с неизвестно откуда взявшимся раздражением. И размышлял на эту тему, пока ехал к Дому у Моста, целых полчаса, по моим меркам почти вечность. Потом, конечно, стало не до того.

С повелителем кельдей в кармане и Кофиной информацией работа пошла споро. Вечером того же дня я стал обладателем целой пригоршни эльфийских монет, кои торжественно уничтожил в присутствии шефа. Умиротворенный, он укатил спать, а на мою долю досталось очередное ночное дежурство; впрочем, в кресле сэра Джуффина спится настолько лучше, чем на ходу, что я был почти счастлив.

А поутру все началось сначала. Свист спрятанной в потайном кармане монетки, конечно, изрядно меня доставал, да и скитания по унылым окраинам столицы оказались не то чтобы самой увлекательной экскурсией, но я отлично помнил, насколько хуже шли мои дела всего сутки назад, и не сетовал на судьбу. А избавившись от новой партии кельдей, решил вознаградить себя хорошим, спокойным, вдумчивым обедом — все равно где, лишь бы не в «Обжоре Бунбе», там-то в любой момент могут объявиться мои коллеги. Милые люди, кто бы спорил, но курят, дырку над ними в небе, все как один. К тому же разнообразие впечатлений требуется моему организму даже больше, чем пища.

Чего хотел, то и получил, собственно. Я имею в виду разнообразие впечатлений. А ведь трактир «Зеленый суп» выглядел как солидное, умеренно дорогое заведение. В такие ходят не веселиться, а плотно и вкусно поесть. И водят с собой не закадычных друзей и не красивых девушек, а деловых партнеров и родственников из провинции; пыль,

которую при этом пускают им в глаза, имеет явственно ощутимый мучной привкус. Собственно, поэтому я и зашел в «Зеленый суп» — после утра, проведенного в трущобах, тишина, уют и благородный аромат чужих денег притягивают как магнит.

Переступив порог трактира, я застыл как вкопанный. До сих пор полагал, будто нравы зажиточных столичных обывателей мне более-менее известны. Свой суп, какого бы цвета он ни был, они поглощают тихо, сдержанно, без суеты, сохраняя (а порой внезапно обретая) достоинство, полностью сосредоточившись на этом занятии. Разговоры начинаются не раньше, чем подадут десерт, да и те — вполголоса, о погоде, Королевских любовных интригах и прочих малозначительных пустяках. А вот так громко и дружно хохотать, одновременно набивая рты, давясь, плюясь и глотая, могут разве только матросы в портовом кабаке, да и то не все; Анцифина команда, к примеру, по сравнению с посетителями «Зеленого супа» — натурально принцы крови.

Обдумывая все это, я по инерции сделал несколько шагов вперед, на ходу обещая себе, что сейчас, конечно же, развернусь и отправлюсь на поиски заведения поприличнее. Но не успел приступить к исполнению этого благоразумного плана, потому что глазам моим открылось удивительное зрелище. Над барной стойкой порхал, кувыркался, переливался всеми цветами радуги и заливисто хохотал самый настоящий призрак.

Я уже говорил, что родился в начале скучных времен, в день принятия Кодекса Хрембера, а потому видел призрака впервые. И он мне понравился. Так заразительно хохотать и при жизни-то мало кому удастся, по крайней мере на трезвую голову. В мерцающей деснице привидения была зажата толстенная палка черной гугландской колбасы — заметьте, не какой-нибудь вымороченный артефакт, а вполне себе материальный предмет. Призрак, вопреки своей потусторонней природе, то и дело откусывал от материального предмета здоровенные шматы, аппетитно чавкал, ни на миг не прекращая смеяться, хорошо, хоть слюной не брызгал, наглядно демонстрируя преимущество перед живыми посетителями трактира, которые, впрочем, тоже азартно жрали и заразительно хохотали, все как один, включая толстого румяного трактирщика, одетого в на удивление приличное желтое лоохи, я сам такое носил всего год назад.

Это была моя последняя относительно здравая мысль. Что произошло потом, я не то чтобы не помню — отлично помню, но объяснить совершенно не могу, даже самому себе. Себе, собственно, в первую очередь. Всем остальным я могу просто сказать, что ощутил вдруг приступ

неукротимого голода и одновременно безудержного веселья. Схватил с ближайшего стола первый попавшийся кусок пирога и с наслаждением впился в него зубами. Хозяин пирога не возражал — ему было не до того, этот добрый человек стонал от хохота и одновременно что-то жевал, и я теперь тоже жевал, хохоча, только что пополам от смеха не складывался, но это, похоже, было впереди.

Не представляю, сколько времени продолжалось мое веселье. То есть, теоретически, знаю — примерно два с половиной часа. Говорю и сам себе не верю. Два с половиной часа жизни прошли, можно сказать, совершенно без моего участия. Я безостановочно жрал и хохоча паялся на веселого призрака, а мой аналитический аппарат при этом не просто бездействовал, а натурально отсутствовал. Ни с чем не сравнимое ощущение, пугающе похожее на счастье; собственно, это и было счастье, совершенно особая его разновидность, недоступная мне прежде.

Счастье закончилось внезапно. Я вдруг обнаружил, что стою на залитой послеполуденным солнцем улице, ничего смешного уже не происходит и жрать вроде больше не хочется, скорее уж, ох, наоборот. Такой тяжести в брюхе я не испытывал ни до, ни после обеда в «Зеленом супе»; надеюсь, и не доведется.

Миг спустя я увидел, что рядом стоит сэр Кофа Йох и смотрит на меня с доброжелательным любопытством.

— Оказываться в нужное время в правильном месте ты определенно умеешь, — сказал он. — А что толково распорядиться такой удачей пока не можешь, не беда. Дело наживное. Что, тяжело теперь?

Я молча кивнул. Сэр Кофа извлек из кармана шкатулку, украшенную драгоценным умпонским перламутром, достал оттуда пилюлю, похожую на кусочек цветного стекла, протянул мне.

— Не «Кость речной крысы», конечно, но тоже ничего. Глотай, глотай, полегчает. Мне сейчас нужен помощник, а не пациент.

Я проглотил пилюлю и через несколько секунд действительно почувствовал себя — если не отлично, то, во всяком случае, очень неплохо.

— Раньше лучше нашей угуландской микстуры от обжорства ничего не было, — ворчал Кофа, пока мы шли обратно в трактир. — Всего-то четырнадцатая ступень Черной магии, а нельзя! Ничего не попишешь, приходится покупать умпонское зелье. Ну хоть что-то... — Он отдал мне свою шкатулку. — Держи, сэр Мелифаро, раздашь пилюли своим товарищам по пирушке, им сейчас тоже несладко. Если будут опасаться, скажешь правду: сам такую только что проглотил и прекрасно себя чувствуешь... Эк вас всех угораздило! — И он от души расхохотался.

Слушать Кофин смех оказалось довольно неприятно. А уж о том, чтобы рассмеяться самому, мне и думать было тошно. Я до вечера даже плохонькой кривой улыбки изобразить не мог; потом, конечно, прошло, и хвала Магистрам.

В «Зеленом супе» больше никто не смеялся и не ел. Мои добрые товарищи по пирушке сидели на табуретах, держась кто за животы, кто за головы, трое и вовсе лежали на полу. К ним я метнулся в первую очередь, накормил умпонскими пилюлями, потом обошел остальных. Люди принимали лекарство без возражений, никто даже не поинтересовался, что за отравой я их потчую, — так бедняг скрутило.

Сэр Кофа Йох тем временем о чем-то шептался с трактирщиком. Призрака нигде не было. Похоже, сбежал. Или сэр Кофа с ним уже покончил? Вроде разбираться с призраками — одна из обязанностей служащих Тайного Сыска... или нет? Надо бы уточнить.

— Пошли пообедаем, — сказал сэр Кофа, закончив переговоры с трактирщиком. — В смысле, я обедаю, а ты... Ну, не знаю, выпьешь, к примеру, кружку камры или чего покрепче. Тебе сейчас не помешает.

Насчет «чего покрепче» я был целиком и полностью согласен со старшим коллегой. Еще как не помешает.

Мы не стали обходить город в поисках подходящего заведения, а просто пересекли улицу и зашли в крошечный неприметный трактир. Вывеску, похоже, не меняли лет пятьсот, когда-то богатые рисунки выцвели, а надпись и вовсе стерлась, так что я едва разобрал несколько букв: «...римах...е...аду...». В темном зале едва помещалась полудюжина столов, заказы принимала старуха, древняя, как наша первая Королевская династия.

— «Муримахские радуги», — сказал сэр Кофа, усаживаясь на массивный табурет. — Названия уже не разобрать, а оно заслуживает того, чтобы ты его запомнил. До принятия Кодекса это заведение входило в дюжину лучших столичных трактиров; впрочем, они и без магии кое-что могут. А такой выпивки ты не найдешь больше нигде, разве только в погребях Ордена Семилистника, но у тебя-то, насколько мне известно, там даже дальней родни нет, а значит, никаких шансов.

— Тогда помогите мне с выбором, — попросил я. — Всего не перепробуешь, мне сегодня еще работать и работать, к сожалению.

— Я тебе закажу, — кивнул Кофа. — А теперь давай рассказывай.

— Что рассказывать? — удивился я.

— Как раздобыл информацию о происшествии в «Зеленом супе». Ты

туда на два с лишним часа раньше меня попал, чуть ли не в самом начале представления. Почему не послал зов мне или Джуффину, не спрашиваю, это и так понятно. Я бы в твои годы и на твоём месте тоже сам пошел разбираться. Но узнал-то откуда?

— А я ничего и не узнал. Совершенно случайно туда заглянул. Шел мимо, решил пообедать...

— Вот оно как. — Сэр Кофа вовсе не выглядел разочарованным. — Так даже лучше, — добавил он. — Хорошее чутье и везение гораздо важнее умения добывать информацию, которому вполне можно научиться.

— А что это вообще было? — спросил я. — И куда подевался призрак? Удрал или вы его прикончили?

— Прикончить его я никак не мог. Это не моя специализация. Удрал, конечно. А жаль, я бы сам с удовольствием его расспросил: что это вообще было? Мне тоже, знаешь ли, интересно, с какой стати несколько дюжин взрослых трезвых людей вдруг принялись обжираться и хохотать. И не могли остановиться, пока призрак не покинул гостеприимные стены своего любимого трактира.

— Любимого? — переспросил я. Просто чтобы поддержать разговор.

— Совершенно верно. При жизни этот обжора-хохотун каждый день обедал в «Зеленом супе», хотя вполне мог позволить себе заведение классом повыше. Господин Унхан Магарас был очень богат. Таких состояний в Ехо нынче раз-два и обчелся, мало кто из богатеев без потерь пережил Смутные времена, а этот хитрюга только увеличил капитал.

— А, то есть вы выяснили, чей это призрак?

После всего этого веселья я на диво медленно соображал, вспомнить стыдно.

— Ну да. Трактирщик его узнал. Говорит, как раз прошлой ночью умер. Слуга с утра заходил, приглашал всех на похороны. Постоянные клиенты еще толком обсудить эту новость не успели, и вдруг — нате вам, покойник является в «Зеленый суп» собственной персоной, счастливый и довольный, каким при жизни его никто не видел.

— Выходит, быть призраком приятно? — удивился я.

— Вроде да. На моей памяти никто особо не жаловался. Впрочем, господин Магарас — случай совершенно особый. Он, видишь ли, очень любил своих дочерей — их у него, можешь вообразить, целая дюжина. Причем, кажется, погодки.

Ну хоть кому-то в детстве было с кем играть, завистливо подумал я.

— А еще больше господин Унхан Магарас любил своих внучек — всю полусотню, или сколько их там успело родиться...

— Ого, — присвистнул я. — Хотите сказать, они так его достали, что старик был счастлив умереть?

— Не в этом дело. Когда человек богат, он вполне может позволить себе отгородиться от докучливой детворы и вообще от кого угодно. А вот от дурных мыслей ни за какие деньги не отгородишься... Впрочем, вру, есть одно куманское средство, но о нем мало кто знает. Бедняга Магарас явно не знал. И поэтому последние две сотни лет — с тех пор как дочери подросли — жил в страхе, что они его изведут. Отравят или еще что-нибудь придумают, девчонки-то все пошли в материнскую родню, а покойная жена Магараса была из семьи лесных колдунов, таких многие горожане побаиваются — на мой взгляд, совершенно напрасно... Ну да ладно, не о том речь. В общем, вообрази себе жизнь богатого старика, который много лет жил во власти фантазии, будто любимые дочери и внуки только о том и думают, как от него избавиться и поделить денежки. Слова дурного им не говорил, ни в чем не отказывал, осыпал подарками, а сам все ждал: когда? В трактире по пьяному делу как-то проболтался о своих страхах, а то никто бы и не узнал. В итоге наш чадолюбивый богач умер в собственной постели от глубокой старости — иных хворей у него вроде не было. Стал призраком и обнаружил, что дочери и внуки вполне искренне рыдают у его одра, несмотря на огромное наследство, равномерно поделенное между их семьями. Представляешь, как бедняга обрадовался, обнаружив, что его потомство гораздо лучше, чем ему всю жизнь казалось?

— Не представляю, — честно сказал я. — И вообще поверить не могу. То есть я понимаю, что вы не выдумываете. Если уж рассказываете, значит, так оно и было или примерно так. Но мне до сих пор в голову не приходило, что людей могут мучить подобные проблемы. Двести лет считать своих домашних отравителями! Уму непостижимо.

— Да уж куда твоему уму, — усмехнулся сэр Кофа. — Ничего, лет через триста, возможно, перестанешь удивляться пустякам. А пока пей давай. «Длань тьмы», отличное вино. Видишь, какого года?

Я посмотрел на бутылку и присвистнул: ароматный иссиня-черный напиток был старше меня на целых семь лет.

— Хороший был год, — заметил сэр Кофа. — Для вина, и не только... Имей в виду, я не от скаредности всего полстакана тебе налил, вино только на вкус легкое, а на самом деле забористой джубатынской пьяни. Сейчас почувствуешь.

— Уже вроде почувствовал, — согласился я. — Вы мне теперь вот что объясните: а почему, собственно, этот дед стал призраком? От страха? Я слышал, так бывает.

— Иногда, — кивнул сэр Кофа. — Но тут нужен совсем другой страх — внезапный и очень сильный, щедро приправленный гневом и желанием поквитаться с обидчиками, а не равномерно размазанный по всем дням твоей жизни. Подозреваю, наш покойник просто воспользовался услугами специалиста, такому богачу самые лучшие по карману. Причем, скорее всего, еще до наступления эпохи Кодекса, сейчас-то все стоящие колдуны в Холоми, или в изгнании, или в отставке. Нелегально одни халтурщики работают.

— Как это — еще до наступления эпохи Кодекса? Умер-то он только сегодня утром.

— И чему вас нынче в Высокой Школе учат? Можешь не отвечать, сам догадываюсь — разной бесполезной ерунде. А в наше время не только всякий Орденский послушник, но и любой студент знал: заклинание, помогающее человеку стать после смерти призраком, можно читать в любой момент — да хоть над младенцем. И совершенно неважно, сколько он потом проживет и при каких обстоятельствах умрет, заклинание сработает в свой срок, никаких проблем. Многие люди, по тем или иным причинам опасавшиеся за свою жизнь, предпочитали заранее позаботиться о возможности расквитаться потом со своими убийцами. Что-что, а отравить жизнь живому человеку призраки умеют как никто другой, было бы желание... Меня другое удивляет: трактирщик клянется, что призрак господина Магараса не просто веселился, но и ел, как самый настоящий живой человек. Это правда?

— Чистейшая. Своими глазами видел, как он жрал колбасу. Думал, призраки не едят.

— Совершенно верно, не едят. Они обычно даже в руки ничего взять не могут. Если только читавший заклинание колдун заранее не позаботился о такой возможности по просьбе клиента. Но это по плечу только великому мастеру. Собственно, тем лучше, список подозреваемых сужается до трех... нет, даже двух имен.

— Подозреваемых? Но вы же сами сказали, все случилось еще до принятия Кодекса.

— Скорее всего, так и есть. Но проверить все равно надо. К тому же нам надо отыскать призрака. Велика вероятность, что он сейчас носится по столице в поисках своего бывшего благодетеля — надо же с кем-то посоветоваться, как быть дальше. При жизни об этом мало кто думает, а зря. Если уж хватило предусмотрительности организовать себе жизнь после смерти, естественно было бы позаботиться...

На эту тему сэр Кофа, похоже, мог говорить бесконечно. Однако не

стал, пощадил меня. Совершенно неожиданно взял деловой тон.

— Смотри, сэр Мелифаро. Дела обстоят так. Возможно, мастер, подсобивший господину Магарасу продолжить существование после смерти, давным-давно покинул Ехо. Или сидит в Холоми. В этом случае мы ничего не можем сделать, разве только надеяться, что наш Обжора-хохотун продолжит гастроли по трактирам, — если так, рано или поздно он будет наш. С другой стороны, в столице сейчас живут всего два известных мне специалиста соответствующего уровня. Вышли в отставку, наслаждаются бездельем и скукой, пожидают плоды былых трудов. Цены-то за услуги они в свое время заламывали — ты не поверишь... И знаешь, о чем я думаю? Хорошо бы поговорить с ними как можно скорее. Причем с обоими одновременно — эти господа не просто знакомы между собой, но и дружны; ясно, что тот, кого я наведу первым, тут же предупредит приятеля. Ничего страшного, но когда имеешь дело с человеком, не подготовившимся к допросу, беседа обычно оказывается более увлекательной... Ты уже понял, почему я тебе все это говорю?

— Хотите, чтобы одного я взял на себя? — обрадовался я.

Каюсь, думал при этом не о предстоящем допросе, а о том, что это задание избавит меня от сбора кельдей. На пару часов, как минимум; до завтрашнего утра, если повезет. В любом случае счастье.

— Совершенно верно. У господина Хемпы Чунмиаха тяжелый характер, его я возьму на себя. Зато его коллега Атва Ачуани милейший человек, одно удовольствие иметь с ним дело. А если нам вдруг повезет и ты застанешь там своего приятеля обжору...

— Вот, да, — подхватил я. — Что мне делать в этом случае? Ловить призраков меня пока не учили.

— Да я и сам не то чтобы такой уж великий охотник за привидениями, — пожал плечами Кофа. — Каждому свое. Не умеешь — и не лови, никто тебя не заставляет. Но если он не удерет в первый же момент, просто посоветуй ему немедленно отправляться в Дом у Моста, к Джуффину. Скажи, тот ему поможет — и советом, и делом... Эй, сэр Мелифаро, что с тобой? Возьми еще пилюлю, мне не жалко, я за них из казны расплатился.

— Не надо пилюлю. Все в порядке.

— Тогда почему ты скис?

— Я, в общем, все понимаю, — вздохнул я. — Знаю, что призракам запрещено шататься по Ехо. И что следить за этим — одна из обязанностей Тайного Сыска. Догадываюсь, что не имею права отказываться делать какую-то часть своей работы. Но этот бедняга — он же только минувшей

ночью умер. Еще даже толком обрадоваться не успел, что все так хорошо получилось, не зря когда-то деньги платил. Разобраться, что ему теперь делать, тем более не успел, даже не начал. Ставлю себя на его место и... — Я сбился и умолк, не зная, как сформулировать то, что казалось мне важным.

— Ну и? — нетерпеливо сказал сэр Кофа. — Ставишь ты себя на его место. И в чем проблема?

— Не могу я пообещать ему помощь и отправить на верную смерть. Вот честно сказать: «Извините, пожалуйста, я вас качественно убить не сумею, поэтому будьте любезны отправиться за этим к сэру Джуффину Халли, который гораздо более компетентен в данном вопросе» — я бы, пожалуй, смог. Но вряд ли стоит так формулировать, да?

— Так, стоп. С чего ты взял, что Джуффин его убьет?

— Ну как же, — растерялся я. — Работа у него такая. В смысле, у всех нас такая работа... Или нет?

— Вот с этого вопроса и следовало начинать. Джуффин, прямо скажем, не самый мягкосердечный человек в этом Море. Но убивать без крайней нужды никого не станет. А уж тем более безобиднейшего призрака, сдуру набедокурившего в трактире.

Я очень хотел поверить сэру Кофе. Но, конечно, понимал: говорить можно все что угодно. Я бы и сам на его месте соврал — это гораздо проще, чем переубеждать.

Сэр Кофа вздохнул, подумал и вдруг перешел на Безмолвную речь.

«Сведения секретные, так что не вздумай разболтать. У нас все Гажинское отделение Тайного Сыска — призраки^[16]. На жалованье, между прочим, хотя представить не могу, зачем им деньги. А начальницей у них старинная подружка Джуффина. Тоже давным-давно мертвехонька. Не веришь — поднимись на досуге в Большой Архив и проверь. Доступ к служебной информации у тебя, по идее, должен быть».

Я смотрел на него во все глаза. Вот это новость. А я-то, дурак, до сих пор не успел толком разобраться, где работаю. Думал, магии учат, и ладно. С Семилистником на ножах — совсем хорошо, в случае чего деду в глаза смотреть будет не стыдно. А остальное меня не касается.

Оно-то, может, и не касается, но, грешные Магистры, интересно-то как, оказывается!

— А Лонли-Локли? — на всякий случай спросил я. — Что будет, если наш Обжора-хохотун на него нарвется?

— Полагаю, Шурф любезно поможет призраку отыскать кабинет Джуффина, — пожал плечами сэр Кофа. И, подумав, добавил: — Другого

он, пожалуй, задержал бы. Но, боюсь, покойный господин Унхан Магарас не настолько начитан, чтобы Шурф счел его интересным собеседником.

— Не настолько начитан? — переспросил я. Думал, тут какой-то двойной смысл, непонятная мне пока профессиональная ирония.

— Ну да, — невозмутимо подтвердил Кофа. — Вот если бы в Дом у Моста забрел призрак какого-нибудь поэта или ученого, Джуффину пришлось бы ждать до завтрашнего утра, пока эти двое наговорятся.

Все это совершенно не укладывалось у меня в голове, зато твердая уверенность в том, что веселый призрак будет безотлагательно уничтожен, как-то незаметно превратилась в смутное подозрение и продолжала стремительно уменьшаться в размерах.

Я поднялся из-за стола.

— Адрес подскажете?

— Улица Поющих Рыб, рядом с Сумеречным рынком. Там всего восемь домов, тебе нужен двухэтажный, с ярко-зеленой крышей. О чем спрашивать, сам разберешься, надеюсь. И если вдруг выяснится, что господин Унхан Магарас был клиентом Атвы Ачуани, передай приглашение в Дом у Моста через него. Велика вероятность, что призрак рано или поздно навестит Атву — все они так делают или почти все.

— Передам, — твердо сказал я и направился к выходу.

Улицу Поющих Рыб я нашел сразу, дом с зеленой крышей тоже. На тяжелой кованой двери висел охранный амулет, который пронзительно заверещал прежде, чем я успел постучать. Я поморщился. Мстительно подумал, что эту визгливую бездарность сэр Хамбара Гаттон в свой хор ни за что не принял бы.

Словно бы специально для того, чтобы сгладить неблагоприятное впечатление, судьба поместила на порог дома существо столь прекрасное, что я тут же простил амулет, его неизвестного изготовителя и всех предков этого горе-ремесленника заодно.

Существо обладало смоляными кудрями, черными глазищами в поллица, золотисто-смуглой кожей и крошечной родинкой на щеке. Нос, рот и подбородок у существа тоже несомненно имелись, наверняка превосходного качества, но их я поначалу толком не разглядел, поскольку домашнее лоохи, серое и тонкое, как слой пыли, почти не скрывало бесчисленных достоинств фигуры. В руке прекрасное существо держало волшебный жезл, который при ближайшем рассмотрении оказался новенькой гугландской метлой.

— Ой! — по-детски пискнуло существо.

Собственно, она и была почти ребенком. Совсем юная барышня.

— А кто вы? И к кому пришли? — спросила она с очаровательным ландаландским выговором, немыслимо растягивая одни гласные и безжалостно глотая другие.

Я рассудил, что вряд ли передо мной сам сэр Атва Ачуани. Внешность, конечно, штука обманчивая, но любителей притворяться юными красотками среди старых столичных колдунов по пальцам пересчитать можно. И мудрить с произношением ни один из них, пожалуй, не станет. Значит, настоящая девица. Для жены она, пожалуй, слишком молода, для любовницы — чересчур скромно одета. Дальняя родственница, прислуга или еще что-то в таком роде. Что ж, неплохо.

— Мне нужен сэр Ачуани, — сказал я.

— Ой, а его-то как раз и нет! — почему-то обрадовалось прекрасное существо. — И вечером не будет, и завтра, и еще долго-долго.

— Уехал? — огорчился я.

Не то чтобы я так уж жаждал допросить господина Ачуани. Просто если его нет в Ехо, значит, мне придется вернуться к сбору кельдей. Причем прямо сейчас. А до вечера еще ой как далеко.

— Нет-нет, он в городе. Просто сейчас у брата живет. У того жена в отъезде, а когда она уезжает, сэр Ачуани всегда переезжает к брату. Только вы не думайте, что сэр Кетторама боится один в темноте или еще чего. И вовсе ничего такого он не боится! Просто братья такие дружные! Даже удивительно, какие дружные бывают люди. Я бы тоже так хотела, но у меня нет ни братьев, ни сестер.

Все это она успела выложить примерно секунды за три. В голове у меня пугающе зазвенело. Похоже, мое прекрасное существо было чудовищем из древних легенд, способным свести с ума всякого, кто неосторожно вступит с ним в беседу.

Однако даже столь прискорбные обстоятельства не помешали мне наконец-то сообразить: сэр Кетторама, по фамилии Ачуани, ну да, конечно же. Выходит, наш отставной колдун — брат того самого Королевского парфюмера, за которого вышла замуж Гетти Ейхелли. И получается, это не кто-нибудь, а она сейчас в отъезде. Ну-ну. Видели мы этот «отъезд».

Тем временем красотка продолжала тараторить:

— Если вам нужен сэр Ачуани, вы застанете его у брата. Это на Левом берегу, его особняк — самый большой на улице Синих Фонарей. Если не сможете найти, просто спросите, где живет господин Королевский парфюмер, таких людей обычно все соседи знают. И кстати, наш дом тоже все соседи знают. Только потому, что сэр Атва — родной брат сэра

Кетторамы. Люди всегда очень интересуются придворными делами!

Договорила и наконец умолкла. И тут же снова показалась мне прекраснейшим существом в Море. Поэтому вместо того, чтобы развернуться и отправиться по указанному адресу, я, напротив, сделал шаг вперед и принялся усердно восхвалять красоту и живой ум моей новой знакомой, аккуратно приправляя комплименты перечнем уютных уединенных уголков столицы, идеально подходящих для встречи влюбленных.

Некоторое время барышня заинтересованно меня слушала. Но когда я предпринял попытку ласково коснуться ее смуглой щеки, взвизгнула не менее пронзительно, чем давешний охранный амулет, вспыхнула, как сердитый грибной фонарь, отшатнулась, метнулась в дом, захлопнула дверь. Из-за двери до меня донеслась виртуозная брань — все, что я до сих пор слышал в порту и даже в школьных сортирах, ни в какое сравнение не шло с этим шедевром.

Я так удивился, что даже не обиделся. Никогда не сталкивался с подобной реакцией. Дело не в том, что обычно все девушки вот так сразу бросаются мне на шею, — честно говоря, они могли бы делать это и почаще. Но убегать от меня, вереща и бранясь, до сих пор никому в голову не приходило. Я же не страшный совсем. И человеческий язык вполне понимаю. Мне можно просто спокойно сказать «нет» — и закрыть вопрос почти навсегда. То есть до следующей встречи.

Может, совсем недавно живет в столице, вот и боится всего, неуверенно подумал я. С другой стороны, не из Пустых же Земель приехала, всего лишь из Ландаграда. Там все примерно так же, как у нас устроено, а девушки, между прочим, гораздо сговорчивей, отлично помню, я же там не то в пяти, не то в шести школах учился.

В любом случае все, что я мог сейчас сделать, — выкинуть неуравновешенную красотку из головы и заняться работой. То есть послать зов Кофе, предупредить, что допрос по техническим причинам откладывается примерно на час, взять служебный автомобиль и отправиться на Левый берег, в дом Королевского парфюмера Кетторамы Ачуани.

Улицу Синих Фонарей я нашел быстро, хотя Левобережье знал тогда плохо, — просто повезло. Отыскать самый большой дом труда не составило. По сравнению с монументальным жилищем Королевского парфюмера все близлежащие особняки выглядели почти игрушечными. При этом окружающий строение сад был заметно меньше соседских, а потому казался вовсе отсутствующим. Зато с дверными амулетами дела тут

обстояли неплохо: их было штук шесть, и они более-менее слаженно исполнили немудреную старинную мелодию. Небось подарок хозяйке от одного нашего общего знакомого, невольно подумал я. Как только от сердца оторвал? Или они просто недостаточно хороши для его коллекции?

Дверь мне открыли сразу четверо слуг, одетые по моде времен Вурдалачьей династии, если не вовсе Королевы Вельдхут. Ох уж эти мне придворные, даже дома максимально усложняют себе жизнь, хотя, казалось бы, где еще отдыхать от дворцовых церемоний? С другой стороны, возможно, им необходимо каждый день тренироваться, чтобы не потерять форму.

Так или иначе, а слуг было четверо, и вместо того, чтобы прямо спросить, какого черта мне надо, эти немолодые дарования хором затянули приветственную песнь, столь же древнюю, как покрой их костюмов. Пришлось стоять столбом на пороге и слушать, с тоской думая, что здешние дверные амулеты, при всех своих недостатках, гораздо музыкальнее, чем домочадцы.

Впрочем, страдал я не совсем напрасно. Последний, восьмой по счету куплет песни содержал завуалированный вопрос: «На кой ты сюда приперся, о прекрасный незнакомец?» — с которого, если по уму, и следовало начать.

После этого я счел возможным сообщить, что зовут меня сэра Мелифаро, я служащий Малого Тайного Сыскного Войска Его Величества Гурига Восьмого и мне необходимо немедленно поговорить с братом хозяина дома, сэром Атвой Ачуани, который, если верить полученной мною информации, в настоящий момент здесь гостит. Причем изложил все это столь высокопарно и многословно, словно бы сам только-только приступил к службе при Восемнадцатом Сортире третьего этажа замка Рулх мойщиком горшков четвертой ступени. Заканчивая говорить, чувствовал, что мой язык вот-вот завяжется узлом, но обошлось.

Слуги переглянулись, один отвесил мне глубочайший поклон, развернулся и ушел докладывать. Остальные снова запели. На сей раз прозвучало музыкальное произведение поновее, времен правления первого из Гуригов. Его содержание не имело никакого отношения к происходящему, очевидно, меня просто развлекали, чтобы ожидание казалось не столь томительным. Если бы кто-то спросил моего мнения, я бы сказал, что уж лучше бы они одновременно закурили, но делать нечего, пришлось терпеть.

Наконец ушедший слуга вернулся во главе четверки носильщиков, на чьих могучих плечах возлежал паланкин. К счастью, я уже пару раз

попадал в подобную ситуацию, навещая своих однокашников. Поэтому, не теряя времени на уверения, что я вполне в силах самостоятельно добраться до гостиной, сел в паланкин и позволил этим красавцам нести меня, куда им вздумается.

Шествие возглавили певцы — трио снова стало квартетом и на радостях так фальшивило, что я едва жив остался. Хорошо, хоть путь наш был недолог — всего-то два коридора, три поворота, и мы оказались на месте. То есть в огромной комнате, обстановка которой могла бы на несколько лет обеспечить стабильными доходами добрую дюжину антикварных лавок. Все предметы мебели были необыкновенно хороши, но сказать, что их удачно расставили, у меня язык не повернется.

Меня выгрузили в дальнем конце помещения, где стояли удобные старинные кресла, а на простом, почти деревенском деревянном столе красовалась целая коллекция разнообразных бутылок. Братья Ачуани деловито дегустировали напитки, разливая их в разноцветные стаканы лохрийского стекла; похоже, они предавались этому похвальному занятию с самого утра, если не вовсе со вчерашнего вечера. Выглядели оба хуже некуда — тощий пожилой господин в замызганном темно-синем домашнем лоохи, другой заметно моложе и пошире в кости, в одежде, расшитой крестами и кругами, но таких тусклых, унылых цветов, что лучше бы уж вовсе без узоров. Лица у обоих расслабились и размякли — казалось, если сейчас подует ветер, их щеки, губы и носы затрепещут, как вывешенное на просушку белье.

— Что будете пить? — не здороваясь, спросил меня тот, что выглядел старшим.

На самом деле хозяин дома был младше своего брата чуть ли не на сотню лет. Известное дело, могущественные колдуны живут гораздо дольше, чем обычные люди, а старятся обычно только в тех случаях, когда это полезно для дела. В прежние времена придавать себе солидный облик любили многие Великие Магистры, а нынче, кажется, так развлекаются только леди Сотофа из Семилистника, наш шеф да сэр Кофа Йох — в те редкие мгновения, когда бывает похож сам на себя.

— На ваше усмотрение, — вежливо ответил я.

Для чистосердечного признания, что в выпивке такого класса я совершенно не разбираюсь, было не время и не место.

Сэр Кетторама Ачуани внимательно оглядел шеренгу бутылок, громко икнул, внезапно пригорюнился и, похоже, забыл о моем существовании. Зато зашевелился сэр Атва.

— Просто возьмите любой стакан, — сказал он. — Мы в них не

плевали, — и рассмеялся этой немудреной шутке. Хохотал громко, долго, от всей души. Я уж было подумал, он теперь никогда не успокоится, плакал мой допрос. Ну хоть выпью, раз предлагают, пусть будет какая-никакая польза от этого нелепого визита.

Выбрал оранжевый стакан и ни секунды об этом не жалел. Вино в нем оказалось легкое, сладковатое, с ароматом свежескошенной травы — никогда такого не пробовал.

Я пил, сэр Атва Ачуани смеялся, сэр Кетторама изучал свое внутреннее пространство, застывшие на пороге слуги безмолвствовали. Казалось, так будет вечно, однако мой весельчак внезапно замолчал, отхлебнул из ближайшего к нему стакана и спросил:

— А собственно, зачем я понадобился Тайному Сыску? Вроде ничего интересного последние лет восемьдесят в моей жизни не происходило. И рад бы быть тем человеком, которого вам есть о чем расспросить, но я — не он. Живу, как блаженный мешок компоста, Кодекс, будь он неладен, чту. Вот разве что Магистра Нуфлина еще ни разу в задницу не целовал. Чего не было, того не было. Вы поэтому за мной пришли?

Запомни, сказал я себе, это называется «милейший человек». Одно удовольствие иметь с ним дело — с точки зрения сэра Кофы. Учти на будущее.

И прежде чем высказываться вслух, постарался вспомнить, как обычно выглядит и каким тоном говорит этот зануда Лонли-Локли. Сейчас я, чего греха таить, завидовал его невозмутимости и умению мгновенно доводить людей до белого каления. И решил, что непременно надо будет научиться корчить такие же равнодушные рожи. Может пригодиться в некоторых непростых ситуациях.

— Это как раз очень хорошо, что вы не целовали никаких задниц, — наконец сказал я. — Подобное поведение совершенно недопустимо, поскольку противоречит элементарным нормам гигиены.

Вместо того чтобы удивиться или обидеться, этот чудака снова расхохотался. Я взял следующий стакан, пригубил неизвестный крепкий напиток и приготовился ждать. Был почти уверен, что трачу время не зря. Ясно же, что только такой смешливый колдун и мог сделать подозрительного богача жизнерадостным призраком. Даже смех у них похож, только у сэра Атвы, хвала Магистрам, не настолько заразительный, а то плохи бы были мои дела.

— Унхан Магарас умер нынче ночью, — сказал я, когда он наконец успокоился.

Сэр Атва Ачуани оживился необыкновенно. Глаза засияли,

разбежавшиеся в разные стороны черты внезапно собрались в умное, осмысленное и чрезвычайно привлекательное лицо, даже узор на лоохи, похоже, стал ярче, и я подумал, что зря вот так сразу счел, что у него нет ни вкуса, ни фантазии. Для человека, сидящего в гостях у родного брата, то есть практически у себя дома, его наряд был не так уж плох.

— И что? — нетерпеливо спросил он. — Все получилось?

— Еще как, — заверил его я. — Прекрасный вышел призрак. Хохочет и жрет, жрет и хохочет. Причем так заразительно, что все вокруг тоже начинают жрать и хохотать, — а вот это уже проблема. Мы с сэром Кофой нынче в «Зеленом супе» целую коробку умпонских пилюль от обжорства извели.

— Слаб желудками нынешний народец, — презрительно отмахнулся сэр Атва. — Вот в прежние времена сутками могли обжираться, и хоть бы что.

— Я те времена не застал. Однако уверен, дело в том, что повара тогда колдовали. А теперь — почти нет. Поэтому пища стала тяжелее, — заметил я.

— Ваша правда, сэр Мелифаро. Так вы говорите, призрак господина Магараса не только смеется, но и ест? Не притворяется, не имитирует, а жует и глотает?

— Своими глазами видел, как он кусал колбасу.

— Отлично! Я не был уверен, что это получится.

— Слушайте, а почему он так действует на окружающих? — спросил я. — В смысле, почему все остальные тоже начинают жрать и хохотать?

— Хотите правду? Понятия не имею, — усмехнулся сэр Атва. — Но подозреваю, это просто побочный эффект заклинаний, даровавших ему чудесную способность жрать колбасу. Клиент, видите ли, всегда ценил хорошую еду превыше прочих наслаждений и мечтал продолжить в том же духе после смерти. Заплатил столько, что было бы свинством с моей стороны хотя бы не попытаться. Я, помню, столько заклинаний наворотил в надежде, что какое-то да поможет... Ну что тут скажешь, рад за него. И за горожан — не так уж плохо они провели время. А вот за вас — не очень. Зря вы на Левый берег ехали. Все это я проделал в ту пору, когда Кодекс Хрембера еще в страшных снах своим будущим создателям не снился.

— Ну и что, — ответил я, придвигая к себе следующий стакан. — Я же не арестовывать вас приехал, а лично убедиться, что дело давнее и можно не носиться по городу, разыскивая неизвестного мастера. А вместо этого, к примеру, выпить с вами вина. А вы говорите — зря... К тому же сэр Кофа просил передать, что, по его расчетам, рано или поздно этот Обжора-

хохотун к вам заявится. Говорит, все они ходят к своим бывшим знахарям советоваться, как быть дальше.

— Вот о чем о чем, а о призраках я знаю побольше, чем сэр Кофа Йох, при всем моем к нему уважении. Как по-вашему, сколько клиентов у меня было? Впрочем, точно сам уже не скажу, после трехсотого сбился со счета. В живых сейчас хорошо если половина. И некоторые действительно заходили меня навестить. Сказать спасибо, покрасоваться перед понимающим зрителем, и все в таком духе. Но как быть дальше, спросили всего двое. Обычно призраки сами прекрасно знают, как им следует поступать. Не скажу, что их идеи всегда так уж хороши, зато самоуверенности — хоть отбавляй.

— И что вы присоветовали тем двоим?

— Как что? Отправил к твоему начальнику. Он, в отличие от меня, знает все, что им нужно. Сам к нему пойду, если, конечно, он меня переживет. Что, боюсь, весьма вероятно.

— А вы, получается... тоже?

Это, конечно, был бестактный вопрос. Но я просто не мог удержаться.

— Странно было бы не сделать для себя то, что всю жизнь делал для других, — пожал плечами сэр Атва. — Я, видите ли, много наблюдал за призраками и понял, что такая жизнь нравится мне гораздо больше, чем полная неизвестность.

— Ясно, — кивнул я. — Вы уж извините, что лезу не в свое дело.

— Профессия у вас такая — лезть не в свои дела, — отмахнулся он.

И был совершенно прав.

— Значит, если господин Магарас, то есть его призрак все-таки к вам заявится, вы отправите его к Джуффину? — спросил я.

— Конечно. Чем он хуже других?

— Отлично. Потому что именно об этом я и хотел вас попросить.

— Рад, что все так совпало. Но на вашем месте я бы на это не слишком рассчитывал. Вы просто не представляете, насколько он сейчас счастлив. И я не представляю. Только умозрительно могу предположить, каково это — после долгой жизни, унылой старости и тяжелой болезни обрести вдруг легкость, силу и неуязвимость, вернее, иллюзию неуязвимости. Но очень достоверную.

— Ну мало ли как сложится, — сказал я. — Может, господину Магарасу не понравится, что мы за ним гоняемся. А у нас просто выхода другого нет: пока призрак в Ехо, он вне закона, и ничего тут не поделаешь.

— Ох уж эти мне законы, — обреченно вздохнул сэр Атва. — Честно говоря, я не думаю, что нужны были такие жесткие ограничения на

Очевидную магию. До сороковой ступени вполне могли разрешить — больших бед никто не натворил бы, а настоящему мастеру для работы вполне достаточно.

Он требовательно посмотрел на меня, как будто в моих силах было немедленно изменить положение дел к лучшему, а я почему-то ленился.

— Совершенно с вами согласен, — кивнул я. — Но, к сожалению, Кодекс Хрембера писали без моего участия. Меня тогда и на свете-то не было.

— Да уж догадываюсь, — устало зевнул сэр Атва. — Но мне от этого, знаете ли, не легче.

Радость, охватившая его при известии о новом призраке, уже ушла, лицо снова размякло, глаза погасли.

— Глупо давать вам советы, — сказал я. — Но, к примеру, мой дед, Магистр Фило, давным-давно покинул Ехо. И, судя по всему, превосходно себя чувствует. А то бы вернулся, все так говорят.

— Ну так он же из Ордена Потаенной Травы, — отмахнулся сэр Атва. Как будто это все объясняло.

Впрочем, может, и объясняло, откуда мне знать [\[17\]](#).

— А кто эта милая барышня, которая сейчас живет в вашем доме? — спросил я, залпом прикончив содержимое третьего по счету стакана.

Вопрос, конечно, совершенно не по теме. Но сэр Атва сам сказал, что совать нос в чужие дела — моя профессия, так что чего стесняться.

— А, Хони, — неопределенно хмыкнул он. — Считается, что она у меня в услужении. Никогда в жизни не держал слуг. Но брат с женой уговорили взять эту девицу. Дескать, нехорошо, что дом пустует, когда я живу у Кетторамы. А Хони круглая сирота из Ландаланда, оказалась в столице без медной горсти в кармане и крыши над головой, так почему бы ей не посторожить мой дом за мизерную плату. Не знаю, что такого нехорошего в пустующем доме, но иногда бывает проще согласиться, чем спорить. Барышня, надо отдать ей должное, не столь ужасна, как мне сперва показалось. По крайней мере, у нее определенно есть талант не попадаться мне на глаза, поэтому полдюжины дней мы худо-бедно уживались. А позавчера утром леди Гетти отправилась в Уандук, я, как всегда, перебрался к брату, и Хони приступила к своим непосредственным обязанностям. Сторожит мой дом изо всех сил. Хорошо сторожит, кстати?

— Неплохо, — сдержанно сказал я. Подумал и прибавил: — Да что там, просто замечательно сторожит.

— Гетти? Да, Гетти позавчера уехала, — внезапно встрепенулся молчавший все это время сэр Кетторاما. — Уехала моя Гетти в Уандук! —

повторил он с таким торжеством, как будто отъезд одного из супругов являлся наивысшим жизненным достижением оставшегося дома.

И снова умолк, даже на мои прощальные слова ничего не ответил. Тоже мне знаток придворного этикета.

Сев за рычаг амобилера, я отправил зов сэру Кофе, рассказал ему все, что узнал, и поехал в Дом у Моста. После допроса, сопровождавшегося дегустацией редких напитков, мне зверски хотелось спать, и я надеялся, что сэр Джуффин Халли в кои-то веки согласится отпустить бессмысленного и бесполезного меня восвояси — аж до завтрашнего утра.

Интересное место этот Уандук, думал я, петляя по узким улицам Левобережья. Все говорят — далеко, за морем. А на самом деле он совсем рядом, за полчаса из Старого города доехать можно... Кстати, интересно, кому леди Гетти доверила свою «Айсу»? Нет, стоп, так не бывает — чтобы капитан шикки чужого вместо себя главным оставил, да еще и на целый рейс. Они ревнивы поневоле. Шикка — судно непростое. Строить их умеют только укумбийцы. Не знаю, ворожат они при этом специально или просто древесина в тех краях особая, но факт, что все шикки — в той или иной степени разумные существа. Некоторые привязываются к своим капитанам, как собаки, а некоторые способны испытывать настоящие дружеские чувства. Мой братец, к примеру, со своим «Фило» так сошелся, что письма ему пишет, когда гостит у нас больше трех дней. И очередной вахтенный зачитывает их вслух, предварительно спустившись в трюм, — считается, что так «Фило» лучше всего слышно.

А постороннего шикка нипочем слушаться не станет, хоть на коленях ее умолай. Если хочешь стать владельцем чужой, не для тебя построенной шикки — убей ее капитана, напои палубу его кровью, потом своей, других способов нет. Так что леди Гетти при всем желании не могла отправить «Айсу» в Уандук с другим капитаном. Разве только спрятать от любопытных глаз — это у нас в порту проще простого.

Ладно, хорошо, думал я, спрятать-то не проблема, допустим. Но если никто никуда не едет, где, интересно, рыжая возьмет товар, который должна оттуда привезти? Купит втридорога на Сумеречном рынке? Хороший бизнес, нечего сказать. Или просто соврет мужу, будто ее, к примеру, мой Анчифа ограбил? И что будет тогда с его добрым именем? Одно дело, когда все судачат о том, как лихо ты раздеваешь простодушных ташерских купцов, и совсем другое, когда по городу ползут слухи, будто ты бывшую подружку не пощадил. Не хотел бы я оказаться в таком положении.

Я сам не заметил, как начал сердиться на рыжую леди Гетти, словно

она уже оклеветала моего брата. Пусть только попробует на Анчифу все свалить, думал я. Пусть только намекнуть посмеет. Уж я тогда молчать не буду.

Теперь-то, задним числом, я понимаю, что на самом деле был зол на Гетти Ейхелли с того момента, как увидел ее на пороге дома Хамбары Гаттона, трёхнутого коллекционера всякой ерунды, пижона, каких мало. Ревновал ее, так сказать, от имени всей семьи. Изменять мужу — дело, конечно, хорошее, если бегать от него к нашему Анчифе, как в старые добрые времена. А то ишь, нашла себе нового кавалера.

В сочетании с напитками, которые я употребил в обществе братьев Ачуани, моя мимолетная досада превратилась в настоящую манию. Я твердо решил, что выведу эту красотку на чистую воду, разузнаю, как обстоят дела с ее шиккой, командой, поездкой и товаром. И буду молча обладать этой полезной информацией — на всякий случай. А то мало ли, вдруг действительно на Анчифу напраслину возведет.

Меж тем в Доме у Моста было неладно. Или, напротив, чересчур ладно, — вот так сразу не поймешь. Всюду темно, и только окна кабинета сэра Джуффина сияют ярким оранжевым светом, а стекла их дрожат от хохота — меня аж передернуло, когда услышал. Выходит, поймали-таки призрака, пока я с его создателем пьянствовал. И, вопреки моим опасениям, до сих пор не убили. А напротив, усадили за стол.

К кабинету шефа я приближался с опаской, поскольку ни жрать, ни смеяться больше не хотел. Прежде чем войти, заткнул уши — вдруг поможет? И локтем толкнул дверь.

Стол господина Почтеннейшего Начальника и правда ломился от яств. Сэр Джуффин и сэр Кофа хохотали так, что посуда звенела, зато Шурф Лонли-Локли сидел, как обычно, с кислой миной и сосредоточенно изучал поддетый на вилку кусок пирога, словно бы подсчитывал в уме его объем и вес. Буривух Куруш неодобрительно взирал на эту троицу с вершины книжного шкафа и присоединяться явно не собирался.

Призрака в кабинете, однако, не было. «И все-таки они его прикончили, — мрачно подумал я. — А теперь досмеиваются и доедают. Отдыхают, так сказать, от трудов».

— Не стоит слишком хорошо думать о людях, — укоризненно сказал сэр Джуффин. — Мы твоего Обжору-хохотуна не только не прикончили, а даже еще не поймали. Поэтому сэр Кофа был вынужден наглядно продемонстрировать нам с Шурфом, что происходит с людьми в присутствии этого зловещего создания тьмы. Присоединяйся, сэр

Мелифаро. Веселиться не заставляю, а вот закусывать разговоры вроде того, что вышел у вас с Атвой Ачуани, совершенно необходимо. Ругать тебя за пьянство в рабочее время не стану. Наоборот, всецело одобряю такое поведение. Погреб Королевского парфюмера славится на весь город, дурак ты был бы, если бы не воспользовался случаем.

— На самом деле мы вполне связно побеседовали, — сказал я, присаживаясь к столу. — Несмотря на то что сэр Атва с братом, похоже, уже второй день квасят. По крайней мере, главное-то я выяснил: наш Обжора-хохотун — его рук дело. Но давнее. Бедняга так обрадовался, когда узнал, что все получилось... По-моему, он от скуки на стенку лезет. Я бы на его месте уехал. В Куманский Халифат или еще куда-нибудь.

— Я бы, пожалуй, тоже, — согласился сэр Джуффин. — Если бы, конечно, не решил, что остаться и нарушать закон интереснее.

— «Если бы», — проворчал сэр Кофа. — Хотите сказать, что возможны варианты? Не заливайте. Покойный Король знал, что делает, когда назначил вас на эту должность. Когда бы не этот его дальновидный поступок, от Ехо уже давно камня на камне не осталось бы.

— Не преувеличивайте, — отмахнулся господин Почтеннейший Начальник. — Кое-что осталось бы. Тот же замок Рулх, к примеру, очень мне нравится. И весь Гребень Ехо, включая, между прочим, ваш дом. И некоторые кварталы Старого города. А Левобережье вообще пальцем не тронул бы. Там у нас такие сады!

— Здание Университета тоже ни в коем случае нельзя разрушать, — вдруг вмешался Лонли-Локли. — Уникальный памятник архитектуры. Вы знаете, что его фундамент был заложен еще при Халле Махуне Мохнатом? Не меньшую ценность представляет собой университетская библиотека, которую горожане называют Мохнатым Домом. Там, помимо прочего, хранится одно из наиболее интересных собраний книг в Соединенном Королевстве.

Он говорил таким тоном, словно сэр Джуффин уже твердо решил этой же ночью разрушить столицу и у нас был последний шанс подсказать ему, что следует оставить.

— Спасибо, сэр Шурф, — вежливо сказал шеф. — Когда дойдет до дела, я непременно учту ваше мнение.

Эк они все разошлись.

— А что с Обжорой-хохотуном? — спросил я. — Неужели больше нигде не бузил?

— Представь себе, нет. — Сэр Кофа развел руками. — То ли от нас спрятался, то ли просто отдохнуть решил. Ничего, рано или поздно

объявится. А не объявится — нам же лучше. Пусть себе, к примеру, в Гугланде веселится, там можно.

— Правда, что ли, можно? — удивился я.

— Ну да. Экзамен по уголовному праву на «отлично» сдал, а элементарных вещей не знаешь. Призракам запрещено находиться только на территории столицы и ее окрестностей. Ну то есть мы можем изгнать призрака, обосновавшегося вдали от Ехо, но только по просьбе владельцев дома, где он поселился. А по собственной инициативе — нет, не имеем права.

— Вполне естественно, что он не знает, — неожиданно заступился за меня Лонли-Локли. — Поскольку вы сейчас сослались не на статью Кодекса Хрембера, а на позднейшую поправку к ней. Изменения в учебные программы, к сожалению, вносятся слишком медленно, поэтому сэр Мелифаро имеет полное право не знать о ряде поправок к законодательству.

И когда я уже был готов впервые в жизни искренне его поблагодарить, надменно добавил:

— С другой стороны, нынешние студенты совершенно напрасно лентяят самостоятельно изыскивать дополнительные материалы по избранным для изучения предметам. Сведения о поправках к законодательству не являются секретной информацией, для того чтобы их получить, сэру Мелифаро достаточно было проявить минимальное любопытство и трудолюбие.

Я едва сдержал желание плюнуть ему в тарелку. Чтобы отвлечься, спросил:

— А почему во всем Управлении темно? Городскую полицию наконец-то разогнали?

— Жди, как же, — усмехнулся сэр Кофа. — Просто я решил устроить мальчикам праздник, по старой дружбе. Все полицейские получили по короне из казенных средств и отправились гулять по трактирам. Теоретически, предполагается, что кто-нибудь из них может наткнуться на Обжору-хохотуна и прислать мне зов прежде, чем окажется во власти его чар. На самом деле надежды на это мало. Но я решил — пусть ребята развлекаются. Служба у них не сахар.

— Ага, — с умным видом кивнул я.

А про себя думал: что творится, а. Тот еще Приют Безумных этот наш Тайный Сыск. Сказал бы мне кто раньше, как в Доме у Моста дела делаются, ни за что не поверил бы.

— Работник из тебя сегодня уже никакой, — заметил сэр Джуффин. — Поэтому если хочешь попробовать «Мох Ауни», ни в чем себе не

отказывай.

Я только целую секунду спустя понял, что великодушное начальство предлагает мне приложиться к одной из стоящих на столе бутылок. Темное стекло действительно было декорировано мхом, а вкус крепкого, благоухающего лесными травами вина оказался таким, словно его слегка разбавили болотной водой; при этом не могу утверждать, что мне не понравилось. Просто очень уж непривычно.

На еду я по-прежнему смотреть не мог, зато три порции этого грешного «мха» аккуратнейшим образом поместились в моем желудке, после чего жесткое кресло показалось мне удобным ложем, табачный дым — ароматом шиншийских^[18] благовоний, а мои коллеги, включая кошмарного Мастера Пресекающего Ненужные Жизни, — милейшими людьми, практически членами семьи, в чьем присутствии вполне можно позволить себе расслабиться и подремать. Вот буквально минуту-другую.

И все-таки интересно, как она будет выкручиваться с товаром? — подумал я, засыпая.

То есть мне казалось, что подумал. На самом деле, видимо, сказал вслух. Во всяком случае, сэр Джуффин тут же переспросил:

— Кто «она»? С каким «товаром»? Почему «выкручиваться»?

— Леди Гетти Ейхелли, — не просыпаясь, ответил я.

Но потом все-таки проснулся, потому что понял: нехорошо вышло. Можно сколько угодно сердиться на бывшую подружку брата, которая обманывает мужа с первым попавшимся пожилым щеголем, но выдавать ее секреты посторонним — это уже ни в какие ворота. Стыдно-то как.

— Все это совершенно неважно, — принялся объяснять я. — Просто случайно узнал чужую тайну, которая никого из присутствующих не касается. В том числе меня.

— Тебя — вполне возможно. А вот лично меня касается все, что происходит в этом городе, — заметил сэр Кофа. — Джуффина — тем более. И даже сэра Шурфа, к его величайшему негодованию. Ему-то, в отличие от нас, совершенно неинтересно совать нос в чужие дела. Но все равно приходится.

— При этом мы не сплетники, — мягко добавил сэр Джуффин. — То есть докладывать мужу о похождениях жены не побежим, если тебя это беспокоит. И со своими домочадцами за завтраком этой интересной новостью не поделимся. А потому будь любезен объяснить, почему леди Гетти Ейхелли придется как-то «выкручиваться» с товаром, вместо того чтобы просто его привезти, как она это уже не раз делала.

Все это звучало в высшей степени разумно, но рассказывать им про

леди Гетти мне все равно не хотелось.

Молчание мое было вознаграждено кружкой горячей камры и еще одной порцией болотного зелья. Совсем небольшой, а все-таки.

— Собственно, можешь ничего не рассказывать, — неожиданно легко согласился шеф. — Но учти, я любопытный. И отправлю за информацией сэра Кофу. А если не отправлю, он ее сам соберет, потому что ему тоже интересно. Беда в том, что наши расспросы вполне могут породить сплетни. Так что если хочешь оказать услугу своей знакомой, лучше объясни нам все прямо сейчас.

Он был совершенно прав, это даже я понимал. И, вздохнув, принялся рассказывать.

— Помните, вчера, когда вы отправили меня к Хамбаре Гаттону, тот просил, чтобы я приехал как можно раньше, потому что вечером он ждет гостей? Ну вот, гостя объявилась, когда я еще от дома толком не отъехал. И я ее узнал. Она-то меня не помнит, я еще маленький был, когда мы в последний раз виделись. Зато леди Гетти захочешь, а не забудешь... А сегодня я случайно выяснил, что муж леди Гетти уверен, будто она с позавчерашнего утра в море. Отправилась в Уандук за товарами. И я теперь все время думаю: ладно, мужу она соврала, шикку спрятала где-нибудь в порту, сама отправилась к своему дружку, — все понимаю. Но товар? Как быть с товаром? Откуда она его привезет? И что скажет, если не привезет?

— Хороший вопрос, — неожиданно поддержал меня сэр Джуффин. — Особенно если учесть, что товар этот — сырье для Королевского парфюмера. Собственно, сэр Кетторама Ачуани так надолго задержался на своей должности именно потому, что его жена столь успешно торгует с Куманским Халифатом. Считается, что их семейный союз — своего рода гарантия качества сырья. А тут вот что выясняется. Интересные дела.

— У нее именно шикка? — уточнил Лонли-Локли. — Значит, она не может послать вместо себя кого-то другого, я правильно понимаю?

Ну надо же, подумал я. Все-то он знает.

— Да ну, ерунда какая, — решительно сказал сэр Кофа. — Из-за чего вы все переполошились? Ну уйдет Гетти в Уандук на два-три дня позже, подумаешь, какое горе. Для моряка обычное дело опоздать на несколько дней. Море — стихия непредсказуемая.

— Ваша правда, — кивнул сэр Джуффин. — А все-таки мне будет спокойнее, если вы проследите за шиккой леди Гетти. И сообщите нам, когда она все-таки уйдет в Куманский Халифат — если вообще уйдет.

— Некогда мне ерундой заниматься, — сварливо сказал сэр Кофа. — Мне еще Обжору-хохотуна искать по всему городу, вы не забыли? Не самое

серьезное дело в моей жизни, а все же поважней, чем слезка за чужими женами. Вот пусть сэр Мелифаро займется. Кто суп варить начал, тому его и мешать.

— Тоже верно, — согласился шеф. — Пусть займется сэр Мелифаро, действительно.

Я открыл было рот, чтобы спросить: «А как же кельди?» — но тут же проворно его захлопнул. Если уж начальство про кельди не вспоминает, то и я не заикнусь. Ищи дурака.

Меня после этого еще и домой поспать отпустили. То есть день закончился, можно сказать, полным и окончательным триумфом.

Зато следующее утро началось не лучшим образом. Во-первых, это случилось слишком рано — еще толком не рассвело, по крайней мере, в моем доме царили пыльные синие сумерки. А во-вторых, меня разбудил Шурф Лонли-Локли.

Нет, он, хвала Магистрам, не пришел ко мне в спальню и не уселся на край кровати. И не стал учить меня, как следует застилать постель, за что ему, конечно, большое человеческое спасибо. Сэр Шурф просто прислал мне зов. Но этого было вполне достаточно, чтобы признать утро неудавшимся.

Я всю жизнь люто ненавидел будильники и, надо сказать, был к ним несправедлив. Мне просто было не с чем сравнивать. Теперь я охотно соглашусь ежеутренне выслушивать целый хор визгливых механизмов, если за это мне твердо пообещают, что в моем беззащитном, размякшем ото сна сознании больше никогда не зазвучит этот очень тихий, очень спокойный, невыносимый, наизнанку выворачивающий *внутренний голос*.

Говорил он, конечно, очень вежливо. Но кому от этого легче.

«Сэр Мелифаро, в первую очередь я должен попросить прощения за бестактность. Мы с вами не настолько давно знакомы, чтобы я имел моральное право разбудить вас Безмолвной речью. Однако ситуация такова, что в ближайшее время я собираюсь лечь спать и, соответственно, не смогу поговорить с вами позже».

Я взвыл в голос от досады. Лечь спать он, видите ли, собирается. Следовательно, сам прекрасно понимает, что сейчас скорее еще ночь, чем уже утро. И какого рожна?!

Однако я взял себя в руки и вежливо ответил:

«Ничего страшного. Я вас очень внимательно слушаю».

Пусть не воображает, будто меня так уж легко выбить из колеи. Эту неприятную правду о себе я буду знать в одиночку.

«Как правило, я не позволяю себе вмешиваться в чужие дела и давать советы. Однако в данном случае мне показалось, что наши старшие коллеги совершили оплошность, не сообщив вам информацию, которая известна всем сотрудникам Тайного Сыска, кроме вас. Я прямо спросил сэра Джуффина, следует ли вам и впредь оставаться в неведении по каким-то неизвестным мне причинам или же...»

Он говорил, говорил, говорил. Предельно корректно, очень обстоятельно. Еще несколько минут такой беседы, и меня можно было бы увозить в Приют Безумных. Вероятно, я бы до сих пор там сидел: Кристаллы Забвения штука хорошая, однако помогают далеко не во всех случаях. Но тут он наконец перешел к делу.

«Решение сэра Джуффина звучало так: если считаешь нужным, расскажи ему сам. Поскольку я действительно считаю информацию совершенно необходимой, рассказываю. Когда вы захотите обратиться за сведениями к старшине городских нищих — а я не сомневаюсь, что эта идея рано или поздно непременно вас посетила бы, — вам следует иметь в виду, что Коба работает на Тайный Сыск. Неофициально, само собой. За помощь можете заплатить ему по своему усмотрению, но не меньше одной короны Соединенного Королевства, таков уговор. И разумеется, истраченная сумма будет возмещена вам из казны — в конце года или в любой другой момент, по вашему требованию. Теперь вы знаете все, что вам необходимо. Я же, в свою очередь, искренне сожалею, что позволил себе побеспокоить вас ради пустякового, в сущности, дела. Если пожелаете, могу принести извинения в письменном виде, по всей форме».

«А знаете что? Давайте в письменном виде, действительно».

Уж насколько я был злой, невыспавшийся и совершенно выпотрошенный нашим Безмолвным диалогом, а все равно сообразил, что это мой единственный шанс начинать и заканчивать каждый день с чтения официального документа, повествующего о глубоком раскаянии сэра Шурфа Лонли-Локли, причинившего мне тяжелый моральный ущерб. Возможно, тогда я смогу даже получать некоторое удовольствие от наших ежедневных встреч в Доме у Моста.

«Да, я так и подумал, что вам будет приятно получить подобную бумагу, — сказал этот невыносимый человек. — Рад, что не ошибся. Хорошего утра, сэр Мелифаро».

И, надо полагать, отправился спать. Я же еще полчаса поворочался с боку на бок, понял, что заснуть уже не получится, и громко, с наслаждением выкрикивая непристойные проклятия в адрес своего коллеги, отправился в ванную. Одно из ругательств по досадному

совпадению оказалось малоизвестным испепеляющим заклинанием — счастье еще, что, произнося его, я как раз усталился на воду в бассейне. Вода закипела и почти мгновенно испарилась. Это происшествие меня несколько отрезвило, по крайней мере, купаясь, я бурчал под нос вполне безобидные шедевры студенческой брани, пока не надоело.

И только за завтраком я решился посмотреть правде в глаза. Дело было вовсе не в том, что меня слишком рано разбудили. И даже не в кошмарной манере Лонли-Локли вести Безмолвный диалог. А в том, что я оказался гораздо глупее, чем он думал. Я не только не планировал обращаться за помощью к старшине городских нищих, а вообще не подозревал о существовании такого человека, будь он трижды неладен. То есть оказался куда менее компетентен и сообразителен, чем предполагал великодушный сэр Шурф. Грешные Магистры, стыдно-то как.

А вот не пойду ни к какому Кобе, решил я. На кой он мне сдался? И что он может знать? Щедра ли бывает леди Гетти после удачного рейса? И в каком кабаке обычно гуляет ее команда? У меня, между прочим, в порту друг на таможне работает, вот кого расспрашивать надо. А вы, господа коллеги, можете и впредь довольствоваться бреднями старшины нищих — за неимением лучшего.

Сейчас, задним числом, могу сказать только одно: слишком ранняя побудка никому не на пользу. А мне — особенно.

«Друг» — это, конечно, громко сказано. Нули Кариф закончил учебу в Королевской Высокой Школе примерно через год после того, как я туда поступил. Наши отношения, строго говоря, и на приятельские-то не тянули — выпивали пару раз в одной большой компании, с тех пор узнавали друг друга и здоровались при встрече — это всё. Однако нрав у нынешнего начальника Королевской таможенной службы всегда был открытый и дружелюбный. Я даже не знаю, какой занудной сволочью надо быть, чтобы он после долгих сомнений с сожалением вычеркнул вас из списка знакомых, с которыми приятно поболтать за кружкой камры.

В ту пору Нули начальником таможни еще не был, однако уже успел выбиться из рядовых служащих в эксперты. Это такие счастливчики, которые целыми днями пьют конфискованные за неуплату пошлины заморские напитки разной степени крепости и ждут, когда их попросят лично подняться на какой-нибудь подозрительный корабль и прикинуть, где там может быть спрятан контрабандный груз. Или поглядеть на очередную удивительную штуку непонятного назначения и на глаз определить, не является ли она пробкой, извлеченной из задницы беглого Великого

Магистра какого-нибудь особо лютого Ордена, или, скажем, священной погремушкой одного из шиншийских принцев. Подобные предметы наши осторожные власти предпочитают конфисковать и спрятать сразу, не дожидаясь, пока они начнут оживать по ночам и пить кровь своего нового владельца. Это, в общем, правильно. В наших краях, то есть в непосредственной близости от Сердца Мира, самый безобидный чужеземный амулет может внезапно стать смертоносным оружием или, напротив, источником неземного блаженства, причем предсказать вектор его трансформации заранее даже сэр Джуффин Халли может далеко не всегда, а уж он на этом деле не то что собаку — арварохского хуба съел.

Короче, Нули Кариф уже тогда был в порту большой шишкой, к тому же имел кучу свободного времени, и я не сомневался, что он с удовольствием мне поможет, еще и спасибо скажет, что развлек.

Памятуя о длинном языке Нули, я наврал ему с три короба — дескать, появились сведения, что один из матросов леди Гетти вполне может оказаться хорошо замаскировавшимся Младшим Магистром Ордена Решеток и Зеркал; есть подозрение, что в промежутках между рейсами парень сводит счеты с разными старинными врагами, а потому мне позарез требуется расписание всех рейсов «Айсы», скажем, за последние пять лет. Чтобы сверить даты — вполне возможно, мы взяли ложный след, и чем раньше я узнаю об этом, тем лучше.

Потом мы два часа пили. Сперва ужасающую камру из ближайшего портового кабака, потом совсем уж чудовищные заморские помои, которые по какой-то неизвестной причине тоже назывались камрой, потом — невыносимо сладкую куманскую медовую наливку, зато в финале — восхитительное умпонское вино, которое, пока остается в бутылке, имеет густой темно-рубиновый цвет, зато, попав в стакан, зеленеет на глазах изумленного дегустатора.

Нули при этом говорил не останавливаясь. В основном рассказывал о том, как идут дела совершенно незнакомых мне купцов, капитанов и таможенников. Но время от времени все же любезно отвечал на мои вопросы.

Ничего интересного я, однако, не узнал. Свою информацию Нули почерпнул из документов, согласно которым шикка «Айса» благополучно покинула речной порт столицы Соединенного Королевства еще два дня назад, порт назначения — Капутта^[19], цель поездки — закупка сырья для благовоний, все как всегда.

На фоне столь вопиющего вранья сведения о предыдущих рейсах «Айсы» тоже выглядели не слишком достоверно. Ясно было одно: когда

леди Гетти на самом деле уходила в Куманский Халифат и когда оттуда возвращалась — дело темное, выяснить это никакие документы не помогут. Поэтому из здания таможни я вышел не только с отяжелевшей головой, но и, можно сказать, с разбитым сердцем. Нашел, называется, источник информации. Ай молодец.

Что делать с разбитым сердцем, я пока не понимал. Зато знал отличный способ быстро привести в порядок голову — искупаться. Благо вода в Хуроне пока довольно холодная — именно то, что надо.

Чего, по мнению моей мамы, совершенно точно не следует делать благоразумному человеку — это купаться на территории речного порта столицы Соединенного Королевства. Дескать, и вода там грязнее, чем в других местах, и мешок с грузом на голову в любой момент свалиться может, и одежду сопрут, пока ее владелец изящно лавирует между грузовыми причалами и рыбацкими лодками. Последний аргумент кажется мне вполне разумным, поэтому, прежде чем искупаться в порту, я всегда нахожу какого-нибудь оборванца, вручаю ему монету и прошу посторожить мой костюм, пообещав, что в случае пропажи из-под земли его достану, зато, если все закончится хорошо, к первой монете прибавится вторая, покрупнее. К счастью, я с детства выгляжу как типичный драчун и пройдоха, каких еще поискать, поэтому удрать с моим лоохи пока никто не пытался.

Вот и сейчас, осознав, что привести меня в чувство может только купание, я нашел первого попавшегося нищего, скучавшего без подаваний на пустом причале, сунул ему пару горстей и пообещал солидную прибавку. Тот флегматично пожал плечами — дескать, валяй. Я разделся и прыгнул в воду. Задохнулся от обжигающего холода, камнем пошел ко дну, стремительно вынырнул на поверхность и торжествующе рассмеялся — вот теперь все хорошо. Я снова стал обладателем ясной, светлой, сообразительной, очень качественной головы, которая была у меня от рождения, а нынче с утра куда-то запропастилась.

Чем, кроме всего, хороша одежда из дорогой ткани — такую можно надевать на мокрое тело, не опасаясь, что она полиняет, помнется или, чего доброго, покроется неопрятными пятнами. Поэтому мне не пришлось прыгать голышом на причале. Вылез, отряхнулся и сразу оделся. Высыпал в пригоршню оборванца всю мелочь, какая нашлась в предназначенном для нее кармане, — думаю, там полкороны набралось или около того. Спросил, стараясь говорить дружелюбно и одновременно строго, чтобы не пришла охота обвести меня вокруг пальца или вовсе послать к Темным Магистрам.

— А не подскажешь ли заодно, как отыскать старшину нищих, господина Кобу?

Потому что злиться на Лонли-Локли я, конечно, мог сколько угодно. И призывать на его голову все известные мне проклятия — хорошее, доброе дело. Но если завтра он, к примеру, пожелает мне долгой жизни, вряд ли имеет смысл тут же бежать топиться в Хуроне, чтобы ему насолить. А пренебрегать советами и вовсе глупо. Хорош бы я сейчас был после плодотворной беседы с Нули Карифом без его подсказки.

Оборванец меж тем не спешил отвечать на вопрос. Вместо этого он с интересом меня разглядывал.

— Ну да, — сказал он наконец, скорее сам себе, чем мне. — Новенький из Тайного Сыска. Внук Магистра Фило. И как я сразу не узнал?

Теперь настал мой черед пялиться на собеседника. Ну то есть мой беглый дед действительно знаменитость, все люди в возрасте его помнят, в том числе портовые нищие, на их долю тоже хватило зрелищ в Смутные времена. Но что эта братия и меня в лицо знает, да еще и следит за кадровыми перестановками в Тайном Сыске — это для меня была новость.

У оборванца были ярко-красные глаза — причем видно, что не с перепоя, а родной, естественный, так сказать, цвет. Из-под капюшона рваного шимарского лоохи выбивались белоснежные космы. Надо же — альбинос. Никогда в жизни таких не видел, говорят, они только в Уандуке изредка рождаются; впрочем, кто их разберет. Удивительно, что я все это сразу не заметил. Видимо, в глубине души считал портовых нищих существами настолько незначительными, что их и разглядывать-то не стоит.

Вот и запомни на будущее, сердито сказал я себе. Вполне может случиться, что рано или поздно какой-нибудь мятежный Магистр переоденется нищим, и хорош ты будешь, когда дюжину раз пройдешь мимо него, ничего не заподозрив.

Потом моя свежобретенная умная голова сложила два и два — неожиданную осведомленность оборванца, его внезапный интерес ко мне, экзотическую внешность и необычные для нищего манеры. И немедленно озвучила вывод, который порядком удивил меня самого:

— Так ты, что ли, и есть Коба?

— Такой уж у тебя удачный день, — кивнул красноглазый. — Садись рядом, выкладывай, зачем я тебе понадобился.

Я по сей день благодарен Кобе за наше знакомство. До встречи с ним я полагал себя человеком, презирающим общественные условности, готовым

быть на дружеской ноге с любым встречным, вне зависимости от его происхождения и достатка, и одновременно высокомерно пренебрегал возможностью заглянуть в лицо человеку, которому поручил стеречь собственную одежду, — на кой мне сдалась рожа этого оборванца. А в тот день понял две важные вещи: во-первых, я сноб, каких еще поискать, а во-вторых, имея дело с незнакомцами, больше никогда не стану полагаться на заранее составленное мнение, потому что только живое впечатление имеет значение и смысл.

А тогда я просто предельно кратко изложил свою просьбу. Дескать, согласно официальным документам, шикка «Айса» покинула порт позавчера утром. А поскольку я своими глазами видел капитана в городе несколькими часами позже, надо бы выяснить, где упомянутая шикка находится на самом деле. И если кто-нибудь из Кобиных людей случайно что-то видел...

На этом месте красноглазый Коба оглушительно захохотал. Я не рассердился — кто их знает, этих нищих, в каких случаях у них принято перебивать собеседника? Может быть, они считают, будто смех выражает одобрение и удовольствие, и ржут, не дав договорить, из вежливости? Поэтому я просто умолк и принялся ждать, когда он успокоится.

— Эй, — сказал наконец Коба, — да ты, как я погляжу, парень не промах! До тебя никому из Тайного Сыска не приходило в голову найти подработку на стороне. Отличная идея: бегаешь вроде бы по государственным делам, а заодно для обманутых мужей интересную информацию собираешь. Сэр Йох давно мог бы озолотиться, если бы захотел.

С одной стороны, его предположение звучало так оскорбительно, что в другое время и в другом месте я бы не задумываясь врезал ему как следует. С другой стороны, это была настолько разумная и логичная версия, что и мне самому пришло бы в голову что-то в таком роде — будь я сейчас слушателем, который видит рассказчика впервые в жизни и, соответственно, понятия не имеет, что для того приемлемо, а что нет.

Я не стал тратить время на изложение своих этических принципов. Некогда, да и плевать, что думает обо мне какой-то портовый нищий. Лишь бы информацией помог, если она у него есть. Поэтому я просто равнодушно отмахнулся.

— Недосуг мне обманутых мужей обслуживать. И до приключений леди Гетти нет никакого дела. Меня интересует только груз, за которым она должна была отправиться. Если «Айса» не ушла в Куманский Халифат,

надо выяснить, где леди возьмет товар, — она же сырье для Королевского парфюмера возит, а не любовные зелья для продажи на Сумеречном рынке.

Моя откровенность была вознаграждена. Красноглазый хлопнул себя ладонью по лбу и с досадой воскликнул:

— Грешные Магистры, а вот это я упустил из виду!

Ничего удивительного, подумал я. Не твоего ума это дело.

Но вслух ничего не сказал.

— А ты шустрый, сэр Мелифаро, — похвалил меня старшина нищих. — Соображаешь. Тогда слушай, что я тебе скажу. Где берет свой товар леди Гетти Ейхелли, врать не буду, не знаю. Но с осени прошлого года — не в Куманском Халифате, это точно.

— С осени прошлого года?

Я сперва ушам своим не поверил.

— Тогда она впервые спрятала свою «Айсу». Да так, что захочешь, а не найдешь. В доках не прячет, а то бы уже давно разговоры пошли, тут народ дотошный, все примечает. Она как-то хитро все устраивает: вроде есть корабль, стоит на якоре где-то чуть ниже по течению, а никто его не замечает. Я сам немного поискал из любопытства — не нашел. Мне рассказывали, что леди Гетти помогал человек из Семилистника, но своими глазами я его не видел, врать не стану. Может, и правда кто-то из Семилистника, а может, просто одежду похожую надел. Но что помощник у нее есть, не сомневаюсь. Гетти сама не справилась бы. Капитан она — один из лучших, а ведьма совсем никудышная.

Я подумал, что вряд ли старшине нищих следует брать на себя смелость выставлять оценки капитанам и колдунам. Но вслух сказал совсем другое:

— Это, получается, сколько рейсов она уже прогуляла? Два, три?

— Этот будет третий, если не передумает.

— И никто ничего не заметил?

— Ну почему же — никто? Я заметил. Вернее, мои люди, но это одно и то же. Велел им помалкивать: красивые леди имеют право время от времени пускаться во все тяжкие, уж кто-кто, а я им в этом препятствовать не стану. И сейчас ты ни слова, ни намек от меня не дождался бы, если бы не напомнил, что у нее за груз. На Королевских похоронах, говорят, очень неплохо подают, а все же пусть лучше молодой Гуриг остается в здравии. Он неплохой Король, а со временем станет еще лучше.

Ну, хвала Магистрам, подумал я. Король его вполне устраивает. Можно, значит, спать спокойно.

— А команда? — спросил я. — Как же ее команда?

— А что им сделается? Сидят тихо, на берег носа не высовывают. Думаю, леди Гетти платит им за безделье вдвое, а то и втрое больше обычного, чтобы язык за зубами держали. Да они и так за нее в огонь и в воду. На шикке команда всегда во всем согласна с капитаном, иначе не бывает.

Анчифа, кстати, то же самое в свое время мне говорил. Дескать, на других кораблях всякое случается, а на шикке моряк, если не предан капитану всей душой, долго не задержится. Сам уйдет на первой же стоянке, а то и вовсе сгинет без следа, вчера был человек, а нынче нет его, и куда он подевался, лучше не задумываться.

— Что касается куманских благовоний, за которыми леди Гетти якобы ходит в Каиутту, — говорил Коба, — мне пока ясно только одно: их откуда-то ей привозят. Причем не по воде, по суше. А потом «Айса» возвращается в порт, леди Гетти как ни в чем не бывало платит пошлину на таможне, ее матросы щедро раздают милостыню, будто и правда вернулись из опасного рейса, все довольны, и я не в накладе... Не надо было ей выходить замуж за Кеттораму Ачуани, — неожиданно заключил Коба. — Я всегда это говорил.

Ну надо же какая дальновидность.

— Твои люди смогут показать место, где стоит ее шикка? — спросил я.

— Вряд ли. Память у них короткая. Мало кто из моих ребят сможет связно доложить тебе, где вчера заснул, хотя есть, конечно, и среди них таланты. А вот я, пожалуй, покажу. Но не сейчас, а когда стемнеет. Команда-то на борту. Не стоит людей раньше времени будоражить.

Я все взвесил и решил, что красноглазый прав. Вечером так вечером. И если по уму, показывать шикку надо не мне, а кому-нибудь из старших коллег. Если уж она действительно заколдована, вряд ли я вот так сразу разберусь, что к чему.

— Хорошо, — сказал я. — Когда стемнеет. Не знаю пока, кто этим делом теперь займется. Но тебе же все равно, да?

— Абсолютно все равно, — ухмыльнулся Коба. — Лишь бы за работу заплатили. Я — человек бедный, а в казне денег много. Только потому и жив до сих пор, что в Тайном Сыске работают добрые люди.

Вовремя он напомнил.

Я полез в потайной карман за деньгами, решил — отдам все, сколько найдется. Неприятный тип этот Коба, но, похоже, с ним надо быть в хороших отношениях. Могу себе представить, сколько он обо всех знает.

При себе у меня оказалось не так уж много — всего две с половиной короны. Я пересыпал деньги в протянутую ладонь, на всякий случай спросил:

— Этого хватит?

— Мне сколько ни дай, всегда будет мало, — ухмыльнулся красноглазый. — Но договор не нарушен, а это уже кое-что.

Я хотел было спросить, что за договор такой, и тут вспомнил — Лонли-Локли с утра что-то такое говорил о деньгах. Дескать, нельзя давать Кобе меньше короны.

Однако неплохо устроился этот нищий, подумал я. В студенческие годы мне самому не раз приходилось растягивать одну корону на две-три дюжины дней — и ведь не сказать, что так уж бедствовал, даже на выпивку хватало. Дрянную, а все-таки.

Расставшись с Кобой, я долго думал. Секунд пять, не меньше. Наконец принял решение и послал зов сэру Джуффину.

«Самая главная новость: с конца прошлого года Королевский парфюмер получает сырье неизвестно откуда, но точно не из Куманского Халифата. Все остальное могу тоже рассказать прямо сейчас, но мне кажется, если я приеду в Дом у Моста, а вы тем временем позовете сэра Кофу, будет больше толку».

«Как скажешь, — неожиданно легко согласился шеф. И невинно уточнил: — А сэра Шурфа ты на совещании видеть не желаешь?»

«Просто не хочу отвлекать его от дел, — нашелся я. — Все равно убивать пока еще никого не надо».

«Если не надо, он и не станет, — пообещал сэр Джуффин. — Когда тебя ждать в Доме у Моста?»

«Я еще в порту. Но за полчаса, надеюсь, доеду».

Обычно в таких случаях сэр Джуффин ехидно говорит: «Ну, хвала Магистрам, что не через год» — и пускается в лирические рассуждения о старых добрых временах, когда чуть ли не любой младенец мог явиться к своей няньке Темным Путем. Врет, конечно, мастеров Темного Пути никогда слишком много не было. А все равно обидно слушать.

Но на сей раз обошлось без упреков, шеф сказал: «Хорошо» — и исчез из моего сознания. Я даже забеспокоился — не захворал ли?

Захворает такой, как же.

Когда я приехал в Дом у Моста, в кабинете сэра Джуффина в гордом одиночестве сидел Лонли-Локли. Пренебрег креслами, устроился на единственном жестком стуле, кормил печеньем буривуха и что-то ему шепотом рассказывал. Выражение лица у Мастера Пресекающего Ненужные Жизни при этом было почти человеческое.

Может ведь, когда хочет.

Но тут Лонли-Локли поднял глаза на меня, и его физиономия немедленно превратилась в обычную постную высокомерную маску.

— Очень хорошо, что вы пришли, сэр Мелифаро, — церемонно сказал он. — Я как раз воспользовался паузой в делах и подготовил документ, который обещал передать в ваше распоряжение. Рад, что мне не придется носить его при себе.

Я сперва не понял — какой еще, дырку над ним в небе, документ? И только получив в руки — не какую-нибудь самопишущую табличку, а лист драгоценной заморской бумаги ручной работы, — вспомнил наш утренний разговор. Извинения в письменном виде, как же. Гляди-ка, действительно написал.

— Спасибо, — вежливо сказал я. — В свою очередь должен поблагодарить вас за совет обратиться к Кобе. Я бы не догадался с ним встретиться, хотя бы потому, что до сегодняшнего дня не знал о его существовании.

Чем особенно ужасен Шурф Лонли-Локли — в его присутствии у меня слишком часто возникает желание вести себя безупречно. Быть предельно честным, спокойным и выдержанным — просто ему назло, чтобы не думал, будто он один такой, и не задавался. Меж тем ему, похоже, именно того и надо — чтобы все вокруг старались быть безупречными. И получается, вместо того чтобы разозлить этого типа, ты невольно исполняешь его самое заветное желание. Вроде бы понимаешь, что надо срочно начинать вести себя как можно хуже, но трудно вот так сразу перестроиться. На моей памяти только присутствующему здесь сэру Максуду удавалось регулярно выводить Шурфа Лонли-Локли из себя, порой по несколько раз на дню, причем походя, между делом, совершенно не желая такого результата. Гений — он и есть гений, куда уж нам всем.

А тогда Лонли-Локли остановил мои излияния одним вежливо-равнодушным кивком. Как будто это обычное дело для человека — честно признаваться в собственной несообразительности и некомпетентности, словно все вокруг только этим и заняты, один я до сих пор отлынивал, а теперь исправился, и все наконец-то в порядке.

— Предваряя ваш возможный вопрос, скажу, что благодарность в письменном виде мне не нужна, — сказал он. — Устной было вполне достаточно.

Я сел в кресло, налил себе камры и принялся строить планы жестокой расправы над этим чудовищем, фантастические все как один, но оттого не менее приятные. Когда я мысленно замуровывал сэра Шурфа в стену

музыкального класса деревенской начальной школы, в кабинет ворвался господин Почтеннейший Начальник, сияющий и возбужденный, как оперный певец перед концертом. За ним следовал сэр Кофа Йох, хмурый, как зимнее небо над Гугландом.

— Значит, так, сэр Мелифаро, — шеф говорил настолько быстро, что я едва разбирал. — Короля мы с тобой, похоже, спасли. От чего именно — пока не знаю, может, от сущей ерунды вроде приворотного зелья. Но спасли, это точно. Сэр Абилат Парас клятвенно меня заверил, что с Его Величеством все будет хорошо. Собственно, Король и так в полном порядке, превосходно себя чувствует и даже ни в кого не влюблен. Однако чем-то его понемногу травили, это факт. Чем именно — это мы рано или поздно выясним, никуда не денемся.

— Ну ничего себе, — выдохнул я. А что тут еще скажешь.

— Сэр Шурф, есть срочная работа. Специально для тебя, больше никто не справится.

Лонли-Локли соизволил вопросительно приподнять бровь. А я подумал: ну надо же, пока я из порта ехал, шеф уже понял, кого надо убивать. Вот это скорость!

— Нужно очень быстро собрать сведения обо всех отравках, которые добавляют в духи и благовония. Не в еду, не в питье, а... В общем, ты понял. По этому случаю леди Сотофа проведет тебя в библиотеку Иафаха. Отправляйся к ней немедленно.

— Спасибо, — сказал Лонли-Локли, встал со стула, сделал шаг по направлению к двери и исчез.

Я озадаченно смотрел ему вслед, вернее, на то место, где он только что стоял. Не потому что Лонли-Локли ушел Темным Путем — я уже много раз видел, как он это делает. Гораздо больше меня удивило полученное им задание. Получается, наш профессиональный убийца в Перчатках Смерти будет книжки читать, пока мы тут за злодеями гоняемся?

— Я мог бы сказать тебе, что сэр Шурф, помимо прочего, один из самых образованных людей нашего времени, — заметил шеф. — Но это будет неправда. Потому что на сегодняшний день он не «один из», а абсолютно вне конкуренции — если, конечно, мы говорим об академическом, книжном знании. А именно о нем сейчас речь. Словом, в работе с письменными источниками ему нет равных... погоди, сэр Мелифаро, а ты что, всерьез думал, будто его работа — только задерживать преступников и убивать тех, для кого мне места в Холоми жалко?

Я пожал плечами. Дескать, сами знаете, именно так я и думал. Поэтому давайте наконец поговорим о деле.

Сэр Кофа словно мысли мои читал.

— Давайте наконец поговорим о деле, — хмуро сказал он. — Мне бы сейчас не в кабинете сидеть надо, а на Сумеречном рынке информацию собирать.

— А агенты вам на что?

— Агенты уже работают. Но есть люди, которые будут говорить только со мной. И другие люди, которые будут говорить с кем угодно, но правду расскажут только мне. И так далее.

— Резонно. Тогда, сэр Мелифаро, выкладывай все, что успел узнать. А потом отпустим Кофу и будем думать.

Я пересказал им свой разговор с красноглазым Кобой, стараясь не упустить ни единой детали, — я же не знаю, что может оказаться важным, а что пустяки. Сэр Кофа внимательно меня выслушал, кивнул и, не прощаясь, вышел.

— Таким сердитым я его не видел с тех пор, как он меня ловил, — заметил Джуффин.

Я подумал, что Кофу можно понять. Отмахнулся от нас вчера ночью, дескать, некогда ерундой заниматься, а оно вон как повернулось. Я бы на его месте тоже сердился.

— Ты мне вот что скажи, сэр Мелифаро. — Шеф ритмично барабанил пальцами по столу. — Ты какой-нибудь предлог снова зайти в гости к моему приятелю Хамбаре Гаттону отыщешь? Я имею в виду, заявиться к нему без моей рекомендации и даже без предупреждения.

— Проще простого. Он же мне свистящую монетку из своей коллекции одолжил. И просил поскорее вернуть. Могу соврать, что уже собрал все кельди...

— А ты еще их не собрал? — притворно ужаснулся сэр Джуффин. — С Королем кельдей в кармане и полным списком адресов? Поразительно.

Я адресовал ему негодующий взгляд. Сам же знает, что у меня всего полдня было, а потом появился этот дурацкий призрак, и все завертелось.

— Вернуть монету — это в любом случае отличный повод для визита, — смягчился шеф. — Значит, решено.

— А что я должен там сделать?

— Сперва скажи, что ты сам по этому поводу думаешь. А я потом внесу коррективы, если понадобится.

— У меня слишком мало информации, — заметил я. — Планировать, ничего не зная о человеке, с которым предстоит иметь дело, — зря время терять.

Но шеф неожиданно заупряился:

— У тебя действительно немного информации. Но того, что есть, вполне достаточно, чтобы сделать правильные выводы о том, кто такой Хамбара Гаттон.

— Судя по тому, что я видел, он милейший чудак, занятый приятнейшей чепухой. Но если вспомнить, что Хамбара Гаттон ваш старый должник, следует, вероятно, сделать вывод, что в прошлом он могущественный колдун, возможно, вообще Великий Магистр какого-нибудь мятежного Ордена...

— Логично, — согласился сэр Джуффин. — Не Великий, конечно, но Старший Магистр Ордена Решеток и Зеркал. Интересный был Орден, и люди там собрались все больше непростые. Самое поразительное, что об этом как-то понемногу подзабыл я сам... Продолжай, сэр Мелифаро. Пока все очень хорошо.

— А судя по тому, что я узнал сегодня, он замешан в какую-то скверную историю. Леди Гетти гостит у него, вместо того чтобы ехать в Куманский Халифат. Даже если она, вопреки моим предположениям, не проводит в доме Хамбары Гаттона все время, он в курсе ее дел — это факт. И вполне возможно, именно он поставляет ей сырье для благовоний, хотя это, конечно, еще надо проверить. А еще лучше — просто допросить обоих, как вы это умеете. Вам, как я понимаю, никто врать не станет.

— Это понятно, — отмахнулся Джуффин. — Но представляешь, как будет обидно, если эти двое не знают ничего интересного? А тот, кто знает, пронюхав о моей с ними беседе, быстренько сбежит на край света. Для того, кто владеет искусством Темного Пути, тот же Куманский Халифат находится всего в трех шагах. Как, впрочем, и любое другое место.

— А Лонли-Локли еще даже не начинал меня этому учить, — наябедничал я. — Говорит, рано.

— Очень жаль. Сочувствую вам обоим. Но если сэр Шурф говорит, что рано, значит, действительно рано, — развел руками шеф. — С ним в этом вопросе даже я спорить не стану. И тебе не советую.

— Ладно, не буду спорить. Хотите как можно дольше держать на службе бесполезного болвана, не обученного ходить Темным Путем, — валяйте. Ни в чем себе не отказывайте. А что касается сэра Хамбары Гаттона, я бы с большим удовольствием пробрался в его дом и подождал, пока он куда-нибудь уйдет или просто ляжет спать. И попробовал бы посмотреть, что там происходит, — комнат-то много, кучу народу спрятать можно, а не одну только леди Гетти, с которой я, честно говоря, совсем не прочь по-дружески поболтать. Не как Тайный Сыщик, а как младший брат бывшего возлюбленного. Мало ли что в таком разговоре всплывет. Но для

этого надо с ней встретиться, а я не думаю, что леди Гетти предстает перед гостями Хамбары Гаттона в роли хозяйки дома... Короче говоря, что бы мне сейчас действительно не помешало — так это способность становиться невидимым. Но я этого не умею. И вообще почти ничего.

Последнюю фразу я произнес с удивившим меня самого отчаянием. До сего дня я был вполне доволен собой в целом и тем, как протекает мое обучение магии в частности. А тут вдруг почувствовал себя таким неумелым и беспомощным, что тошно стало.

Сэр Джуффин сочувственно покачал головой:

— Ну да, тебе с нами нелегко. Мы все тут знаем и умеем настолько больше, чем ты, что даже сравнивать глупо. Но ты имей в виду, сэр Мелифаро, у нас просто было время всему этому научиться. В этом все дело. Лично я в твои годы был тот еще болван. И учился, к слову сказать, гораздо медленнее, но, как видишь, ничего, выучился. Про Кофу говорить не буду, захочет — сам расскажет как-нибудь. Зато о том, что представлял собой в твоём возрасте сэр Шурф, повествуют не только немногочисленные учебники истории — между нами говоря, довольно скверно написанные, — но и страшные сказки о Безумном Рыбнике, которыми обыватели по сей день пугают непослушных детей.

— По крайней мере, знал и умел он в ту пору гораздо больше, чем я сейчас, — мрачно заметил я.

— Ну да. Зато соображал гораздо хуже. А что касается умений... Время, видишь ли, было такое, тогда даже послушники самого захудалого Ордена умели больше, чем ты, просто потому, что их учили с младенчества. Ничего, за дюжину-другую лет ты их догонишь и перегонишь, благо схватываешь на лету, вон даже сэр Шурф говорит — дескать, никогда не думал, что учить человека магии практически с нуля так легко. Но я-то знаю, это ему просто с тобой повезло.

Ну надо же, подумал я. Это, получается, он меня хвалит? А вслух сказал:

— Все равно, к Хамбаре Гаттону надо идти прямо сейчас. А становиться невидимым я еще не умею.

— Это вообще мало кто умеет, — отмахнулся сэр Джуффин. — И именно поэтому твоему горю легко помочь. Лучшие умы человечества, по какой-то загадочной причине обитающие в Шиншийском Халифате, давным-давно изобрели соответствующую пилюлю. Большая редкость, на Сумеречном рынке их днем с огнем не найдешь, но я запасливый. Действует зелье, правда, недолго — не больше часа, да и то если принять его на голодный желудок. Ты, кстати, давно жрал?

— Рано утром позавтракал, и вроде всё. Правда, выпил потом с Нули Карифом. И еще тут — камру.

— Но ничего не ел? Отлично, тогда, считай, примерно час у тебя есть. А ты шустрый. И искать в доме Хамбары надо не кельди, что, по идее, должно тебя радовать. Все что угодно, только не кельди!

— Вот как раз кельдей там точно полным-полно. И найти их легче легкого, — вздохнул я. — Сам складывать помогал.

— Единственный серьезный недостаток пилули — запах она не устраняет, — сказал шеф. — А у опытных колдунов нюх такой, что зверям лесным не снилось. Поэтому я и хочу, чтобы ты сперва заявился в дом с официальным визитом. Тогда твой запах Хамбару не насторожит...

Он еще что-то говорил, но я уже не слушал, потому что в моем сознании произошла очередная катастрофа. В смысле, Шурф Лонли-Локли снова прислал мне зов. Это было не так ужасно, как утром, но все равно ничего хорошего.

«Я вот что подумал, — сказал он. — Вы наверняка этого не знаете, и сэр Джуффин тоже мог забыть, а сэру Кофе сейчас и вовсе не до того. Однако сегодня новолуние».

Потрясающая новость. Именно то, что мне сейчас жизненно необходимо было узнать.

«Каждое новолуние в трактире „Трехрогая луна“ проходят поэтические чтения, — продолжил сэр Шурф. — Это довольно новая традиция. Первое выступление поэтов в „Трехрогой луне“ состоялось всего четыре с половиной года назад».

«Большое спасибо, — вежливо ответил я. — Увы, сегодня я немного занят и при всем желании не смогу посетить это интересное мероприятие».

«Совершенно верно, вы не сможете. Зато сэр Хамбара Гаттон пока не пропустил ни одного поэтического вечера. И я не удивлюсь, если он и сегодня туда отправится».

А вот это была хорошая новость. Настолько хорошая, что я был готов отказаться от идеи когда-нибудь замуровать этого умника в школьной стене.

«Буду рад, если моя информация принесет какую-то пользу делу», — церемонно заключил Лонли-Локли и наконец-то исчез из моего сознания. Разлука с ним стала для меня источником неопишуемого блаженства.

— Мне прислал зов Лонли-Локли, — сказал я шефу. — Говорит, сегодня какая-то поэтическая вечеринка, а Хамбара Гаттон...

— Ну точно! — воскликнул Джуффин. — Новолуние же. А значит, чтения в «Трехрогой луне». Молодец сэр Шурф. А мы ротозеи.

— А кстати, он-то откуда знает? Он, что ли... — И я умолк, глубоко

потрясенный собственной версией.

— Нет-нет, можешь не делать такие глаза, сэр Шурф не поэт. Только знаток поэзии. Чрезвычайно авторитетный в среде специалистов, которых нынче, увы, едва ли дюжина наберется — почти все мало-мальски стоящие эксперты в Холоми или в изгнании... Для тебя, впрочем, сейчас важно другое. Чтения в «Трехрогой луне» начинаются сразу после заката. Ехать туда Хамбара будет почти час. Этим и руководствуйся в своих расчетах. Кстати, пилюлю все равно возьми. Хамбара вполне может вернуться с полдороги. Чутье у него очень неплохое... И смотри, с леди Гетти особо не откровенничай. Чем меньше ты ей расскажешь, тем лучше.

Я кивнул.

— Скажу, портовые нищие что-то видели, теперь болтают, будто ее шикка не ушла в Уандук, а спрятана в порту. Проверять слухи вроде пока никто не собирается, но я-то знаю, что это правда, видел, как она в дом заходила, вот и решил предупредить, по старой дружбе.

— Сойдет. Можешь пока проветриться, — предложил шеф. — Прогуляться, дух перевести. Только жрать не вздумай. И вообще в трактиры не заходи. Неровен час, наткнешься на Обжору-хохотуна, и считай, нет у тебя никакой пилюли.

— Грешные Магистры, на нас же еще и призрак этот висит, — вздохнул я.

— Тоже мне проблема, — отмахнулся Джуффин. — Не вижу никакой беды, если он еще несколько дней повеселится, пока мы заняты.

И развалился в кресле, всем своим видом выражая намерение задремать, как только за мной закроется дверь. Это выглядело, прямо скажем, странно. До сих пор у нас по куда менее важным поводам поднималась такая кутерьма, что вспомнить страшно. И господин Почтеннейший Начальник непременно помещался в самом центре этой бури, звенел как натянутая струна, торопил всех, включая снующих с подносами курьеров: «Быстрее, еще быстрее!» А тут вдруг расслабился.

— Извините, что лезу не в свое дело, — сказал я. — Но я не понимаю...

— Чего именно ты не понима-а-а-ауэшь? — Шеф зевнул так, что дверь приоткрылась.

— Почему мы не стоим на ушах, не бегаем по городу, не суем нос во все мало-мальски темные щели и вообще никуда не спешим? Все-таки самого Короля околдовали или собирались околдовать — это же ужас что такое, нет?

— Так именно поэтому, — пожал плечами сэр Джуффин. — Пока мы

заняты пустяками вроде давешнего призрака, можно и поразмяться. Постоять, как ты выражаешься, на ушах. А когда дело настолько серьезное, спешить нельзя. Ну то есть сперва я, благодаря тебе, быстро-быстро устранил непосредственную опасность. Его Величество теперь под присмотром лучшего знахаря Соединенного Королевства. Какое-то время он будет обходиться без благовоний из мастерской Кетторамы Ачуани, и вообще без каких бы то ни было ароматов — на всякий случай, перестраховка не повредит. Парфюмеру при этом, понятно, никто слова не скажет. А мы, благо ситуация под контролем, можем теперь попробовать спокойно разобраться, что, собственно, происходит, кто за этим стоит, каковы его намерения и, главное, возможности. Кофа сейчас собирает информацию на Сумеречном рынке, а сэр Шурф — в библиотеке. Вечером ты попробуешь разнюхать что-нибудь в доме моего приятеля Хамбары Гаттона. А ночью сэр Кофа, если других дел не будет, выберется поглядеть на спрятанный корабль. Впрочем, если такой ритм работы доставляет тебе непереносимые страдания, сбегай принеси мне вечернюю газету. Слишком простое задание, сам понимаю, но ты вполне можешь выполнить его, прыгая на одной ноге. Это, несомненно, тебя развлечет.

— Спасибо, — вежливо сказал я. — Но я пока не очень страдаю. Может быть, завтра.

— Вот и прекрасно, — кивнул шеф. И, не дожидаясь, пока я уйду, закрыл глаза.

Я вышел на улицу и только тогда осознал, что в моем распоряжении целых три с половиной часа. Строго говоря, не так много. Но с тех пор как я поступил в Тайный Сыск, трех с половиной свободных часов, да еще и посреди дня, когда спать совершенно не хочется, у меня еще не было. Я немного подумал, взял служебный амобилер и поехал домой — переодеться и привести себя в порядок. А оттуда отправился прямехонько на улицу Поющих Рыб. У меня было там одно небольшое дело. Смуглое черноглазое дело по имени Хони. Мне позарез требовалось выяснить, почему она от меня шарахается. И найти способ изменить этот прискорбный факт.

На сей раз охранный амулет на дверях заверещал в тот момент, когда я только вышел из амобилера. Узнал, стало быть.

— Привет, — сказал я ему. — А где же твоя хозяйка?

Дверь не открывали так долго, что я решил — не повезло. Красивая леди Хони ускакала куда-нибудь за покупками или просто с подружками мороженого поесть, а может, и на свидание, кто ее разберет. Тогда, по

крайней мере, ясно, почему она столь недвусмысленно отказалась от моего предложения познакомиться поближе. Хотя зачем было визжать, все равно непонятно.

Я уже собрался уезжать, когда дверь все-таки открылась. На пороге появилась моя несговорчивая красотка, растрепанная и, похоже, заспанная. Уставилась на меня с недоумением, но, хвала Магистрам, без явной неприязни.

— Сэр Атва по-прежнему гостит у своего брата, — сказала она. — Он туда надолго переехал.

— А я не к нему пришел. К вам.

— Ко мне?

Изумление ее было столь неподдельным, хоть плачь. Обычно такие сногсшибательные красотки с детства знают себе цену. Уж чем-чем, а визитом очередного поклонника их не удивишь. А тут — смотри-ка.

— У вас, — вкрадчиво сказал я, — лицо человека, который никогда в жизни не пробовал куманское медовое мороженое. А я знаю место, где его подают с зеленым ореховым соусом. Совсем недалеко отсюда. На амобилере за десять минут доберемся, не о чем говорить.

Зачарованная моими речами, Хони подошла немного поближе.

— Некоторые вещи лучше обговаривать сразу, чтобы впредь не возникало недоразумений, — сказала она. — Вам следует знать: я приехала в столицу вовсе не затем, чтобы поскорее выйти замуж.

— Ну и отлично. Эта опасность вам рядом со мной определенно не грозит. Совместное поедание мороженого не связывает людей брачным обетом.

— Я приехала, чтобы поступить в Орден Семилистника, — не слушая меня, продолжала прекрасная Хони. — Правда, оказалось, что добиться встречи с леди Сотофой Ханемер совсем не так легко, как я думала. Поэтому мне пришлось подыскать себе место — временно, ради еды и жилья. Но я от своего не отступлюсь.

— Очень хорошо, — сказал я. — Но пока вы еще не поступили в Орден. Следовательно, у вас есть свободное время, чтобы попробовать куманское...

— Я просто стараюсь объяснить вам, почему не хожу на свидания с мужчинами, — перебила она. — Чтобы вы больше не тратили на меня свое драгоценное время.

Я растерялся. С каких это пор свидания с мужчинами препятствуют поступлению в Орден? Если бы в Семилистник принимали только девственниц, там бы сейчас, пожалуй, вообще ни одной женщины не было.

А уж их предводительницу, легендарную леди Сотофу Ханемер, даже к ограде Иафаха не подпустили бы — если хоть сотая часть всего, что о ней рассказывают, чуть-чуть похожа на правду.

Я решил, что все это можно будет объяснить наивной Хони чуть позже, а сейчас главное — стоять на своем.

— Поесть мороженого — это не настоящее свидание, — сказал я. — Прокатиться в амобилере — тем более. У возницы, между прочим, руки заняты, так что обниматься при всем желании не полезу, не бойтесь.

— Далось вам это мороженое, — вздохнула она. И наконец-то заглянула мне в глаза. Смотрела долго и так внимательно, что я даже нервничать начал — что она там углядела? Неужто мысли читает? Они-то, в отличие от слов, не то чтобы совсем невинные. И уж точно не о мороженом.

Но похоже, мысли она все-таки не читала. Потому что не заверещала как резаная, не рванула назад, в дом, даже не покраснела, а спросила:

— Неужели правда такое вкусное?

— Лучше просто не бывает, — заверил я. И, вспомнив, что мне-то сейчас ни крошки в рот брать нельзя, добавил: — Правда, сам я ничего в этом не понимаю, потому что не люблю сладкого. Но у меня есть заслуживающие доверия эксперты.

— Ладно, — решила Хони, — поехали. Вы угадали, я его правда никогда не пробовала. Когда еще соберусь.

Заперла дверь и пошла к амобилеру — в чем была, не переодеваясь. Я открыл было рот, чтобы сказать, что в домашнем лоохи даже в соседнюю пекарню за хлебом бегать не следует, а уж появляться на центральной площади столицы — тем более, но вовремя прикусил язык. Скорее всего, у нее просто нет другой одежды. Сэр Атва, помнится, говорил, что Хони сирота, без денег и крыши над головой. А на работе совсем недавно, наверняка даже первое жалованье получить не успела — какие уж тут наряды. Хорош бы я был со своими советами.

Поэтому я ни слова ей не сказал, а просто остановился у лавки Красной Шельны. Чем она хороша — там можно очень недорого купить прекрасные лоохи, если, конечно, вы готовы носить одежду, вышедшую из моды еще в конце прошлого года. Теперь-то я у Шельны не одеваюсь, но когда был студентом, большой беды в этом не видел. При всем моем уважении к постоянно сменяющейся моде, качественная ткань и хороший покрой гораздо важнее. Короче говоря, я решил, что для Хони это идеальный вариант. Слишком дорогой подарок ее, пожалуй, напугает.

— Подождите меня, — сказал я. — Буквально две-три минуты, не

больше.

Среди моих талантов, подлинных и мнимых, есть один, которым я по-настоящему горжусь: я умею очень быстро выбирать одежду, на глаз, без примерки, себе и другим. И еще ни разу не случилось, чтобы ее приходилось перешивать или возвращать в лавку. Поэтому я действительно вернулся две минуты спустя с роскошным лоохи ярко-алого цвета. Именно то, что надо.

— Дело в том, — сказал я Хони, — что в душе я художник. Рисовать так и не выучился, поэтому приходится довольствоваться пейзажами, портретами и натюрмортами, которые принято называть окружающей действительностью. Но иногда у меня возникает соблазн чуть-чуть ее переделать по своему вкусу. Вот и сейчас мне захотелось увидеть, как смуглая черноволосая девушка в алом лоохи ест мороженое цвета молодой листвы. Поэтому если вы согласитесь переодеться, я буду вам бесконечно благодарен.

— Хорошо, — равнодушно согласилась она. — Если хотите, я переоденусь.

То есть, вопреки моим опасениям, не стала ни смущаться, ни отказываться от подарка. Но и не обрадовалась, не заинтересовалась даже. Накинула новое лоохи прямо поверх старого и задумчиво уставилась в небо, которое, по правде сказать, почти всегда выглядит примерно одинаково. Какой смысл его так внимательно разглядывать — ума не приложу.

Я был разочарован, но виду, конечно, не подал. Надела — вот и ладно. По крайней мере, в таком виде ее вполне можно вести в кондитерскую.

Зато медовое мороженое Хони не просто впечатлило, а, можно сказать, потрясло. Красотка вмиг смела свою порцию и принялась за мою, к которой я так и не притронулся. На предложение заказать еще деловито кивнула и снова уткнулась в миску. Задушевный разговор, в ходе которого я планировал ее обаять, совершенно не клеился. А ведь как в прошлый раз тараторила, я чуть с ума не сошел, ее слушая.

Ну хоть в глаза мне время от времени заглядывала, серьезно, внимательно, испытующе — для такой недотроги вполне интимный жест.

Может, этот красавчик, сэр Атва, еды ей не оставил? — подумал я. И денег на продукты тоже. Просто забыл — он же не привык, что в доме, кроме него, кто-то есть. А она постеснялась напомнить, вот и сидит теперь голодная. И никто не объяснил сироте, что в столичных трактирах всегда можно поесть бесплатно, попросив записать расходы на счет Короля. Сказать, что ли? А вдруг обидится?

— Большое спасибо, — сказала Хони, умяв третью по счету добавку. — Вы были очень любезны, сэр Мелифаро, и устроили мне настоящий праздник. А теперь, если вам не трудно, отвезите меня, пожалуйста, обратно. Мне не запрещено выходить на улицу, но я чувствую себя ответственной за дом сэра Ачуани и не хочу оставлять его надолго.

— Конечно отвезу, — согласился я. И, поколебавшись, все же спросил: — Еда-то у вас там есть?

— Есть, — равнодушно откликнулась Хони. — Много разной еды.

Ну и хвала Магистрам, если так.

Свидание наше вряд ли можно было назвать удачным. Однако я утешался надеждой на продолжение. Я честно сдержал обещание — накормил девушку мороженым и не предпринял ни единой попытки положить руку ей на колено. Возможно, Хони проникнется ко мне доверием и согласится повторить эксперимент. А потом еще раз и еще. И — чем только Темные Магистры не шутят — возможно, однажды наступит день, когда ей самой покажется, что отношения между людьми, совместно сожравшими столько холодного мороженого, должны стать очень теплыми. Просто ради равновесия.

Но пока Хони была далека от такой идеи. Ей даже в голову не пришло поцеловать меня на прощание — хотя бы по-братски чмокнуть в щеку. И рукой с крыльца не помахала. Еще раз пытливо заглянула мне в глаза, вежливо сказала «спасибо», вошла в дом, закрыла за собой дверь — и всё. Ну по крайней мере, лоохи дареное вернуть не попыталась. В целом, неплохой знак.

Ничего, ничего, думал я, разворачивая амобилер. Первая встреча завершилась диким визгом, вторая — сдержанной благодарностью. То есть прогресс налицо. Есть смысл работать дальше.

Я снова заскочил домой переодеться — грех было не воспользоваться такой возможностью — и неторопливо поехал в сторону дома Хамбары Гаттона. Амобилер на сей раз оставил неподалеку от бывшей резиденции Ордена Потаенной Травы, чтобы не попался на глаза хозяину дома после того, как я распрощаюсь и якобы уйду. Шел медленно, поскольку спешить было некуда. Еще совсем недавно такая неторопливая прогулка меня бы, пожалуй, взбесила, а теперь неожиданно понравилась. Надо же, как меня, оказывается, загоняли.

Стоять под дверью Хамбары Гаттона мне пришлось очень долго. Воспитанные люди в подобных случаях разворачиваются и уходят, но я продолжал ждать. Наконец решил, что хозяина нет дома и, стало быть,

можно начинать обыск без всяких там дурацких невидимых пиллюль. Прикидывал — может, все-таки сперва послать ему зов, сказать, что хочу вернуть монету, и таким образом выяснить, когда он вернется домой. С другой стороны, глупо получится, если сэр Гаттон назначит мне встречу в каком-нибудь трактире, да хоть в той же «Трехрогой луне». И полезную эльфийскую монету отдам, и в дом не попаду — хорош я буду. Нет уж, решил я, если вламываться без спроса, то прямо сейчас.

Словно бы устранившись грядущего взлома, входная дверь наконец-то открылась, и передо мной предстал сэр Хамбара Гаттон в роскошном парадном тюрбане, теплой зимней скабе цвета заплесневевшего сыра и тончайшем летнем лоохи, которое к тому же едва доходило ему до колен — то ли по моде сороковых годов эпохи Кодекса нарядился, то ли просто одежду с чужого плеча нацепил, в любом случае кошмар. Куда только девалась его давешняя элегантность.

— Зашел, чтобы вернуть монету, — затараторил я. — Конечно, надо было сперва прислать зов; я, собственно, и собирался, но случайно оказался совсем рядом — дай, думаю, зайду, а вдруг вы дома. Я не помешал?

— Монету, — задумчиво повторил сэр Хамбара Гаттон. И еще раз: — Монету.

Потом его лицо наконец приобрело осмысленное выражение, глаза заблестели, губы раздвинулись в улыбке.

— Вы уже собрали все кельди? Вот это скорость!

— На самом деле еще не все, — честно сказал я. — Просто внезапно стало не до них.

— Вот как? — заинтересовался сэр Гаттон. И вдруг спохватился: — Что ж я вас на пороге держу. Заходите в дом.

Ну, хвала Магистрам. Наконец-то.

— В столице что-то происходит? — спросил он, когда мы устроились в мягчайших креслах. — Я имею в виду, что-то достаточно серьезное?

— Ну как вам сказать. На мой взгляд, совершенно несерьезное, но начальство почему-то думает иначе.

И я принялся обстоятельно рассказывать про Обжору-хохотуна, поисками которого мы все сейчас якобы заняты. Сэр Хамбара Гаттон делал вид, будто очень внимательно меня слушает. Иногда даже улыбался в положенных местах. И не то чтобы у него плохо получалось, но я все равно видел, что посмертные похождения отца дюжины дочерей ему до одного места. И кстати, эльфийская монетка — тоже. А ведь как умолял поскорей ее вернуть. Только что руки не заламывал.

— В любом случае, когда все это закончится, с меня причитается, — заключил я. — Вы меня очень выручили. За один вечер собрал больше кельдей, чем за дюжину дней перед тем.

Сэр Гаттон умело изобразил энтузиазм — дескать, жду не дождусь дармового угощения — и вежливо меня выпроводил. Я не сопротивлялся. Ушел как миленький, свернул за угол, перемахнул через три забора и затаился в соседском саду. По моим расчетам, этот любитель поэзии буквально с минуты на минуту должен был отправиться в «Трехрогую луну», если, конечно, не хочет опоздать к началу.

А вдруг он туда Темным Путем ходит? — с ужасом подумал я. — Кодексом Хрембера это, увы, не запрещено. И как тогда понять, можно ли соваться в дом?

Впрочем, на этот случай у меня была Джуффинова пиллюля. Я решил — подожду еще четверть часа, а потом проглочу ее, стану невидимым — если, конечно, шеф не пошутил — и вперед. Не сидеть же тут до глубокой ночи.

Однако сэр Хамбара Гаттон сжалился надо мной и все-таки вышел из дома по-человечески. Судя по выражению лица, стихи он хотел слушать не больше, чем я сам. Переодеться, кстати, так и не удосужился. Я даже засомневался — может быть, нынче в столице такая мода, а я, как последний дурак, проморгал? Дал себе слово непременно все разузнать; сэр Гаттон тем временем сел в новенький амобилер и укатил. Я подождал, пока он свернет за угол, одолел последний забор и начал штурм.

Я еще несколько лет назад был готов спорить, что при случае смогу забраться в эту грешную кривую башенку, и всякий раз, проходя мимо, невольно прикидывал, как это сподручнее проделать. Даже жаль, что так и не заключил пари, — я бы его выиграл. Для человека, который залезать на верхнюю полку маминого кухонного шкафа научился раньше, чем ходить, задача оказалась проще некуда. Стены домов далеко не такие гладкие, как кажется, всегда найдется за что зацепиться. А уж стены этого старого дома были словно бы специально созданы для приятного, неспешного, практически безопасного подъема наверх. Несколько минут спустя я уже разбирался с окном. Как я и предполагал, оно было закрыто на самую обычную задвижку, никаких заклинаний. Типичная ошибка всех владельцев высоких домов — увешивают охранными амулетами входные двери, педантично накладывают заклятия на окна первых этажей, зато наверху все, можно сказать, нараспашку, заходи кто хочет. С задвижкой-то справиться плевое дело, пятая ступень Черной магии, и даже стекла бить не

надо.

С момента моего давешнего визита в башенке ничего не изменилось. Там стояли старомодные комоды, забитые всякой диковинной фигней. В одном, это я знал точно, хранились кельди, в другом — охранные амулеты, приученные петть хором; будь я нормальным грабителем, пожалуй, заинтересовался бы содержимым остальных, но в моем положении гораздо разумнее было отправиться вниз и быстро-быстро осмотреть остальные комнаты — те из них, куда смогу войти.

Я, конечно, не особо рассчитывал обнаружить где-нибудь на видном месте мешки с куманскими благовониями. Даже предельно эксцентричные люди редко хранят подобные грузы у себя в спальне. К тому же товар понадобится еще очень нескоро. До Уандука на быстроходной шикке примерно пять дюжин дней пути и столько же обратно, будет странно, если леди Гетти объявится в Ехо раньше. Надеяться найти на кухонном столе документ с заголовком «Ужасающий план страшного заговора против Его Королевского Величества» тоже было бы не слишком разумно. Уж не знаю, на что рассчитывал сэр Джуффин, когда посылал меня пошарить в доме Хамбары Гаттона, но сам я считал, что единственный шанс на успех — это встретить леди Гетти и поговорить с нею с глазу на глаз.

Я представлял ситуацию так: конечно, к гостям она не выходит, прячется где-нибудь в дальней комнате. Но вряд ли сидит там все время — мало кому понравится такая жизнь. Наверное, именно поэтому мне пришлось так долго ждать под дверью: мой визит был неожиданным, и парочке понадобилось время, чтобы убрать из гостиной и коридора следы присутствия леди Гетти. Но теперь-то, когда дом опустел, она наверняка вышла из укрытия. Для сохранения тайны достаточно никому не отпирать дверь и, памятуя о существовании любопытных соседей, не зажигать свет, что, в общем, не проблема, все уроженцы Угуланда прекрасно видят в темноте, так что мы освещаем помещения скорее для создания уютной атмосферы, чем из практических соображений.

Однако ни в гостиной, ни на кухне, ни на веранде, выходящей в закрытый двор, леди Гетти Ейхелли не было. Ну, может, спать легла, подумал я, бывают такие люди, для которых день заканчивается на закате, — да взять хотя бы моего старшего братца Бахбу. Я стал заглядывать во все комнаты подряд, благо заперты они не были, про себя повторяя начало заготовленной речи: «Леди Гетти, портовые нищие видели, как прятали вашу шикку, по городу поползли слухи, и я решил, что надо бы предупредить вас по старой дружбе, пока все еще можно исправить...»

Дрянная, честно говоря, заготовка. Сейчас-то мне за нее почти стыдно.

Так что, в общем, даже хорошо, что мне так и не пришлось ничего говорить.

Леди Гетти я нашел в спальне на втором этаже. Очень долго, секунды полторы, стоял на пороге, так жалко было ее тревожить. Нет ничего хуже, чем скверные новости сразу после пробуждения. По правде сказать, я уже немного досадовал, что затеял всю эту кутерьму. Сырье для Королевских благовоний — это, конечно, очень важно, спору нет. Но Король, с которым мы, к слову сказать, не знакомы, сейчас небось веселится в своем летнем замке Анмокари, а леди Гетти — вот она, такая красивая, что сердце ноет, трогательная, как все спящие женщины, еще и улыбается во сне, как нарочно, чтобы я почувствовал себя совсем уж законченной сволочью.

Но чувства чувствами, а дело надо делать. Поэтому я вздохнул и негромко позвал:

— Леди Гетти! Мне очень нужно с вами поговорить.

Она даже не шелохнулась. Пришлось повторить погромче. И еще громче. И еще. Бесполезно. Поскольку орать во всю глотку было бы неосмотрительно, я подошел к постели и осуществил самую страстную мечту своего детства — сел рядом с леди Гетти и осторожно коснулся ее руки. Она была холодна как лед.

Я не хотел понимать, что это означает, поэтому и не понимал. Очень долго, непростительно долго, почти целую вечность не понимал, просто не позволял себе сообразить, в каких ситуациях у людей, неподвижно лежащих с закрытыми глазами и не откликающихся ни на голос, ни на прикосновение, бывают такие холодные руки. Но потом все-таки послал зов сэр Джуффину Халли и сказал: «Леди Гетти действительно тут, только она, похоже, умерла. И я не знаю, что теперь делать».

— Могу тебя понять, — отозвался шеф.

Он оказался рядом так быстро, что я окончательно растерялся. Это выглядело так, будто Джуффин был здесь все время, а я, дурак, просто его не замечал. Отодвинул меня в сторону и склонился над мертвой леди Гетти. Потом обернулся ко мне:

— С тобой еще никогда такого не случалось? Я имею в виду, люди, с которыми ты был близко знаком, еще никогда не умирали, да? Тем более у тебя на глазах.

— Незнакомые тоже, — сказал я. — Кажется, до сих пор я вообще не видел мертвых.

— Это, сэр Мелифаро, означает, что у тебя была очень хорошая, счастливая и безмятежная жизнь. И пока в этом смысле ничего не изменилось. Потому что леди Гетти живехонька.

— Как это?

Поверить в хорошую новость оказалось даже трудней, чем признать леди Гетти мертвой. То есть информацию я к сведению принял, но радоваться пока не спешил.

— Как, как. Спит она, вот и все. Не совсем так, как спят добрые люди после сытного ужина, но покойницей ее пока считать рано. Заколдовали человека, ясно тебе?

— Ясно.

Я перевел дух и позволил себе немножко порадоваться. Совсем чуть-чуть, чтобы соображать не мешало. Потому что бедная моя голова за сегодняшний день почти утратила былую работоспособность, которой я, помнится, так гордился.

— Получается, Хамбара Гаттон?.. — начал было я и умолк. Что толку спрашивать. И так ясно.

Сэр Джуффин пожал плечами:

— Поживем — увидим, что у нас получается. Я только что попросил сэра Шурфа прогуляться в «Трехрогую луну» и доставить Хамбару в Дом у Моста. Предлагаю подождать его там. И даму с собой прихватим, нечего ей тут делать. — С этими словами он извлек леди Гетти из-под одеяла и взвалил ее на плечо, как скатанный в рулон ковер.

— Вы бы ее, что ли, переодели, — сказал я. — Она же в домашнем лоохи.

— Не голая, и хвала Магистрам, — отмахнулся шеф. — Некогда мне с ее нарядами возиться. И кстати, ждать, пока ты доедешь до Управления, тоже некогда. Поэтому давай закрывай глаза и пошли.

— Глаза? — Я совсем растерялся.

— Глаза! — рявкнул сэр Джуффин, ухватил меня за шиворот и потянул за собой.

Это было так неожиданно, что я перестал рассуждать, зажмурился и позволил ему тащить меня куда пожелает. Но шеф, видимо, передумал, потому что, сделав всего три шага, остановился, отпустил меня и вполне благодушно сказал:

— Ладно уж, открывай.

Я открыл глаза, одновременно поднял руки, чтобы поправить лоохи, да так и застыл столбом, обнаружив, что нахожусь не в темной спальне Хамбары Гаттона, а в Управлении Полного Порядка. В кабинете господина Почтеннейшего Начальника, который деловито укладывал спящую леди Гетти на свой рабочий стол; со стороны это выглядело так, будто шеф намеревался разделить ее по всем правилам поварского искусства.

— Давай заключим договор, сэр Мелифаро, — сказал он. — Когда мы покончим с этим делом, ты получишь день Свободы от Забот. Или даже два, если не случится ничего из ряда вон выходящего. У тебя будет куча времени и возможность использовать его целиком по своему усмотрению. И вот тогда вспоминай на здоровье свой первый опыт хождения Темным Путем, хочешь — удивляйся, хочешь — бойся, хочешь — залезай на крышу Управления и ори оттуда дурным голосом, что ничего не понимаешь. Да хоть в обморок падай, если припечет. Но все это — потом. Сейчас мне нужна твоя светлая голова. Без нее у нас ничего не получится.

— Ладно, — согласился я. — Два дня Свободы от Забот — это очень серьезно. Ради такого дела я вполне могу сделать вид, будто все происшедшее — в порядке вещей.

— Оно, кстати, и есть в порядке вещей, — пожал плечами сэр Джуффин. — В том самом единственном и неповторимом их порядке, который меня целиком устраивает. Теперь слушай. Сэр Шурф прислал мне зов и сообщил, что уже находится в «Трехрогой луне». Хамбары Гаттона там нет. И не было. Шурф, конечно, подождет еще какое-то время — ну мало ли, может, опаздывает человек. Но я, по правде сказать, заранее уверен — Хамбара там сегодня не появится. Похоже, он уже в курсе, что у него неприятности. И мне очень любопытно, откуда он узнал.

— А может быть, просто леди Гетти взбунтовалась? — предположил я. — Любовь любовью, но когда капитан шикки почти год не был в море, он на стенку лезть начинает. Анчифа — тот и трех дюжин дней кряду не выдерживает. Леди могла заявить, что решила все-таки отправиться в Уандук, сэр Гаттон был против, слово за слово, поссорились, и он ее сгоряча заколдовал, чтобы никуда не сбежала. А теперь сидит в каком-нибудь трактире, заливает горе джубатынской пьянью, думает, что делать дальше.

— Очень может быть, — кивнул сэр Джуффин. — Я имею в виду первую часть твоей версии. А вот вообразить Хамбару, заливающего горе чем бы то ни было, я не в силах. Он вообще не знает, что такое «горе». Это всегда было его сильной стороной.

— Такой легкий характер? — удивился я.

— Можно сказать и так. Короче, мне очень нравится твоя версия насчет ссоры, но для того Хамбары Гаттона, с которым я знаком, не только ссора с возлюбленной, но даже ее внезапная гибель — совершенно не повод отказать себе в удовольствии послушать стихи... Кстати, знаешь, что снится леди Гетти? Что они с Хамбарой ужинают. И спокойно беседуют о том, как она сейчас соберет вещи, а с утра отправится на свой корабль —

дескать, что делать, если уж так приспичило, любимый ее подождет. Подробный, обстоятельный сон. Так сказать, в режиме реального времени. С точки зрения стороннего наблюдателя довольно скучное зрелище, да и сама сновидица не то чтобы в восторге. Думаю, пора ее будить.

— О, да у вас тут вечеринка в самом разгаре.

С этими словами сэр Кофа переступил порог кабинета. От его давешней мрачности, хвала Магистрам, и следа не осталось.

— Всегда знал, что вы чрезвычайно галантны с дамами, — сказал он Джуффину. — Рад видеть столь наглядное подтверждение. Никак съесть планируете?

— А что еще с ней делать, — ухмыльнулся шеф. — Кстати, слухи о моем людоедстве вы же в свое время и распустили. И похоже, сами себе поверили.

— Да тут никаких слухов не надо, достаточно на вас поглядеть. Только ножа и поварешки в руках не хватает... Что ж, в любом случае я рад видеть леди Гетти в добром здравии.

— Для здорового человека она все-таки слишком крепко спит, — заметил я.

— Если учесть, с кем она связалась, — проворчал Кофа, — слишком крепкий сон — лучшее, что могло с ней случиться. Величайшая удача в ее жизни.

— Не перегибайте палку, — отмахнулся Джуффин. — Хамбара и в лихие времена не имел привычки убивать своих возлюбленных. Хотя, на мой взгляд, некоторые вполне того заслуживали... Ну где же камра-то?!

Убоявшись его гнева, реальность заскрипела дверными петлями и явила нам юного курьера с фирменным подносом трактира «Обжора Бунба». Он хотел было поставить свою ношу, как положено, на стол, но, увидев лежащую там леди Гетти, замер, вытаращился, еще и рот приоткрыл.

— Да-да, именно поэтому мы не заказали бутерброды — Сэр Джуффин хищно оскалился, клацнул зубами и забрал у бедняги поднос.

Поскольку места на столе по-прежнему не было, а держать поднос в руках шефу не хотелось, он тут же разжал пальцы. Поднос повис в воздухе. Курьер судорожно вздохнул.

— Можете идти, — сказал я курьеру. Но он даже не шелохнулся. Пришлось взять его за плечи, развернуть и легонько подтолкнуть к выходу. Только после этого парень встряхнулся и поспешно покинул кабинет.

— Ну и молодежь пошла, — вздохнул сэр Кофа. — В прежние времена даже фермерские детишки на простенькие фокусы так не таращились.

— Ничего, привыкнет, — отмахнулся сэр Джуффин. — Если, конечно, не сбежит, как его предшественники. А теперь, пожалуй, можно будить нашу прекрасную гостью.

Он наполнил камрой самую большую кружку и только потом склонился над леди Гетти. Мне показалось, он просто щелкнул ее по лбу, но я, конечно, могу ошибаться.

Леди Гетти Ейхелли открыла глаза и мгновенно оценила ситуацию. Ее прекрасные уста отверзлись, и из них полился поток брани, столь причудливой и разнообразной, что я испытал неведомое мне доселе желание законспектировать чужую речь.

— ...и брата Анавуайны в вурдалачью задницу через эльфийское решето четырежды. — На этом месте леди Гетти наконец умолкла, после чего приняла из рук сэра Джуффина кружку с камрой и залпом ее осушила.

— Вам-то я зачем понадобилась? — спокойно спросила она. — Добро бы еще Кетторама сыщиков нанял. Но у вас вроде серьезная контора. Или уже нет?

— Еще какая серьезная, — заверил ее шеф. — Ну так и сырье для Королевских ароматов — вполне серьезная штука. Нельзя его где попало по дешевке покупать. Еще большой вопрос, что теперь будет с Его Величеством. Знахарь у него, конечно, хороший, однако...

Я так понял, он специально сгустил краски, чтобы леди Гетти проняло. Но не на ту напал.

— Не заливайте, — отмахнулась она. — Если Королю понадобился знахарь, это не моя вина. Сырье отменное, не какая-нибудь подделка. Я его из Уандука не возила, это правда. Но в погребах Иафаха дрянь держать не станут, правда?

Джуффин и Кофа переглянулись. Глаза у обоих сияли, как у лесных котов в начале брачного сезона.

— В погребах Иафаха дрянь держать не станут, уж за кого за кого, а за них я спокоен, — согласился шеф. — Беда в том, что ваше сырье вовсе не из подвалов Иафаха, а с Сумеречного рынка. Бухэя Агузму небось знаете?

— Спрашиваете. Он же у меня большую часть товара брал, пока я замуж за Кеттораму не вышла. И сейчас с радостью покупал бы, да я не продаю.

— Зато он вам — продает, — ухмыльнулся сэр Кофа.

— Быть того не может, — твердо сказала леди Гетти. У Бухэя, папашу его четырежды в день через вурдалачий клык, тюк самого дешевого уандукского сырья девяносто корон стоит. Что получше — до полутора сотен доходит. А Хамбара брал по десятке.

— Это он вам говорил, что по десятке. А сам покупал по две сотни за тюк. Брал товар наивысшего качества, да еще и за секретность Бухэю приплачивал.

Леди Гетти посмотрела на него как на идиота.

— Не вижу логики. В чем тогда его выгода?

— Очень хороший вопрос, — улыбнулся сэр Джуффин. — Я вам объясню в чем. Но сперва расскажите мне, как обстояли дела с вашей точки зрения.

— Как, как. Да очень просто они обстояли.

Леди Гетти наконец слезла со стола, на котором сидела, скрестив самые длинные ноги в Соединенном Королевстве, перебралась в кресло, подлила себе камры, спросила:

— А покрепче чего не найдется?

— Найдется, — заверил ее сэр Кофа. — Сэр Халли у нас очень хозяйственный.

— Был хозяйственный. До вчерашнего вечера, — вздохнул Джуффин. — А теперь нашими общими стараниями... Впрочем, нет. Бомборокки я все-таки зажил.

Извлек из ящика письменного стола едва початую бутылку, щедро плеснул леди Гетти, поймал мой заинтересованный взгляд и достал еще одну кружку.

— Только не увлекайся. Глоток, и всё. День, считай, только начинается.

За пару часов до полуночи подобные заявления звучат не слишком оптимистично. Но выбора у меня не было — если начальство сказал, что день начинается, значит, начинается, точка.

— И все-таки, леди Гетти, что вы имеете в виду, когда говорите «просто»? — спросил сэр Джуффин.

Она немного подумала, отхлебнула бомборокки и, похоже, решила, что имеет смысл все рассказать.

— У Хамбары есть приятель из Семилистника. Вроде бы Старший Магистр, если не врет. Лично я с ним не знакома, и по имени Хамбара при мне его никогда не называл. Про должность этого господина могу сказать только, что ее грешное название состоит из восемнадцати слов, из которых я запомнила всего два: «мастер» и «оберегающий». А на самом деле он — что-то вроде кладовщика. Так мне, во всяком случае, объяснили... Кстати, если кто-нибудь одолжит мне свою трубку и порцию табака, я буду считать себя его должницей.

Услышав ее просьбу, я второй в жизни пожалел, что не курю. В первый раз я, помнится, пожалел об этом, когда сбежал из очередной школы и

застал дома Анчифу. Братец мой как раз купил по дешевке большую партию скверного угуландского табака, к которому питает необъяснимую слабость, зато его многочисленные курительные трубки были так хороши, что я чуть не лопнул от зависти и решил немедленно выучиться хитроумному искусству пускать дым кольцами. Выкурил чуть ли не половину братних запасов за один присест и навсегда закрыл для себя этот вопрос. Как вообще жив остался — до сих пор не понимаю.

Поэтому трубку леди Гетти одолжил сэр Джуффин.

— Хамбара сказал мне, что в кладовых Семилистника уандукских благовоний больше, чем дерьма в кишках обжоры. И никому они не нужны, вот что обидно! Орденские алхимики предпочитают делать все сами, с нуля. А хранятся благовония долго, но все же не вечно. Еще лет через сто их можно будет только выбросить и забыть. Поэтому его приятель кладовщик решил немного подрасчистить завалы. И заодно заработать — зачем выбрасывать то, что можно продать? Он был готов продать очень дешево, лишь бы надежному человеку, который не разболтает, откуда товар. Хамбара решил, что наварить на этом деле должна я, и был совершенно прав. Это справедливо. Видите ли, как сейчас обстоят мои дела: муж, три задницы над ним в небе, покупает у меня куманское сырье по льготной цене, аргументируя это тем, что мы — одна семья. Однако процентов от выгодной продажи составленных им ароматов Королевскому двору я не получаю. Муж считает, что это правильно. Говорит, что ни один мастер не делится прибылью с поставщиком сырья, какие бы скидки тот ему ни делал. Дескать, это просто не принято. Оправдывается тем, что тратит свое состояние почти исключительно на мои нужды. Справедливости ради скажу, что так и есть, мне даже просить обычно не надо, достаточно подумать. Сэр Кетторама прижимистый делец, но как супруг он отзывчив и вовсе не скуп.

Грешные Магистры, какие, оказывается, сложные отношения бывают у людей, подумал я. Сэр Джуффин тоже озадаченно качал головой. И только сэра Кофа хранил невозмутимость — дескать, обычное дело, еще и не такое в семьях случается.

— Однако я бы предпочла, чтобы все было наоборот, поскольку от щедрости мужа выгадываю только я сама, а от его скаредности страдают мои люди. Капитан, как вам, наверное, известно, выплачивает премию команде в зависимости от своего дохода. А я после замужества, вопреки собственным расчетам, стала зарабатывать не больше, а меньше, чем в те времена, когда продавала товар посторонним. Поэтому предложение Хамбары чрезвычайно мне понравилось. К тому же мы оба в ту пору

печалились, что не имеем возможности подолгу бывать вдвоем. А тут такой случай. Только и хлопот — шикку хорошо спрятать, но с ней мне Хамбара помог. Отличное заклятие наложил, я сама ее не вижу, пока на борт на ощупь не поднимусь. А его приятель продает нам товар всего по десятке за тюк, за такие деньги даже в Куманском Халифате разве только пепел купишь. Минимальная цена на рынках Капутты — сорок корон, в Кумоне — тридцать, да и то если очень повезет. А я брала с Кетторамы, как прежде, по восемьдесят. Раньше на одном тюке двадцать, в лучшем случае двадцать пять корон зарабатывала, потому что все дорожные расходы за мой счет, а теперь после выплаты таможенных сборов имею шестьдесят пять корон чистой прибыли — нет дороги, нет и расходов. За один рейс я привожу не меньше двух дюжин тюков благовоний, вот и подсчитайте разницу... Навар я честно делила с командой. Ребята очень довольны, хоть и скучают, конечно, без дела. Зато дома с садами уже почти все себе купили — одни в Новом городе, а другие и вовсе на Левом берегу. Где это видано, чтобы простой моряк мог себе такое позволить? А мои люди могут. Как я была рада — слов нет! Если бы еще у Хамбары в доме безвылазно сидеть не приходилось, совсем славно было бы.

— А разве не ради этого все затевалось? — встрял я. Она меня наконец узнала. И улыбнулась так ослепительно, словно мы встретились на карнавале, а не в кабинете начальника Тайного Сыска.

— Драть тебя всем лесом, Анчифин братишка! А я все думаю — на кого похож? Ну надо же, совсем взрослый стал! Ты, получается, теперь тут работаешь?

— Получается, — согласился я, едва сдерживая желание броситься ей на шею — надо же, узнала!

— Понимаешь, — теперь она обращалась только ко мне, — поначалу я и сама думала, что все затевается ради любви. А деньги — просто приятное дополнение. Но оказалось, деньги все-таки важнее. Потому что сидеть взаперти и не видеть никого, кроме Хамбары, мне надоело еще в первый раз. Но мои люди были так довольны, что я подумала — ладно, ничего, потерплю еще год-другой, пусть они сперва достроят и обставят свои дома. А уж потом настранствуемся вволю. Однако я переоценила свою выдержку. Сегодня поняла, что, если в ближайшие дни не выйду в море, лежать мне в Приюте Безумных, как дерьму в горшке. В конце концов, можно взять в Куманском Халифате что-нибудь еще. Например, пряности. А потом вернуться и забрать товар у этого кладовщика. Двойная выручка — чем плохо? И Хамбара со мной согласился, так что все было в порядке... Вроде бы. Осталось понять, как я тут оказалась сразу после того, как прилегла

ненадолго вздремнуть. И что теперь будет со мной и с кораблем? Имейте в виду, что бы ни случилось, мои люди в этом деле не замешаны. Никто из них не знал, что происходит, просто верили мне на слово, выполняли приказ, радовались большим деньгам — и это всё.

— Да ничего особенного с вами не будет, — пожал плечами сэр Джуффин. — Обманывать мужей Кодекс Хрембера, хвала Магистрам, не запрещает. Дорого продавать то, что почти даром досталось, — тем более. Вот колдовать, чтобы спрятать корабль, конечно, серьезное нарушение закона. Но поскольку это проделывал Хамбара Гаттон, Канцелярия Скорой Расправы при всем желании не сможет предъявить вам обвинение.

— Отличная, кстати, работа, — вставил сэр Кофа. — Я специально съездил, посмотрел. Хамбара, что ни говори, мастер.

— Я бы, честно говоря, прямо сейчас вас отпустил, — сказал шеф леди Гетти. — В Уандук или куда пожелаете. Но все-таки задержу, причем исключительно ради вашей безопасности. Уж сюда ни Хамбара, ни его приятель из Семилистника не проберутся, это я вам обещаю.

— А если бы и пробрались? — удивилась леди Гетти. — Что с того?

— Помните, в начале разговора я обещал вам объяснить, в чем была Хамбарина выгода? Если не передумали, верните мне трубку. Без нее, пожалуй, не обойтись.

— Я вам ее уже набила, — улыбнулась леди Гетти. — Рассказывайте.

Если насильственно лишить сэра Джуффина Халли возможности тянуть паузу, набивая трубку, он, будьте спокойны, возьмет свое, взявшись ее раскуривать. Страшно подумать, как долго может провозиться с огнем знающий и умелый человек, если поставит перед собой такую задачу. Доведя нас всех до белого каления, он все-таки изволил заговорить:

— В погребах и подвалах Иафаха действительно припрятано немало добра. Однако чего-чего, а куманских благовоний там нет. И никогда не было. Великий Магистр Мони Мах таких расходов ни за что не допустил бы. Что касается вороватых кладовщиков, это и вовсе выдумки. Многие, я знаю, не прочь, но вынести из Иафаха без личного дозволения Нуфлина хотя бы заплесневелый сухарь — это из области невозможного. Я сам — и то, пожалуй, не взялся бы их обокрасть. Словом, этот ваш таинственный приятель имеет к Ордену Семилистника примерно такое же отношение, как вы сами. А куманские благовония сэр Хамбара Гаттон самолично покупал у вашего старого знакомого. Бухэй Агузма, конечно, клятвенно обещал молчать о сделке, но с нашим сэром Кофой не шибко помолчишь, если уж тому приспичило побеседовать. А теперь давайте поговорим о самом главном — о выгоде. Прежде чем товар попадал к вам, трудолюбивый сэр

Хамбара аккуратно распечатывал тюки и подмешивал в благовония отраву замедленного действия. Если бы Король еще какое-то время вдыхал ароматы, приготовленные из этого сырья, с ним случилась бы беда. Какая именно, не буду врать, пока не знаю. Мы с этим сейчас разбираемся. Надеюсь, мы вмешались не слишком поздно, да и знахарь у Короля хороший — глядишь, все обойдется. Посмотрим. Вот вам и выгода, леди Гетти. Некоторые люди, знаете ли, полагают, что не в деньгах счастье. И не в любви, если уж на то пошло.

Я приготовился выслушать новый поток брани. В глубине души надеялся, что он превзойдет первое выступление леди Гетти, потрясшее меня до оснований. Но она лишь печально сказала:

— Похоже, я совершенно не разбираюсь в людях. Никогда их не пойму. Собственный муж облапошивал меня в делах, возлюбленный, чтобы его до самой смерти индюки драли, поселил меня в своем доме, чтобы отравить Короля. Какие-то они все... глупые и неприятные. Вы не находите?

— Именно так, — серьезно подтвердил сэр Джуффин. — Глупые и неприятные, лучше не скажешь. Кстати, возлюбленный ваш, обнаружив, что вам надоело играть в его игры, вас усыпил. И все эти милые беседы за ужином вам приснились, наяву-то он вас даже не дослушал толком, наложил заклятие, и привет. Если бы не я, спать вам пришлось бы очень долго, а проснувшись, вы бы искренне полагали сновидения реальными событиями, подобные штуки Хамбаре всегда удавались на славу... Теперь понимаете, почему я не хочу вас отпускать? Сейчас такая свистопляска начнется — я сам пока толком не представляю, кому и чего именно стоит опасаться. Зато твердо знаю, что в этой комнате вам ничего не грозит. Хотя, конечно, помещение тесное, даже неловко предлагать вам такой приют, — и шеф распахнул дверь камеры для особо опасных преступников, которая устроена при его кабинете.

Это такой крошечный филиал Холоми — колдовать там, насколько я знаю, решительно невозможно, и Темным Путем оттуда не уйдешь, даже зов никому не отправишь. И открыть эту дверь может только сам сэр Джуффин, любой другой, будь он хоть трижды Великий Магистр, упадет замертво раньше, чем поймет, что случилось. Но леди Гетти бровью не повела.

— Моя каюта на «Айсе» всяко меньше. Мне бы только трубку и табак. Не люблю побираться, но вы не дали мне возможности взять самое необходимое.

— А где она лежит? — спросил сэр Джуффин. — Я имею в виду, ваша

трубка.

— Скорее всего, на иолу возле кровати. А что?

— Подождите-ка.

Шеф встал с кресла и тут же исчез. А буквально несколько секунд спустя снова вошел в кабинет — почему-то из коридора. В руке у него была курительная трубка и кисет с табаком, под мышкой ворох одежды.

— Это все ваше? — спросил он. — Или я Хамбару по старой дружбе ограбил?

— Мое, — кивнула леди Гетти. — Вы, получается, за моими вещами сходили? Темным Путем? Спасибо. Очень любезно с вашей стороны.

— Чего только не сделаешь ради таких прекрасных глаз. — Шеф отвесил ей поклон, шутовской, но и галантный одновременно. Захочешь — не придерешься. Высокий класс.

— Кувшин камры тоже ваш, — великодушно решил он. — И остатки бомборокки. Есть, кстати, хотите?

— Не хочу. А книг у вас случайно здесь нет? Я бы сейчас почитала, чтобы отвлечься.

— Увы, только несколько старых номеров «Суеты Ехо». Как чувствовал, что не надо их выбрасывать.

— А что, давайте, — оживилась леди Гетти. — Давненько я газет в руки не брала. Муж их не одобряет, и Хамбара, чтоб над ним куфага [\[20\]](#) стошнило, терпеть не может. Как сговорились.

Взяла в охапку одежду и газеты и прошествовала в камеру, величественная и невозмутимая — ни дать ни взять легендарная Королева Вельдхут на официальном приеме. Я глаз отвести не мог.

— Извините, у меня совсем дурацкий вопрос, — сказал я, когда шеф уже собрался запирать за ней двери. — К делу отношения, скорее всего, не имеет, а все равно лучше спрошу. Эта девочка, которую вы пристроили в дом своего деверя...

— А, Хони. Ну и?

— Что это за девочка? Откуда она взялась?

— Грешные Магистры, а я и не подумала! — воскликнула леди Гетти. — Дюжину драных дыр над моей головой, ну конечно! Она же не то кузина, не то племянница приятеля Хамбары. Ну того, который врал, будто состоит в Семилистнике. Попросил пристроить бедную родственницу на теплое местечко. Через нее вы наверняка сможете его найти. Вот и ищите, да поскорее! Может быть, после этого сэр Халли все-таки разрешит мне вернуться на корабль.

— Разрешу, разрешу, — пообещал сэр Джуффин. — Тогда мне эта

комната для других дел понадобится.

Он запер дверь и удивленно посмотрел на меня.

— Ну ты даешь, сэр Мелифаро. Что за Хони такая? Почему я не в курсе? Давай, рассказывай.

— Хони — это красивая юная леди с большими причудами, — объяснил я. — Говорит, что мечтает поступить в Орден Семилистника и поэтому, дескать, не желает проводить время с мужчинами, хотя, по идее, одно другому не мешает.

— Не мешает, — задумчиво кивнул сэр Джуффин. — Сотофа, во всяком случае, совершенно в этом уверена, а ей виднее... Надо же, какая интересная девочка — рвется в Семилистник, а рассуждает в полном соответствии с уставом Ордена Решеток и Зеркал. Это единственный известный мне Орден, куда принимали только девственниц. Потом, правда, они пускались во все тяжкие, но не буду тревожить твой неокрепший разум подробностями, а то, чего доброго, в Квартал Свиданий побежишь, и мы с Кофой тебя не удержим. Лучше рассказывай, где ты ее нашел? И когда, собственно, успел?

— Ну так вы уже все слышали. Она работает в доме сэра Атвы Ачуани, то есть брата сэра Кетторамы. Открыла мне дверь, и я решил, что такую девчонку упустить никак нельзя. А сэр Атва обмолвился, что прислугу ему нашла леди Гетти. Даже не то чтобы нашла, а навязала. Он вообще никого не собирался нанимать, но она уговорила. И я подумал, а вдруг...

— Правильно подумал, — кивнул сэр Джуффин. — Описать тебе не могу, как меня это радует.

— Это еще не все. — И я умолк, потому что понятия не имел, как сформулировать смутное — не предположение даже, ощущение, чтобы старшие коллеги меня не засмеяли.

Ну по крайней мере, они меня не понукали. Терпеливо ждали продолжения, будто в руках у меня была невидимая трубка, которую как раз пришло время набить.

— Знаете что, — наконец сказал я, — вы все-таки не забывайте, что я в таких делах пока абсолютно ничего не понимаю. И если сейчас ляпну глупость, пожалуйста, прежде чем смеяться, внятно объясните мне, почему этого не может быть, чтобы я больше никогда даже не думал на такую тему.

— Можешь на нас рассчитывать, — пообещал сэр Джуффин. — Когда это мы с Кофой упускали возможность аргументированно назвать хорошего человека дураком?

Спасибо, обнадежил.

— Я сегодня виделся с Хони. Ну, перед тем, как ехать к Хамбаре Гаттону. Вы сказали — гуляй пока, я и поехал к ней. Предложил поесть куманского мороженого, она сперва поломалась, потом согласилась, обычное дело. Но что-то во всем этом было не так. Понимаете, я ей не нравлюсь, это совершенно очевидно...

— Что, безусловно, делает юную леди подозреваемой номер один в нашем деле, — согласился сэр Кофа, не слишком старательно пряча улыбку.

Но я решил, что так легко он меня с толку не собьет.

— Девушки, которым я не нравлюсь, встречались мне и прежде. Все они вели себя по-разному, одни были милы, другие грубы, третьи застенчивы, а четвертые вовсе меня не замечали. Но ни одна из них не смотрела мне в глаза так пристально и подолгу, как эта прекрасная истребительница мороженого. В прошлый раз она была болтлива сверх всякой меры, а сегодня за все время дюжины слов не сказала. И меня, похоже, едва слушала. Что касается интереса и симпатии, то сэр Лонли-Локли по сравнению с ней — кокетливая школьница. Но как при этом в глаза мне смотрела, видели бы вы! Очень внимательно, как будто на всю жизнь запомнить хотела. И я подумал... Ну я же много раз слышал, будто, к примеру, вы, сэр Кофа, умеете читать чужие мысли, и чужую Безмолвную речь подслушивать тоже, но это как раз неважно, потому что я в присутствии Хони никому зов не посылал. А вот насчет чтения мыслей — это правда? То есть я не спрашиваю, умеете ли это лично вы, но вообще так бывает?

— Грешные Магистры, конечно бывает.

Он больше не ухмылялся. А господин Почтеннейший Начальник и вовсе подобрался, как кот перед прыжком.

— Когда ты это понял? — спросил он.

— Да только что, пока говорил. Все вдруг сложилось в такое красивое уравнение — ее странные манеры, родство с этим фальшивым «приятелем из Семилистника», и вы еще в самом начале сказали — похоже, Хамбара уже знает, что у него неприятности, откуда бы? Так вот, если девочка могла залезть мне в голову, тогда понятно откуда. Вслух-то я ничего не говорил — ей, и вообще никому.

— В доме Атвы Ачуани, говоришь, она работает?

Шеф исчез. На сей раз он даже с кресла встать не потрудился, раз — и нет человека. Я посмотрел на сэра Кофу.

— Слушайте, а почему он на службу в амобилере ездит? Если бы я умел ходить Темным Путем, я бы...

— Так то ты. А Джуффин человек разумный и, что гораздо важнее, практичный. Полчаса туда, полчаса обратно, за рычагом дворецкий — в сумме получаем целый час полного покоя. Надо же ему когда-то отдыхать, как ты думаешь?

Я был потрясен. Но решил не останавливаться не достигнутом и задал еще один вопрос:

— Так получается, все эти разговоры, что вы читаете чужие мысли...

— И к тому же подслушиваю чужую Безмолвную речь, — флегматично кивнул Кофа. — Конечно правда. И знаешь, что я тебе посоветую? Если у тебя будет выбор — учиться этому или нет, — откажись. Толку чуть, а плата высока. Люди невыносимо громко думают. И как правило, всякую ерунду. Впрочем, я уже выучился *ничего не слышать*, когда не хочу, — и вот это, скажу я тебе, было действительно трудно.

— Ну надо же, — вздохнул я. — А о чем они?..

— Ты не поверишь, но по большей части о том, как кому-то понравиться, — ухмыльнулся Кофа. — И о том, как бы повернуть все по-своему и получить желаемое. Эти темы — самые популярные, все остальное как раз более-менее интересно, но как же редко... И не смотри на меня так. Тебя я не подслушиваю. И вообще никого из коллег. Предпочитаю питать хоть какие-то иллюзии на счет людей, с которыми приходится ежедневно иметь дело.

Все равно я теперь чувствовал себя очень неловко. Сидел, прикидывал: ну да, все так и есть, я тоже постоянно стараюсь понравиться, причем не кому-нибудь, а самому себе, и с точки зрения стороннего наблюдателя это, наверное, очень забавно. И косился на Кофу: сейчас-то небось все-таки подслушивает? Или нет? Но он с непроницаемым видом набивал свою трубку, как будто разговор у нас шел о самых что ни на есть пустяках.

Словом, возвращение сэра Джуффина оказалось как нельзя более кстати. Я чуть на шею ему не бросился.

— Надо бы все-таки смириться с мыслью, что второго Тотохатты в Море нет, и подыскать нового Мастера Преследования, — сказал он, обращаясь не то к дремлющему буривуху, не то к потолку, не то к самому себе. — Хоть какого-нибудь. Я же все-таки начальник. Мне в кресле сидеть положено да на сотрудников покрикивать, а я опять, как мальчишка, по чужому следу скакал...

— И куда в итоге прискакали? — флегматично поинтересовался сэр Кофа.

— Вы не поверите. — Сэр Джуффин ослепительно улыбнулся. —

Прямехонько в Иафах.

Кофа тихонько присвистнул.

— А как же вы так быстро обернулись? От улицы Поющих Рыб туда идти и идти.

— А так. Девочку наш сэр Мелифаро нашел себе толковую. Темным Путем ходить обучена. В принципе, я такие знакомства одобряю, молодые люди должны вдохновлять друг друга на решение сложных задач. А привел меня ее Темный Путь не куда-нибудь, а в сад Иафаха. Я оценил ситуацию, послал зов Его Величеству и вернулся сюда. А что делать? Без специального Королевского приказа мне на территории резиденции Семилистника делать нечего.

— А с Сотофой не проще было бы поговорить?

— Ну так я и поговорил. Она твердо обещала проследить, чтобы никто в Иафахе бед не натворил, пока я тут жду Королевского разрешения, как последний дурак. А чем еще она может помочь? Все-таки Великий Магистр Семилистника пока что Нуфлин Мони Мах, а он сейчас скорее пустит на свою территорию дюжину мятежных Магистров, чем меня... Ну, зато камры можно выпить, пока приказ пишется. Раньше чем через час его не доставят. А курьер с камрой, надеюсь, вот-вот появится.

Дверь кабинета распахнулась, но вместо обещанного курьера порог переступил Лонли-Локли. Впрочем, в руках у него действительно был уставленный кувшинами и кружками поднос. А за его спиной мерцал, трепетал и переливался хорошо знакомый мне призрак. Сейчас он, хвала Магистрам, не хохотал, а только тихо хихикал, как человек, которому уже третий час кряду щекочут пятки.

— Вечер не удался, — поведал нам сэр Шурф. — Киба Кимар не пришел, зато сэр Махамабам, прежде подававший большие надежды, написал безвкусную сентиментальную поэму, совершенно в духе эпохи начала правления Клакков, и читал ее полтора часа кряду, после чего у профессора Халли Мао Тактаго сдали нервы, и завязалась драка. Я обдумал ситуацию и позволил себе не вмешиваться. Безопасности Соединенного Королевства она ничем не грозит, а людям нужна разрядка.

Он поставил поднос на стол и, обернувшись к призраку, вежливо сказал:

— Прошу прощения, что не предлагаю вам поесть. Мои коллеги не были предупреждены о вашем визите и не сделали заказ. Это целиком моя вина, я должен был заранее поставить их в известность, что приду не один, но давешнее поэтическое собрание в «Трехрогой луне» совершенно выбило меня из колеи.

— Ничего, — хихикнул призрак, — мне вовсе не обязательно постоянно есть. Это просто дополнительное развлечение.

— Вот видишь, — подмигнул мне сэр Кофа. — А ты все твердил: «Убьет, убьет». И мне не верил.

— Сэр Шурф, ты не очень огорчишься, если я скажу тебе, что Хамбара Гаттон, за которым я тебя посылал, выглядит немного иначе? — вежливо поинтересовался шеф.

— Не «немного», а совершенно иначе. Это закономерно, поскольку наш гость вовсе не является Хамбарой Гаттоном. Перед вами призрак господина Унхана Магараса, при жизни проживавшего в доме номер восемнадцать на улице Жемчужных Бурь. Привлеченный шумом драки, он появился в «Трехрогой луне», чтобы принять посильное участие в общем веселье. Я же счел своим долгом пригласить его в Дом у Моста, поскольку находится в общественных местах и на улицах столицы господину Магарасу, как и всем остальным привидениям, в настоящее время, к сожалению, запрещено законом. Что же касается сэра Хамбары Гаттона, он на поэтический вечер так и не пришел. Как государственный служащий, получивший задание его арестовать, я раздосадован, но как знаток поэзии считаю, что он правильно поступил. Делать в «Трехрогой луне» сегодня было решительно нечего.

— Кончай прикидываться, сэр Шурф, — ухмыльнулся сэр Джуффин. — Безумием от тебя пока не пахнет, так что на отпуск для поправки здоровья можешь не рассчитывать. Скажи лучше, зачем отобрал у курьера поднос? Это его работа — камру нам таскать. Не твоя квалификация.

— Справедливости ради следует заметить, что я вовсе не отобрал поднос, а подхватил его на лету. Когда курьер увидел следующего за мной господина Магараса, он потерял сознание, а мне пришлось делать очень непростой выбор. Все взвесив и обдумав последствия, я решил, что в некоторых случаях вполне допустимо выполнять низкоквалифицированную работу, выходящую за пределы моих непосредственных обязанностей, и поймал поднос примерно в полуметре от пола. Если бы не мое вмешательство, вам пришлось бы делать новый заказ и ждать как минимум еще четверть часа, — обстоятельно объяснил Лонли-Локли.

Безумием от него при этом действительно не пахло, вот что самое удивительное.

— Что же касается курьера, он не нуждается в помощи знахаря, поскольку уже пришел в себя. И если я правильно понял смысл его

бессвязных выкриков, отправился писать прошение об отставке.

— И трех дней не продержался, — констатировал сэр Кофа. — Бедный мальчик.

— Сам дурак, — отмахнулся Джуффин. — Кто ему виноват? А я, между прочим, давно говорил, студентов надо курьерами нанимать. Они, по крайней мере, из книжек хоть что-то о магии знают. И любопытные — не все, но многие.

На этом месте призрак расхохотался. То ли у него были какие-то личные причины веселиться при всяком упоминании о студентах, то ли просто устал сдерживаться.

— Кажется, мне пора уходить, — давясь от смеха, сказал я.

Моим старшим коллегам заразительное веселье призрака, похоже, было до одного места, а вот я решительно не мог перед ним устоять. И прекрасно понимал, чем это кончится.

Сэр Джуффин мгновенно оценил ситуацию:

— Неплохой ход, сэр Мелифаро. Но смирись с мыслью, что отдыхать ты отправишься очень и очень нескоро. Хотя, безусловно, еще в текущем столетии, на это можешь твердо рассчитывать. А вот что мне делать с вами, господин Магарас, ума не приложу. Я бы с радостью пригласил вас к себе домой, да отвезти сейчас некому. А в комнате для почетных гостей уже сидит леди Гетти...

— Это которая леди Гетти? Не Ейхелли, часом? — внезапно заинтересовался призрак. Даже ржать перестал.

Я перевел дух.

— Леди Гетти Ейхелли, — кивнул шеф. — Вы, получается, знакомы?

— Еще бы мы не были знакомы. Я же у нее пряности закупал, когда она в Ташер ходила. До сих пор жалею, что леди Ейхелли внезапно переключилась на Куманский Халифат. Пряности там хуже и гораздо дороже, а благовония — не мой интерес... Скажите, а не могу ли я выразить леди свое почтение, если уж она здесь? Когда еще будет случай повидаться.

— Сейчас выясним, — и сэр Джуффин распахнул дверь своей потайной комнаты.

Леди Гетти сидела в кресле, зажав в зубах погасшую трубку, и с отвращением глядела на лежащую у нее на коленях развернутую газету.

— Скучаете? — сочувственно спросил шеф. Она сердито передернула плечами. Дескать, сами должны понимать.

— Тут к нам как раз зашел один ваш старый знакомый. Говорит, хочет выразить почтение. Как вы относитесь к призракам?

— Ну так смотря к каким, — рассудительно сказала леди Гетти. — Призраки, как и живые люди, все разные. А что за старый знакомый?

— Сейчас увидите. — Сэр Джуффин обернулся и отвесил призраку глубокий поклон, такие любят демонстрировать своим гостям старые придворные, вышедшие в отставку задолго до начала войны за Кодекс. — Можете войти.

Несколько секунд леди Гетти Ейхелли внимательно разглядывала привидение. Потом расплылась в улыбке.

— Ой, как я за вас рада, дядя Унхан! Отлично выглядите. Все получилось, да? Ну видите, а вы волновались, вдруг знахарь обманул. А я вам еще когда говорила — все будет хорошо. Помните?

Призрак, обрадованный столь приветливым приемом, кувыркнулся под потолком, чтобы показать себя со всех сторон, рассыпался в любезностях и переливался всеми цветами радуги от избытка чувств.

— Могу оставить вас наедине, — предложил сэр Джуффин. — Только при одном условии: вы, господин Магарас, не должны забывать, что для живых людей ваш смех чрезвычайно заразителен. А смеяться так долго, как вы, без вреда для себя мы, увы, не приспособлены. Не будете смешить леди?

— Конечно не буду, — пообещал призрак. — Вы не думайте, я не всегда смеюсь. Только когда не с кем поговорить. Потому что молчать мне теперь совсем не нравится.

— А уж о чем поговорить нам найдется, — заверила нас леди Гетти.

— Вот и прекрасно, — заключил шеф. И запер дверь.

Эти двое были так заняты друг другом, что даже не помахали нам на прощание. Никогда — ни прежде, ни после — я не видел узников, настолько довольных своим положением.

— Теперь, когда у сэра Мелифаро нет повода рваться на улицу, а сэр Шурф, я надеюсь, окончательно пришел в себя после встречи с высокой поэзией, можно поговорить о менее важных делах, — объявил сэр Джуффин. — И для начала, сэр Шурф, расскажи, какую пользу ты на сей раз извлек из чтения.

— Вам требуется развернутый ответ? Или мне следует...

— Кратчайший! — рявкнул шеф.

Мне показалось, что Лонли-Локли собрался было снисходительно улыбнуться, но на полпути понял, что ничего не получится, и решил оставить все как есть. Так и не осквернив свои уста улыбкой, он небрежно, как иные сплевывают скорлупу ореха, вымолвил:

— Пыль Тысячехвостых Ветров Хеннахха.

На мгновение лицо сэра Джуффина изменилось так разительно, что мне показалось — оно вспыхнуло, как молния в темноте. Но уже секунду спустя шеф добродушно улыбнулся.

— Да уж, надо отдать тебе должное, заинтересовать собеседника ты умеешь. Теперь я сам буду требовать развернутого ответа. Но сперва скажи: ты уверен?

— Почти. Скажем так, это или Пыль Тысячехвостых Ветров, или некая неизвестная отравка, упоминаний о которой нет ни в одном письменном источнике. Что, конечно, возможно. Но, по моему опыту, маловероятно.

Сэр Джуффин молчал секунд десять. Трубку при этом не набивал. Похоже, действительно был совершенно ошеломлен услышанным. Наконец все-таки взял трубку в руки, задумчиво улыбнулся, сказал:

— Ну значит, Хамбара гений. И ты, сэр Шурф, тоже. Но его, в отличие от тебя, я всегда недооценивал. Теперь рассказывай по порядку. Как ты пришел к такому выводу?

— Следует начать с того, что в библиотеке Иафаха на сегодняшний день насчитывается двести семьдесят шесть книг, в которых так или иначе упоминаются яды, попадающие в организм через органы дыхания. Это, насколько мне известно, наиболее полное собрание в Соединенном Королевстве и, пожалуй, на всей территории Хонхоны; что касается библиотек Уандука, судить не берусь, поскольку знаком с ними лишь поверхностно. Я досконально изучил все тексты и...

На этом месте я впервые в жизни почувствовал себя полным ничтожеством. Никогда прежде чужие достоинства не становились для меня столь веским поводом усомниться в собственных. Узнать, что в Мире есть человек, способный за полдня прочитать двести семьдесят шесть книг, обработать информацию, сделать какие-то выводы, а потом как ни в чем не бывало отправиться на поэтический вечер, — это был серьезный удар. Я-то до сих пор полагал свою способность прочесть за день до экзамена какую-то жалкую дюжину книг практически гениальностью. А оно вон как.

Лонли-Локли тем временем продолжал бубнить:

— Основной общий признак всех веществ, отравляющих дыхание, — их быстрое, я бы даже сказал, мгновенное действие. Собственно, это вполне логично и закономерно: обычно у отравителя есть только один шанс, поэтому он совершенно не заинтересован в ядах, которые необходимо давать жертве в несколько приемов. Такими свойствами обладают только составы, которые люди принимают добровольно. В основном лекарства или любовные зелья, центром производства которых, как вам известно, является Уандук. Я, разумеется, имею в виду не разного

рода приворотные снадобья, а средства, которые принимают оба участника любовной игры с целью расширения своих телесных возможностей и усовершенствования парных отношений.

Грешные Магистры, никогда не думал, что можно так занудно рассказывать о столь захватывающих вещах. Я во все глаза смотрел на Лонли-Локли и думал: какое счастье, что он стал убийцей, а не профессором. В противном случае я бы сошел с ума на первой же его лекции. А так, по крайней мере, до сегодняшнего дня дотянул. Успел хоть немного пожить нормальным человеком.

Сэр Джуффин тоже заскучал.

— Переходи все-таки ближе к делу, — предложил он. — А то сейчас небось уже Королевский приказ привезут. А я так до сих пор и не понял, какое отношение к уандукским любовным зельям имеет Пыль Тысячехвостых Ветров Хеннахха?

— Самое непосредственное. Строго говоря, в основе средства, упоминаемого в ряде заслуживающих доверия источников под названием Пыль Тысячехвостых Ветров Хеннахха, лежит почти неизвестное у нас, но чрезвычайно популярное в Уандуке любовное зелье. Обмен телами, к которому приводит регулярное вдыхание этого аромата, — очень важная часть древнего любовного искусства кейифайев, доработанного и усовершенствованного их потомками. В отличие от традиционного средства, под воздействием которого обмен телами возможен лишь в момент непосредственной физической близости участников процесса, Пыль Тысячехвостых Ветров Хеннахха позволяет совершить обмен между людьми, вдыхавшими ее аромат, не только в разных помещениях, но даже на разных континентах. Причем инициатору обмена даже не нужно синхронизировать свои действия с потенциальной жертвой. Ему достаточно вдыхать аромат каждый день и читать соответствующие заклинания, чтобы быть наготове в тот момент, когда в организме второго участника накопится нужное количество отравы. Не решусь утверждать, что обмен будет окончательным и бесповоротным, — в этом пункте изученные мною источники противоречат друг Другу. Однако все они сходятся в том, что эффект Пыли Тысячехвостых Ветров Хеннахха как минимум долговременный.

— То есть в теле Короля мог надолго поселиться посторонний человек? — Я ушам своим не верил. — И Его Величество сидел бы, как дурак, в чужом теле? Его же небось даже в замок не пустили бы. И ведь ничего не докажешь в такой ситуации, да? Интересно кто?..

— Мне тоже интересно, — согласился шеф. — Причем у нас есть как

минимум два потенциальных источника информации. Но один из них не пришел на поэтический вечер, а второй скрылся в Иафахе. Если мы в ближайшую пару часов не изловим хоть кого-нибудь, способного подробно ответить на все мои вопросы, лично я лопну от любопытства, и выкручивайтесь без меня как хотите... Рассказывай дальше, сэр Шурф. Я правильно понимаю, что процесс обмена — дело очень долгое? Если уж леди Гетти третий рейс кряду пропускает, значит, тех благовоний, что уже попали во дворец, недостаточно?

— Совершенно верно. Для достижения результата требуется от пяти до десяти дюжин сеансов, в зависимости от дозировки, которую в интересующем нас случае отравитель не мог проконтролировать. Причем если прекратить прием средства хотя бы на день раньше, ничего не случится; однако если возобновить его употребление после сколь угодно длительного перерыва, это будет не начало нового курса, а продолжение прерванного. Поэтому я уверен, что сейчас Король в полной безопасности. Но его знахарям и придворным придется проследить, чтобы все запасы благовоний, приготовленных сэром Кетторамой Ачуани, были уничтожены.

— Уже, — отмахнулся Джуффин. — Во дворце не осталось вообще никаких благовоний, ни духов, ни даже безобидного ароматного мыла. Они еще и мебель с коврами из курительных комнат сожгли, и обои ободрали, и полы. Теперь оконные стекла там меняют, перестраховщики.

— Ничего, это не помешает. Я бы, пожалуй, и сам отдал подобное распоряжение, если бы обеспечение безопасности Короля было моей работой. Такие бессмысленные, избыточные действия, как правило, успокаивают людей. А успокоившись, они будут лучше выполнять свои непосредственные обязанности.

Ну, положим, лично я, получив подобный дикий приказ, успокоился бы до такой степени, что немедленно подал бы в отставку. И пожалуй, из столицы уехал бы на всякий случай — мало ли какие санитарные процедуры изобретет начальник дворцовой охраны в следующий раз.

Я бы еще долго об этом думал, тема-то благодатная. Но мои размышления были прерваны внезапным появлением сухонького старичка в безвкусном старомодном лоохи — впрочем, ответственности за выбор одежды ее владелец не нес, такова форма курьеров замка Рулх; немного зная придворные нравы, не думаю, что она претерпит хоть какие-то изменения в ближайшие столетия.

Старичок появился из ниоткуда прямо перед столом шефа, виртуозно исполнил сложное акробатическое упражнение, которое при Королевском дворе считается обыкновенным умеренно почтительным поклоном,

развернулся на сто восемьдесят градусов, сделал шаг в сторону и благополучно исчез. Надо же, оказывается, дворцовые курьеры — и те Темным Путем ходить обучены, один я, как дурак, в амобилере езжу.

— Ну, хвала Магистрам, — вздохнул шеф. — Я уже гадал, не затянется ли эта канитель до утра. Однако Его Величество герой. Верховного Писаря и Хранителя Королевской Печати со свитой из теплых постелей вытряхнуть — это вам не войну какую-нибудь дурацкую выиграть.

Причем, похоже, он не шутил.

Однако вместо того, чтобы вскакивать и, размахивая долгожданным Королевским приказом, бежать в направлении Иафаха, сэр Джуффин подлил себе камры и задумчиво уставился на меня. Словно я был выставленным на продажу креслом, и он прикидывал, как я буду смотреться в гостиной.

— Я вот о чем думаю, — наконец сказал он. — Если мы сейчас заявимся, как положено, через Явный вход, застрянем на пороге как минимум на полчаса. Пока дежурные доложат Магистру Нуфлину о причинах нашего визита, пока тот всласть поорет, топая ногами, пока сообразит послать зов Королю, пока будет с ним препираться, а ведь потом снова вопить и ногами топать придется, да еще и парадную мантию надевать, чтобы выйти нам навстречу... Короче, за это время даже самый недалёковидный злодей успеет понять, что территория Иафаха не такое уж безопасное убежище, и унести оттуда ноги. Поэтому...

— А что, хорошая идея, — ухмыльнулся сэр Кофа.

Хотя ничего конкретного шеф пока не предложил.

— Рад, что вам нравится. Однако я все же озвучу ее вслух. Хотя бы ради широко распахнутых глаз сэра Мелифаро. Они того стоят. А вы, конечно, идите. Чем бы мы тут ни занимались, а жизнь не стоит на месте, ваша правда.

Сэр Кофа кивнул, поднялся и вышел. Мы остались втроем. И я понял, что очень устал, — не потому что вскочил ни свет ни заря, а потом весь день носился по делам и конца этому не видно. То есть физическое переутомление тоже имело место, но оно ни в какое сравнение не шло с тем, как я устал ничего не понимать. Ну, скажем так — понимать гораздо меньше, чем все остальные.

— Просто мы очень давно работаем вместе, — утешил меня шеф. — Так давно, что Кофе в большинстве случаев даже мои мысли читать не надо. И сэру Шурфу тоже. Просто он пока вежливо воздерживается от комментариев — подозреваю, неодобренных.

— Я так и подумал, что мое мнение по данному вопросу вам, во-первых, вполне ясно, а во-вторых, совершенно безразлично, — флегматично сказал Лонли-Локли. — Неразумно высказываться в тех случаях, когда не можешь повлиять на решение.

В его словах не было ни капли горечи. Таким тоном люди обычно говорят об очевидных и в то же время малозначительных вещах — о, да у вас тут окно открыто. И все в таком роде.

— В данном вопросе для меня действительно имеет значение только мнение сэра Мелифаро, — неожиданно заявил шеф. — Если ему моя идея тоже не понравится, обойдемся без развлечений, сэр Шурф.

Тот только плечами пожал. Дескать, делайте что хотите, лишь бы мне о судьбе Вселенной думать не мешали — так это выглядело.

— Значит, такое предложение, — сэр Джуффин перешел на бодрую деловитую скороговорку, которая в его исполнении обычно звучит как заклинание, побуждающее слушателей поверить, будто оратор озвучивает их самые сокровенные желания. — Ты, сэр Мелифаро, вламываешься в Иафах через Явный вход — дескать, знать ничего не знаешь, за Королевским приказом ехать времени не имеешь, у тебя здесь преступник только что скрылся, подать его сюда, и точка.

Я ушам своим не поверил:

— Думаете, они меня пропустят?

— Ни в коем случае не пропустят. Да это и ни к чему. Твоя задача — поднять шум. И шуметь как можно дольше, чтобы все свободные от дел адепты Ордена сбежались и занятые начали понемногу подтягиваться. Минуты три продержишься — цены тебе не будет. За это время мы с сэром Шурфом как раз успеем проникнуть в Иафах через тайную калитку и взять добычу. В худшем случае — хотя бы ее след. Королевский приказ у меня, так что о нарушении закона потом, задним числом, никто и пикнуть не посмеет... Ну как, рискнешь?

— Почему бы нет, — я пожал плечами. — Только не понимаю зачем? Просто для смеха?

— Рад, что ты уже так хорошо меня изучил, — ухмыльнулся шеф. — «Просто для смеха» — эта идея чрезвычайно близка моему сердцу. Однако в данном случае все не так просто. Видишь ли, у членов Ордена Семилистника есть одно сильное место — безопасность. Будь я зол на язык, сказал бы, что они на этом натурально помешаны. Все Магистры и даже некоторые послушники способны мгновенно учуять появление чужака на своей территории и дать ему отпор; все бы ничего, но я не готов нынче же ночью развязать новую гражданскую войну. Работы тогда

прибавится — даже думать об этом не хочу... Обычно, когда я наношу неофициальный визит в Иафах, от их пристального внимания меня прикрывает леди Сотофа, но сейчас ей не до того — по моей просьбе она сейчас поддерживает территорию Иафаха в состоянии, не допускающем возможности использовать Очевидную магию. Деяние достойное древних легенд. На мой взгляд, почти невозможное. Даже не представляю, как она это делает, однако — делает. Причем обещала в случае большой нужды до утра продержаться.

— Но тогда получается, предосторожности ни к чему, — заметил я. — Если на территории Иафаха сейчас нельзя колдовать, зачем беспокоиться о нашей беглянке? Ну поймет она, что за ней явились, ну забьется в самый дальний угол, ну поволнуется полчаса — что тут не так?

— Это, конечно, хорошо, что ты хочешь во всем разобраться, — вздохнул сэр Джуффин. — Плохо только, что теория у тебя пока хромает. Остается как минимум возможность уйти на Темную Сторону. Если наша девочка этому обучена — все, привет. Ищи ее потом. Ну то есть я-то найду, но времени потеряем море... Кстати, мы уже довольно долго именно этим и занимаемся. Так что пошли. Глаза только закрой, а то, чего доброго, застрянешь.

Я не то что про «темную сторону» переспросить — опомниться не успел, а он выдернул меня из кресла и потащил за собой. Я успел увидеть, как меркнет свет, размываются контуры предметов и пространство стремительно смешивается в блеклую, невнятную кашу, а потом все-таки благоразумно зажмурился и не открывал глаза, пока шеф не пихнул меня локтем в бок:

— Что, решил воспользоваться случаем и вздремнуть? Прости, сэр Мелифаро, но для тебя уже наступило утро.

— Хреновое какое-то утро, — вздохнул я, оглядываясь по сторонам.

Темень была такая, что даже зоркому угуландскому глазу зацепиться особо не за что. Глухая безлунная ночь, да еще и небо тучами заволокло, как по заказу. Но высоченную каменную стену я все-таки углядел.

— Ограда Иафаха?

— Она самая, — подтвердил сэр Джуффин. — Теперь тебе налево, а нам направо. Только уж будь добр, пошуми как следует. Качественно, от всего сердца.

Между нами неожиданно возник Лонли-Локли. Тоже, надо понимать, Темным Путем прискакал. В темноте его просторные белые одеяния были так похожи на зыбкие очертания призрака, что я бы, будь моя воля, воспользовался случаем и запретил ему находиться на территории столицы.

— И все-таки мне кажется, что я должен быть рядом с сэром Мелифаро, — неожиданно объявил он.

Именно в этот момент я окончательно и бесповоротно отказался от сладостной мечты замуровать этого типа в стене деревенской школы. И даже не потому, что он так явно обо мне беспокоился. Просто впервые на моей памяти Лонли-Локли повел себя совершенно как живой человек. То есть похоже, был готов не только ввязаться в спор с начальством, но и, страшно сказать, огорчиться, если не удастся настоять на своем. А то и, чем только Темные Магистры не шутят, рассердиться.

Зато нашего шефа способность сердиться, похоже, покинула.

— Мне очень нравится твое предложение, сэр Шурф, — мягко сказал он. — Несмотря на то что оно никуда не годится. И ты сам знаешь почему. При всем желании я не смогу потом выдать тебя за молодого горячего сотрудника Тайного Сыска, который в азарте погони не сообразил посоветоваться с начальством, а потому не ведал, что творит. А несколько лет отдыха в Холоми в твоей ситуации — роскошь непозволительная. Ты имей в виду, я и сам не в восторге от того, что приходится...

— Думаю, вы-то как раз в восторге, — сухо сказал Лонли-Локли. — Впрочем, по существу мне возразить нечего.

— В Семилистнике отродясь неставляли вооруженную охрану, — заметил шеф. — Полагались на магию. А сейчас...

— Да, я помню, что в данный момент на территории Иафаха невозможно колдовать, — согласился сэр Шурф. — Однако если несколько дюжин человек захотят убить одного, это вполне можно сделать без магии. И даже без оружия.

— Зато мы можем быть совершенно уверены, что сэра Мелифаро не превратят в какую-нибудь пакость, которую не то что расколдовать, а и в руки-то взять противно, — оптимистически заметил шеф.

Приободренный его словами, я отправился к Явному входу в Иафах. По дороге старался вообразить, как я гнал за красоткой Хони от самой улицы Поющих Рыб и ее новенькое алое лоохи трепетало на ночном ветру. Так вошел в роль, что дыхание сбилось, будто и правда бежал через весь Старый город и уже почти настиг вожделенную преступницу, как вдруг она... Кстати, интересно, а что — она? Перемахнула через стену? Или прошла ее насквозь? Даже не знаю, какая версия более дурацкая, одна надежда, что слушать меня будут не слишком внимательно. А все равно стыдно так глупо, по-детски врать незнакомым людям, могущественным колдунам, пусть даже из Семилистника.

Однако когда передо мной распахнулись Явные ворота Иафаха, я и думать забыл о таких пустяках, как стыд. Заорал во всю глотку: «Здесь скрылась отравительница, покусившаяся на Короля!» — и не покраснел. Может быть, потому, что сам себя не слышал, только гул в ушах и непереносимо громкое биение собственного сердца, которое, похоже, приобрело форму колокола и размеры, значительно превышающие объем отведенного ему тела.

О том, как я в одиночку штурмовал Иафах, в Ехо потом — ну не то чтобы слагали легенды, но судачили до конца года. Очень долго по столичным меркам. История передавалась из уст в уста, обрастая подробностями, одна другой достовернее. Источником этой информации мог оказаться кто угодно, только не я сам. Сказал бы, что все было как во сне, однако сны я, как правило, запоминаю гораздо лучше. А тут — только отдельные эпизоды, причем, чтобы установить между ними связь, мне приходится призывать на помощь не память, но логику.

Семь человек в бело-голубых форменных лоохи преградили мне путь. Теоретически, у них были все шансы незамедлительно выдворить меня обратно за ворота, но стражи замешкались, ошалев не то от моей наглости, не то от информации, содержащейся в моих бессвязных воплях.

— Отравительница! — кричал я. — Его Величества! В алом лоохи! Скрылась! По моде прошлого сезона! Здесь! Я сам видел! Помогите же мне! Ловите ее! — А сам думал: надо продержаться три минуты. Всего какие-то несчастные три минуты, что тебе стоит. И время уже пошло.

Кровь стучала в висках, отмеряя секунды, — то есть я очень надеялся, что именно секунды, а не их сотые доли.

Я всегда знал, что даже одна минута — это очень много. Но до сего дня не подозревал насколько. Я уже несколько раз повторил свое судьбоносное заявление, краем уха услышал ответные реплики, что-то насчет неприкосновенности территории Ордена и необходимости предъявить специальный Королевский приказ, а прошла в лучшем случае дюжина секунд, никак не больше. Пропускать меня, ясное дело, никто не собирался. Зато из глубины сада уже приближались новые бело-голубые силуэты, по моим примерным прикидкам, никак не меньше трех дюжин. С одной стороны неплохо — всеобщее внимание я к своей персоне, похоже, привлек, шеф будет доволен. А с другой стороны, вытолкать меня в шею для такой большой компании — плевое дело. И что теперь?

Пока я раздумывал, мое тело самостоятельно приняло решение и совершило вполне самоубийственный, но единственно верный в данной ситуации поступок — со всей дури въехало правым кулаком в ближайшую

челюсть, левым — в чью-то иронично изогнувшуюся бровь, а потом, воспользовавшись наступившим замешательством, юркнуло в щель, каким-то чудом образовавшуюся в шерстяной бело-голубой стене, и безошибочно метнулось в ту сторону, откуда приближалось навстречу минимальное число потенциальных противников. Оно щедро раздавало тумаки, уворачивалось от ответных ударов и на всякий случай продолжало выкрикивать слова, казавшиеся ему спасительными заклинаниями: «убийца», «помогите», «Король», «догнать».

Что касается предложения догнать, адепты Семилистника поддерживали его всей душой. Разошлись лишь наши мнения касательно объекта преследования. Им казалось, что для начала следует изловить меня; понимая и всецело разделяя чувства этих добрых людей, я, однако, никак не мог согласиться с ними по существу.

Почему они меня все-таки не догнали — это отдельный вопрос. Единственное разумное объяснение — Магистры потратили слишком много времени на привычные заклинания, а убедившись, что магия почему-то перестала работать, растерялись до такой степени, что не сразу сообразили, что в данном случае можно удовольствоваться обычной физической расправой. К тому моменту когда правильное решение наконец созрело в разгоряченных головах моих преследователей, я уже забрался в самую глубину сада, больше напоминавшую лесную чащу, чем ухоженную территорию.

— Убийца Короля в Иафахе! — кричал я, петляя, как заяц, а сам думал: хвала Магистрам, что так и не успел поужинать. Пустое брюхо оказалось моим секретным оружием, единственным шансом на спасение.

Юркнув в густые заросли цветущих кустов, которые при обычных обстоятельствах могли бы даровать мне убежище максимум секунды на две, я достал из кармана шиншийскую пилюлю, так и не понадобившуюся мне в доме Хамбары Гаттона. Кинул ее в рот и сразу проглотил как миленький, не запивая и не плюясь, видела бы это моя бедная мама, глазам своим не поверила бы. А потом понесся дальше. Я, конечно, доверял обещанию сэра Джуффина, что пилюля сделает меня невидимкой, но не настолько, чтобы вот так сразу расслабиться и перевести дух. Тем более шеф говорил, все могущественные колдуны чужой запах чувят, как звери. Если так, оставаться на месте мне уж точно не стоило.

Судя по непечатным возгласам у меня за спиной, преследователи были окончательно сбиты с толку. Только после этого я догадался поднести к лицу собственные руки и содрогнулся, не увидев ничего. Хотя, по идее, чего тут содрогаться. Радоваться надо, что все получилось.

Наконец я позволил себе перейти на шаг. Погоня осталась так далеко, что я уже и несущиеся мне вслед проклятия толком не разбирал. Интересно, думал я, сколько все это продолжалось? Вряд ли все-таки целых три минуты. Но хоть две с половиной, а? Вполне может быть. К тому же они теперь еще какое-то время будут меня искать и коллег на помощь позовут, так что все, похоже, получилось. И кстати, хорошо бы теперь найти способ отсюда выбраться. Сам дурак, что заранее не спросил, но и шеф молодец — оставил меня без инструкций. Или он просто не предполагал, что я уйду от погони? А мое окровавленное тело, конечно, можно забрать в любое время. Хорош господин Почтеннейший Начальник, нечего сказать.

Впрочем, я тут же сообразил, что могу послать ему зов. И замедлил шаг, пытаюсь сосредоточиться. Сейчас это было не так-то просто. Шум в ушах и оглушительный грохот все еще молотящего по ребрам сердца заполнили все мое внутреннее пространство и не желали уступать ни пяди завоеванной территории. Сказал бы мне кто прежде, что бывают ситуации, когда Безмолвной речью воспользоваться непросто, засмеял бы.

Я бы, безусловно, справился с этой проблемой. Но не успел. Потому что кто-то бесшумно подошел сзади, обнял меня крепко-крепко и отпускать явно не намеревался.

Попался, обреченно подумал я.

— Попался, — тихо хихикнул девичий голосок, больше похожий на птичий щебет.

Хони, изумился я. Пока они ее там ловят, она, значит, тут на меня засаду устроила. Как разглядела-то?

Но это была не Хони. Зря я обольщался. Откуда-то из-под моего локтя вынырнула маленькая пухленькая румяная старушка. Если бы не белоголубые Орденские одежды, я бы решил, что она пришла в Иафах проведать любимого внука и случайно наткнулась на меня.

Однако хватка у бабушки оказалась железная. Мои попытки высвободиться не произвели на нее никакого впечатления. Похоже, старая леди вообще не заметила, что я желаю вырваться из ее ласковых ручек.

— Пойдем-пойдем-пойдем, — щебетала она, увлекая меня за собой. — Такой хороший мальчик и такой невидимый, смотреть не на что. И голодный небось. Сколько же ты не ел ради этой дрянной шиншийской пилюли? С утра?

— Ну да. Получается, с утра. — Я так растерялся, что поневоле втянулся в беседу.

— Сейчас мы это исправим, — пообещала старушка. — Оставаться

невидимкой тебе больше ни к чему. Король Джуффину такую бумагу выдал, что с ней дюжину таких как ты из Иафаха вывести можно. Еще и оркестр потребовать, если приспичит.

У меня отлегло от сердца. Если чудная старушка в курсе, что у шефа Королевский приказ за пазухой, вряд ли она потащит меня к своему начальству на расправу.

Хотя, конечно, когда она потребовала, чтобы я становился на четвереньки и лез в нору чуть пошире лисьей, я засомневался, разумно ли поступил, что с ней связался. Однако полез без пререканий — такова была сила обаяния моей спутницы. Отказать ей решительно невозможно. Ни в чем. Ни при каких обстоятельствах. Хотя думать при этом можно все что угодно. Чем я и воспользовался, пока карабкался через этот ее лисий лаз. Такого передумал, что до сих пор удивляюсь, как земля не содрогнулась и не погребла нас навек.

Впрочем, неприятное путешествие оказалось довольно коротким. Я и дюжины проклятий сочинить не успел, как впереди замаячил яркий свет, своды норы расступились и я оказался в просторной садовой беседке, увитой зеленью и щедро освещенной небольшими, но яркими фонарями. В центре беседки был накрыт стол, во главе которого, удобно развалившись в плетеном кресле, восседал сэр Джуффин. На плетеном же диване с горем пополам устроился Лонли-Локли — прямая спина, строгое лицо, руки в нелепых защитных рукавицах, прикрывающих его Перчатки Смерти, сложены на коленях. Рядом с ним сидела красотка Хони в моем алом лоохи, с видом столь безучастным, словно была неуспевающей старшеклассницей, чьих родителей в очередной раз вызвали к директору школы и теперь хочешь не хочешь, а придется какое-то время скучать, выслушивая нотации, которые, в отличие от содержимого учебников, давным-давно вызубрены наизусть.

На меня никто из присутствующих и не взглянул. Я чуть было не разобиделся всерьез — могли бы и поприветствовать утомленного героя, — но вовремя вспомнил о собственной невидимости. Пилюле-то все равно, среди своих я или нет, ее дело маленькое — заказывали? получите.

— Вот вам ваш мальчик, — сказала появившаяся в беседке следом за мной старушка. — Невидимый, конечно, ну да какой есть.

— Грешные Магистры! — восхитился шеф. — Ай молодец, сэр Мелифаро. Мало того что устроил тут переполох столетия, так еще и слопать шиншийскую пилюлю вовремя догадался. Ничего, ничего, сейчас ты у нас быстренько видимым станешь. Леди Сотофа в кои-то веки расщедрилась на угощение. В последний раз она кормила меня, когда... А

вот, кстати, даже и не припомню.

— Не заливай, Джуф, — отмахнулась моя спутница. — В тот день, когда ты по милости Нуфлина лишился секретарши, — надо же было как-то тебя утешить. С тех пор еще и пяти лет не прошло.

Я тем временем во все глаза пялился на румяную старушку. Леди Сотофа Ханемер — ну надо же! Я-то думал, у самой могущественной ведьмы Ордена Семилистника пылающий взор, профиль, как у хищной птицы, тонкие смуглые руки и голос, выворачивающий сердце наизнанку.

Похоже, она заметила мое удивление. Во всяком случае, укоризненно сказала:

— Человеку, который в настоящий момент вовсе лишен какого бы то ни было облика, должно быть вполне ясно, что внешность не имеет значения. Вернее, имеет, но сугубо прикладное — как, к примеру, одежда. Что уместно в одной ситуации, совершенно неуместно в другой. И так далее. Ты лучше ешь давай. Пользуйся случаем. Мои девочки очень неплохо готовят.

— Спасибо, — вежливо сказал я. А прежде чем наброситься на еду, спросил шефа: — Как же вы так быстро всё успели?

— Ну, честно говоря, не настолько быстро, как рассчитывал, когда просил тебя продержаться три минуты. Но ты превзошел мои самые смелые ожидания, подарил мне целую четверть часа. Даже больше, веселье-то до сих пор продолжается, просто здесь не слышно. Королевский подарок, сэр Мелифаро, век не забуду!

Я был порядком озадачен. Удивительная, оказывается, штука время. Стоит остаться без часов, под тиканье которых мы все движемся с более-менее одной скоростью, и тут же выясняется, что у каждого время свое, просто нечасто выпадает случай сравнить. Вот и в мои две с половиной минуты уместилась четверть Джуффинова часа. Интересно, это всегда так или только в экстремальных ситуациях? И если всегда, насколько же больше в таком случае он должен успевать? Уму непостижимо.

Подсчеты, впрочем, не помешали мне наброситься на еду, которая и правда была чудо как хороша. Действие ее сказалось почти незамедлительно. Проглотив всего пару кусков, я увидел собственную руку, вооруженную двузубой вилкой, и другую, сжимающую надкусанный пирожок. Руки были прозрачными — в точности как у давешнего призрака.

— Ну вылитый Обжора-хохотун, — одобрительно заметил шеф. — Ты бы еще посмеялся, что ли, для полного сходства.

— Не до смеха пока, — с набитым ртом огрызнулся я. — Голодный, как дюжина вурдалаков. Может быть, позже. — И перешел на Безмолвную

речь, чтобы задать вопрос, который давно меня мучил: «А почему леди Хони так спокойно сидит? Сосед по застолью ей, конечно, суровый достался, не спорю. Но на ее месте я бы, пожалуй, еще поборолся».

— На его месте ты бы тоже сидел смирно, — вслух ответил сэра Джуффин. — Леди Сотофа любезно наложила на нашего пленника простое, но эффективное заклятие. Теперь он способен противостоять обстоятельствам примерно с тем же успехом, как платяной шкаф, который везут из лавки в дом. Однако при этом все видит, слышит и прекрасно понимает. Изощренная пытка. На мой взгляд, даже слишком. Жестокосердие ведьм Семилистника не знает границ, я всегда это говорил.

— Ничего, — отмахнулась леди Сотофа. — Потерпит. После того что этот проходимец сделал с моей девочкой, я еще слишком ласково с ним обошлась. С другой стороны, не могла же я сожрать его целиком, не оставив ни кусочка старинному дружку.

— Спасибо. — Сэр Джуффин, не вставая с кресла, изобразил нечто вроде поклона. — Ты всегда знаешь, чем меня порадовать.

— Погодите, — ошеломленно сказал я. — Именно «он»? То есть «пленник», а не «пленница»? А я-то, дурак, с куманским мороженым подъезжал. Выходит, даже хорошо, что мы так и не поцеловались... Ну ничего себе маскировка!

— Прости, сэра Мелифаро, забыл представить тебе нашу общую добычу. Старший Магистр Ордена Решеток и Зеркал Махони Анмахони к твоим услугам. Вернулся, понимаешь, из изгнания, только его нам здесь не хватало... Но его нынешняя внешность — не обычная маскировка. Ты, пожалуй, мог бы и сам догадаться, если бы немного подумал. Человек, затеявший обмен телами с Королем, был просто обязан сперва проверить, как это сработает. И для первого эксперимента Магистр Махони выбрал не абы кого, а послушницу Семилистника, поскольку к ее симпатичному телу прилагалось надежное убежище в Иафахе, о таком ни один заговорщик до сих пор мечтать не смел. Девочка, как и положено неопытной юной барышне, по уши втрескалась в таинственного незнакомца и с удовольствием втянулась в предложенную им игру с зельями из Куманского Халифата. Послушно вдыхала благовония в надежде на невиданную доселе близость с возлюбленным. Ну вот, донюхалась. Хорошо, хоть этот засранец дорожит собственным телом, так что девочка в полном порядке. По улицам, хвала Магистрам, с криками не бегают, к маме вернуться не пытается, а спит себе, где положили, и видит сладкие сны. Надеюсь, леди Сотофа поможет влюбленным воссоединиться — не друг с дружкой, а с собственными телами. И уши своей подопечной потом надерет, чтобы

впредь неповадно было.

— Вот это как раз совершенно ни к чему, — возразила леди Сотофа. — Девочка получила прекрасный опыт, я бы сама при всем желании не сумела устроить для нее более полезное приключение. Из юных леди, обиженных на весь мир в лице вероломного возлюбленного, получают бойкие и бесстрашные ведьмы. А обида обычно незаметно проходит в процессе учебы. Магия меняет людей, сам знаешь.

— Знаю, что меняет. И далеко не всегда в лучшую сторону, — ухмыльнулся сэр Джуффин. — Взять хотя бы тебя...

В голову ему полетела шелковая подушка. Шеф поднял руку, и подушка затормозила у самого кончика его носа. Немного повисела в воздухе, пискнула тоненьким голоском: «Да ну вас всех» — и шлепнулась на пол.

— Ага, получается, на территории Иафаха снова можно колдовать, — пробормотал я себе под нос.

Сотофа и Джуффин переглянулись и звонко расхохотались. Я дождался, пока они успокоятся, и продолжил:

— Следовательно, за мной сейчас прибегут. Вы уж не выдавайте.

— Ерунда, — отмахнулась леди Сотофа. — Ешь спокойно, мальчик. Сюда без моего приглашения никто зайти не может.

— И даже Великий Магистр? — на всякий случай уточнил я.

— Он — в первую очередь, — заверил меня шеф. Леди Сотофа укоризненно покачала головой, но по существу возражать не стала.

— А ты-то чего такой мрачный, сэр Шурф? — спросила леди Сотофа. — И не ешь ничего. Совсем загонял тебя этот злодей?

Она говорила с Лонли-Локли так ласково, словно он был ее любимым внуком.

— Нет, что вы. Разумеется, меня никто не загонял. Напротив, в последнее время у меня совсем немного работы; сегодняшний день стал приятным исключением. В любом случае большое вам спасибо за заботу, — ответил тот тоном столь равнодушным, что лично я на месте леди Сотофы зарекся бы с ним разговаривать. Но она только заулыбалась шире прежнего.

— И все-таки готова биться об заклад, что в твоей умной голове поселилась большая печальная мысль. И счастье, если только одна! Потому что пара, как известно, может дать потомство, и будешь ты его кормить и воспитывать до конца времен.

— Ну я бы не сказал, что мысль именно печальная. И вряд ли она покажется вам интересной. Просто каждый раз, когда я вижу человека,

разменявшего уникальное тайное знание на медные горсти, напоминая себе, что всякая тайна нужна лишь затем, чтобы идти дальше...

— Хороши «медные горсти», — ухмыльнулся сэр Джуффин. — Ты только прикинь, сэр Шурф, чего можно успеть наворотить, оказавшись в Королевском теле хотя бы на сутки. А Пыль Тысячехвостых Ветров Хеннахха, как я понял из твоих же объяснений, действует гораздо дольше.

— Возможно, до самой смерти, — согласился Лонли-Локли. — Вы правы, сэру Анмахони, безусловно, удалось бы перекроить историю. Но даже это кажется мне ничтожным достижением в сравнении с перспективами, которые могли бы открыться перед человеком, заинтересованным в познании как таковом.

Не знаю, как насчет познания и связанных с ним перспектив, а вот картина катастрофы, которую мы, похоже, уже благополучно предотвратили, только сейчас нарисовалась перед моим внутренним взором. Это, выходит, моя глупая обида на бывшую подружку брата спасла Соединенное Королевство от новой гражданской войны? Ну ничего себе. С другой стороны, тогда и Кодекс Хрембера наверняка отменили бы. Так что еще вопрос, надо ли было?..

— Еще как надо, — твердо сказал сэр Джуффин, глядя мне в глаза.

Я уже почти привык к тому, что он постоянно в курсе моих размышлений, но именно сейчас это было совершенно некстати.

Но шеф не стал ни сердиться, ни даже насмехаться.

— Напомни мне потом на досуге, чтобы я рассказал тебе о войне за Кодекс. Зачем она была нужна, почему я принял сторону Короля и Семилистника и...

— Ну как — почему? Просто они больше платили, — перебила его леди Сотофа.

— Эй, не сбивай мальчика с толку. Лет через двадцать у него будет больше шансов понять твои шутки, вот тогда — пожалуйста. — Сэр Джуффин снова повернулся ко мне: — Давно пора заняться твоим образованием, да руки не дошли. А сейчас, увы, не время и не место. До утра всего несколько часов осталось, а у нас еще мой добрый друг Хамбара не изловлен. И с Магистром Нуфлином пора бы нам все-таки поругаться. Чего откладывать.

Из его слов я заключил, что сейчас сюда все-таки явится Великий Магистр Ордена Семилистника Нуфлин Мони Мах, и поежился. Не то чтобы я его всерьез боялся, но чувствовал себя чем-то вроде нашкодившего на чужой территории кота, вот и приготовился к выволочке. Положение спасла леди Сотофа.

— Не нужно тебе сейчас с Нуфлином встречаться, Джуф, — твердо сказала она. — Нос ты ему лихо утер. И Королевский приказ у тебя в кармане, и отравитель действительно в Иафахе прятался, и мальчика твоего не поймали, — вот сиди тихо и радуйся. Злорадство дело хорошее, но меру надо знать. Старик еще после случая с тем богатым мальчишкой толком не оправился, и тут — нате вам, снова ты его переиграл. Это же никаких нервов не хватит. Лучше я сама с ним поговорю. Дам объяснения, которые будут удобны для всех, заодно и девочку свою прикрою, не хочу, чтобы у нее потом были неприятности. А вам я сейчас тихонько, без лишнего шума, открою Темный Путь прямо отсюда — при условии, что сэр Шурф все-таки попробует сырный пирог. В противном случае придется навек замуровать его в этой беседке. И вас за компанию, чтобы свидетелей не оставлять.

— Ух разошлась! — ухмыльнулся шеф. — Ладно, твоя правда, разбирайся с Нуфлином сама. Только моей довольной рожи бедняге сейчас не хватало... Сэр Шурф, ты все слышал? Судьба Тайного Сыска в твоих руках.

— Да, я слышал, — флегматично отвечивал тот, отправляя в рот кусок пирога. — Сами видите, все, что мог, я для нашего освобождения уже сделал.

Грешные Магистры, изумился я, неужели он пошутил? Но, присмотревшись к Мастеру Пресекающему Ненужные Жизни повнимательнее, выкинул эту неправдоподобную версию из головы. Чего только не померещится.

Леди Сотофа подошла к господину Почтеннейшему Начальнику, положила руку ему на плечо.

— До скорой встречи, старый пройдоха, — нежно сказала она. — Только смотри не трогай Махони, пока он...

— Не доверяешь ты мне, — усмехнулся шеф.

— Доверяю. Просто эта девочка — моя ответственность. Я за ней не углядела, даже долгая отлучка меня не насторожила. Многие девчонки поначалу от меня к маме сбегают. Потом, конечно, возвращаются, порой через несколько лет, зато всегда сами, никто их не неволит. А у этой вся родня в Ландаланде, не ближний свет, вот я и махнула рукой — ничего, побегаёт туда-сюда и вернется... И хотела бы сказать, что Махони мне глаза отвел, да уж куда ему. Сама, выходит, и виновата. И о теле ее теперь позаботиться просто обязана. Не переживай, завтра же поменяю их местами. Я уже знаю как. Просто на это несколько часов надо, а сейчас их у меня нет.

— Знает она, — проворчал сэр Джуффин. — Все-то она знает...

— Не все, — утешила его леди Сотофа. — Только то, что совершенно необходимо.

Потом шеф ухватил меня за шиворот, я привычно зажмурился, а секунду спустя, когда я открыл глаза, мы уже были в своем кабинете.

— Я тебя, конечно, совершенно бесцеремонно весь день таскаю, — сказал сэр Джуффин. — Кошки со своим потомством и то любезнее обходятся. Но сам видишь, такой уж сегодня день. Зато твое тело запоминает, что такое Темный Путь. Потом так просто будет научиться — ты удивишься. А пока мы в очередной раз сэкономили кучу времени, и ты вполне можешь употребить его на сон. Только учти, домой ехать бессмысленно. Через час, максимум полтора ты мне опять понадобишься.

— А что, еще не все? — удивился я.

Я, конечно, помнил, что Хамбара Гаттон пока разгуливает на свободе — в этом своем ужасном коротком лоохи и теплой не по сезону скабе. Но в глубине души надеялся, что шеф его как-нибудь сам поймает, по старой дружбе.

— Ну что ты, — усмехнулся сэр Джуффин. — По сравнению с тем, что ждет нас впереди, считай, еще ничего толком и не начиналось.

Нечего сказать, обнадежил.

Впрочем, уснул я даже раньше, чем успел как следует устроиться в кресле. И спал как убитый, пока на плечо мне не опустилась тяжелая рука.

Рука принадлежала не шефу, а Лонли-Локли, это я даже сквозь сон понял. Впрочем, пробуждение от его прикосновения оказалось вовсе не столь ужасным, как я себе представлял, послушав его Безмолвную речь. Но и приятным такое событие тоже не назовешь. Главное, чтобы будить меня не вошло у него в привычку, мрачно подумал я. А то даже не знаю, выживу ли.

— Мама жаловалась, что, когда я был маленький, вечно вставал ни свет ни заря и ей спать не давал, — сказал я, с трудом подавив чудовищный зевок. — Теперь думаю: грешные Магистры, какой же я был дурак! Надо было впрок отсыпаться.

— К сожалению, отоспаться впрок невозможно, — совершенно серьезно сказал Лонли-Локли. — Я пробовал.

— Зато с нами интересно, — заметил сэр Джуффин. — Скажешь, нет? Поди ему возрази.

— А дальше будет еще интереснее, — пообещал шеф. — Как только ты выпьешь камры.

— И я, если можно, выпью, — раздался голос свыше. В смысле, откуда-то с потолка.

Я задрал голову и обнаружил там старого знакомого. Призрак, в отличие от меня, был бодр и весел, убедительная реклама преимуществ загробной жизни, хоть сейчас ложись и помирай.

— Конечно, господин Магарас, — согласился шеф, снял с жаровни кувшин и наполнил две кружки, мне и призраку. — Только про наш уговор не забывайте. Сэра Мелифаро сейчас смешить не нужно. Ему и так нелегко.

— Чистая правда, — с жаром подтвердил я. — А что леди Гетти? Спать легла?

— Кто ее знает, может, и легла, если до корабля уже доехала, — пожал плечами сэра Джуффин. — Хотя дел у нее там сейчас, пожалуй, побольше, чем у нас.

— Так вы ее все-таки отпустили? — Я ушам своим не поверил.

— Конечно, как и обещал. Ты же сам слышал.

— А как же?.. — начал было я.

Шеф понял меня с полуслова.

— Ты имеешь в виду — следствие, суд? Леди Гетти как минимум важный свидетель, если не соучастница, да?

Я кивнул.

— Ну так вот, сэра Мелифаро. Пей свою камру и слушай меня внимательно, пригодится. Леди Гетти — не только невольная соучастница, но и в первую очередь жертва преступления. Вспомни, в каком состоянии ты ее нашел. О моральном ущербе и говорить не стану, сам понимаешь, каково ей было узнать, что сердечный дружок просто использовал ее как поставщика отравы. С этим ты согласен?

Я снова кивнул и подлил себе камры.

— Этот Хамбара Гаттон — подлец, каких мало, — высказался призрак. — Как он мог? Это же не кто-нибудь, а наша леди Гетти. Второй такой в Море нет.

Он говорил с пылом школьника, безнадежно влюбленного в королеву.

— Когда писался Кодекс Хрембера, — продолжил сэра Джуффин, — мне не удалось настоять, чтобы в него вошел отдельный закон о приоритете интересов жертвы. Смысл в том, что жертва преступления не должна испытывать ни новых страданий, ни даже обычных неудобств от действий следственных и судебных властей. Магистр Нуффин, собственно, и зарубил мое предложение — раскричался о требованиях безопасности, а время-то было непростое: после ста лет непрерывной войны все взвинчены,

настороже, на нервах; стоило кому-то из спорщиков первым сказать слово «безопасность», и большинство тут же на его стороне. Но старый Король был великодушен, дальновиден и к тому же чрезвычайно хитер. Благодаря ему не вошедшая в Кодекс статья о приоритете интересов жертвы превратилась в один из пунктов секретной служебной инструкции Канцелярии Скорой Расправы. Поэтому отпустить леди Гетти было нашей обязанностью, а вовсе не мягкосердечным поступком, как ты наверняка подумал. Делу от этого, впрочем, никакого вреда — самопишущую табличку с показаниями леди перед уходом подписала, а больше ничего и не требуется.

— Рад за нее, — сказал я. — И за все Соединенное Королевство заодно. Надо же, вроде худо-бедно выучился на юриста, а не знал, что у нас есть такие прекрасные законы.

— Не законы, а служебные инструкции. Их студентам знать не положено. И если сэр Шурф сейчас скажет, что тебе просто надо было подольше посидеть в библиотеке, я первым плюну в его кружку, не дожидаясь, пока это сделаешь ты.

— На самом деле в старой Университетской библиотеке вполне можно получить доступ к копиям черновиков служебных инструкций разных ведомств, в том числе и Канцелярии Скорой Расправы, — хладнокровно заметил Лонли-Локли. — Впрочем, для этого надо, во-первых, знать, что ищешь, а во-вторых, завязать близкие, доверительные отношения с библиотекарем. Поэтому в данном случае было бы несправедливо упрекать сэра Мелифаро в недостаточном рвении.

Надо же, язвительно подумал я, ушам своим не верю. «Было бы несправедливо упрекать» — ничего более приятного я от него, пожалуй, уже никогда не услышу. Придется, что ли, день в календаре отметить и праздновать потом каждый год.

— Ну как, ты уже окончательно проснулся? — поинтересовался шеф.

— Насколько это вообще возможно в моем положении, — вздохнул я. — Погодите, а как же вы отпустили леди Гетти? Сами же ей говорили, что лучше пока отсидеться в безопасности, в этой вашей камере...

— Во-первых, в камере теперь сидят влюбленные. Вернее, лежат. Сотофина девица дрыхнет без задних ног — что-что, а погружать жертву в безмятежный сон в Ордене Решеток и Зеркал умели даже послушники, и хвала Магистрам, что так. Видела бы бедняжка, какая роскошная у нее нынче борода, поседела бы раньше времени. А Магистр Махони, как я понимаю, использует свой досуг, чтобы всласть костерить нас последними словами. Считаю, что человек, который по своей воле даже шевельнуться

не может, имеет на это полное право. Я бы на его месте тоже всех проклинал.

И шеф умолк — не то задумался о тяжелой участи Магистра Махони, не то устроил переучет известных ему ругательств — а ну как однажды пригодятся.

— А что во-вторых? — нетерпеливо спросил я.

— А во-вторых, пока ты дрых, я выяснил, что Хамбары Гаттона больше нет в Море, поэтому леди Гетти некого опасаться. — Сэр Джуффин сообщил это таким будничным тоном, что я даже не сразу понял смысл сказанного.

— То есть он мертв?

Я хотел спросить: «И на кой вы меня в таком случае разбудили?» — но не стал. Что толку, дело-то все равно сделано, я уже на ногах, при этом отпускать домой меня, похоже, никто не собирается. Таковы условия задачи, одним из элементов которой я в данный момент являюсь. К сожалению.

— Почему непременно мертв? — удивился шеф. — Просто ушел человек на Темную Сторону. Не самый разумный поступок в его положении. Но вполне предсказуемый.

— И все-таки «на Темную Сторону» — это куда? В прошлый раз вы так и не объяснили.

Что хорошо — служба в Тайном Сыске быстро отучила меня скрывать собственное невежество. Ничего не знать и вечно обо всем расспрашивать — это в моем положении было совершенно нормально. А вот если бы я пару дней кряду воздерживался от вопросов, получил бы от шефа нагоняй. И поделом.

— Я бы тебе, конечно, рассказал про Темную Сторону, — вздохнул сэр Джуффин. — Но не имеет смысла тратить время на болтовню. Скоро сам все увидишь. Краем глаза, а все-таки. Допивай свою камру, только тебя, собственно, и ждем.

— Да я, в общем, уже... почти... Вот, теперь все. — И я поставил на стол пустую кружку.

В глазах у меня при этом почему-то потемнело, а сердце заколотилось так громко, что я даже немного смутился — надо же, какой шум поднял. И еще стало зябко, словно за моей спиной распахнулось невидимое окно и в затылок дунул речной ветер, холодный, как в разгар зимы. Хотя где она, та зима.

При этом я вовсе не был испуган. Скажем так — в моей голове не промелькнуло ни единой панической мысли. Я ничего не знал о Темной

Стороне, в глубине души предполагал, что это просто какая-то непонятная мне пока метафора, и уж точно не думал, будто Темная Сторона непременно должна оказаться страшным и опасным местом. То есть мой ум был вполне спокоен, страх испытывало только тело — совершенно непривычная ситуация. До сих пор эти двое всегда были заодно, и теперь я не знал, кому из них верить.

— А вы, господин Магарас, присмотрите пока тут за порядком, — сказал сэр Джуффин призраку. — И не покидайте кабинет, а то полицейских, чего доброго, распугаете — и где мы новых найдем? Уж пожалуйста, не подведите меня. Сэр Кофа обещал скоро быть. Он несет пироги из «Черного колоса» и уверяет, что они вполне достойны вашего внимания. Даже жаль, что мы с коллегами его не дождемся.

Призрак перекувыркнулся и взмыл под потолок. Очевидно, таким образом он выражал не то радость по поводу скорой встречи с превосходными пирогами, не то соболезнования лишенным этого счастья нам.

В коридоре я автоматически направился к выходу, но шеф развернул меня к лестнице, ведущей в подвал.

— Нам туда. — Он сверкнул улыбкой, любезной, как лезвие укумбийской сабли. — Видишь ли, сэр Мелифаро, Темная Сторона — это как бы не совсем на улице.

— Похоже, сейчас выяснится, что она находится в общем сортире, — огрызнулся я.

— Чуть-чуть подальше. — Сэр Джуффин и бровью не повел. — Но направление в целом указано верно.

Лонли-Локли следовал за нами с таким видом, словно собирался перекрыть мне путь к отступлению, если я, чего доброго, захочу сбежать. Тоже мне нашел дезертира.

Торжественно прошествовав мимо входа в уборную, мы спустились еще этажом ниже, прошли мимо поворота, ведущего в помещение, где Шурф Лонли-Локли в перерывах между убийствами и бдениями в библиотеках обучал меня приемам Очевидной магии, и углубились в коридор, который привел нас к очередному лестничному пролету. Судя по тому, как долго пришлось спускаться, мы забрались в совсем уж глубокое подземелье. На этом подвальном этаже я до сих пор не бывал, даже не подозревал о его существовании и теперь озирался по сторонам с таким любопытством, словно никогда прежде не видел ни каменных стен, ни земляного пола — кроме них здесь не было ничего.

— Ну вот и пришел конец твоему одиночеству, сэр Мелифаро, — внезапно сказал шеф.

Мне сперва показалось — я ослышался. Эта реплика никак не могла быть адресована мне. Уж на что на что, а на одиночество я никогда в жизни не жаловался — ни господину Почтеннейшему Начальнику, ни даже себе самому в минуту слабости. Потому что не только совершенно от него не страдал, но даже теоретически не представлял, как такое возможно.

Тело мое, однако, снова запаниковало. Гул в ушах и грохот сердца — это ладно бы, за минувшую ночь я уже вполне успел к ним притерпеться. А вот что ноги стали ватными — это уже никуда не годилось. Потому что сэр Джуффин, кто бы сомневался, человек бывалый, и молодые сотрудники у него в темных подвалах небось пачками в обморок падали, а все равно не хотелось бы, чтобы он...

Но шеф, конечно, все понял. И своевременно подхватил меня под локоть.

— Я знаю, что на самом деле ты ничего не боишься, сэр Мелифаро, — мягко сказал он. — А что на ногах не держишься — так это обычное дело, по дороге на Темную Сторону многим поначалу дурно делается; ничего, привыкают потом. А бояться тебе здесь и правда совершенно нечего. Разве только радоваться. Быть Стражем — прекрасная судьба, счастливое предназначение. Я даже немного завидую вашему брату. Не всерьез, а все-таки... Да, я знаю, что ты ничего не понимаешь. Тебе, собственно, и не надо ничего понимать. В отличие от прочих, тебе не нужны инструкции. Ты когда-нибудь слышал о рыбе, которая утонула, потому что ей не объяснили, как следует плавать? Вот и я не слышал. Но все-таки кое-что я тебе расскажу — просто чтобы ты не заскучал по дороге. Нам еще идти и идти.

— Спасибо, — вежливо сказал я. Вернее, та часть меня, которую присутствующий здесь сэр Макс обычно называет «автопилотом». Сам-то я был настолько оглушен и ошеломлен монологом шефа, что даже на фамилию свою вряд ли сейчас отозвался бы.

— У всего есть изнанка, в точности как у одежды, — говорил сэр Джуффин. — Потаенная, скрытая от любопытных глаз сторона. Есть она и у Мира, где мы живем и который привыкли считать единственной реальностью. В нашей магической традиции изнанку Мира называют Темной Стороной — не потому, что там темно, это не так; «темная» в данном случае означает «скрытая», «неизвестная» — как, например, в выражении «дело темное», которое употребляют, имея в виду, что подробности дела никому не известны.

Я невольно улыбнулся, вспомнив, что всегда сбегал с лекций по

лексикологии. И подумать только, при каких обстоятельствах они меня в итоге настигли.

Однако к этой теме шеф, хвала Магистрам, больше не возвращался.

— Путешествие с лицевой стороны реальности на ее изнанку относится к области так называемой Истинной магии, которая не запрещена Кодексом Хрембера хотя бы потому, что контролировать ее использование люди не в силах. В отличие от уже более-менее понятной тебе Очевидной магии, в основе которой лежит воля колдуна, Истинная магия вершится по собственной воле или по произволу самой Вселенной — формулируй, как тебе удобно, значения это не имеет. Одна из особенностей Истинной магии заключается в том, что она сама выбирает себе инструмент. То есть человека, через которого желает осуществляться. Все, что может сделать ее избранник, — это постараться стать совершенным инструментом; впрочем, об этом мы поговорим как-нибудь позже. Сразу скажу, что таких людей довольно мало. Далеко не все они обладают качествами, которые принято считать достоинствами; попадаются среди них и такие, с кем лично я ни за что не стал бы иметь дело. То есть по какому принципу совершается выбор, я сам до сих пор не знаю. Хотя у меня было время подумать и великое множество объектов для наблюдения. Честно говоря, больше всего это похоже на обыкновенную ярмарочную лотерею, только в нашем случае победитель получает больше чем весь Мир. Гораздо больше.

— И выходит, я тоже получил этот приз? — спросил я. Хотя ответ и без того был понятен. Стал бы шеф тащить меня в подвал, если бы я не был способен попасть на эту его загадочную Темную Сторону. То есть, теоретически, я мог представить себе, что сейчас сэр Джуффин глумливо захихикает, скажет: «А вот и нет» — и отправит меня прочь, но, честно говоря, это была бы скверная шутка, не в его вкусе.

— Совершенно верно. Однако с тобой, сэр Мелифаро, разговор особый. Потому что ты — Страж. Тот, чье место на границе между лицевой и изнаночной стороной реальности. На таких как ты, собственно, и держится вся конструкция; Стражи — это нити, скрепляющие швы. Непонятно, да? Ничего, скоро у тебя не останется ни единого вопроса, кроме одного, практического: что ты в связи с этим должен делать. И вот на него лучше и правда ответить заранее, потом-то тебе станет не до разговоров со мной. Но забыть ты ничего не забудешь, об этом можно не беспокоиться.

Я подумал — хорошо, если так. Как и подавляющее большинство людей, я всегда очень боялся утратить память, полагая, будто способность

помнить все, что со мной случилось, — это и есть я сам. Я, конечно, заблуждался, но гораздо меньше, чем можно подумать. Потому что воспоминания — самый драгоценный подарок Стража самому себе и одновременно мост между двумя его составляющими, пуповина, связывающая близнецов. Есть чем дорожить.

И тут сэр Джуффин в очередной раз меня огорошил.

— Страж не может пройти на Темную Сторону, — заявил он и умолк, давая мне возможность усвоить информацию. Но прежде чем я взвыл: «И на кой вы тогда меня сюда притащили?» — милосердно продолжил: — Страж потому и Страж, что всегда остается на границе. Его присутствие там приятно и полезно ему самому и одновременно чрезвычайно важно для тех, кто пойдет дальше. Темная Сторона даже для самого опытного путешественника остается пространством, полным неожиданностей и сюрпризов. Хотя бы потому, что переменчивость и непредсказуемость — ее базовое свойство, в точности как стабильность причинно-следственных связей — фундамент нашей обитаемой реальности. К тому же время на Темной Стороне обычно чудит, как хочет. Иной раз блуждаешь там дюжину дней, а домой возвращаешься через полчаса после того, как ушел. Но гораздо чаще бывает наоборот, и в этом состоит основная проблема таких путешествий. Мало кто может позволить себе отсутствовать дома, скажем, год, а ведь это далеко не предел. И гарантий, что этого не случится, нет и быть не может... Не стану тебя обманывать, сэр Мелифаро, ходить на Темную Сторону без Стража, конечно, можно. Обходились же мы как-то без тебя до сих пор. Но со Стражем гораздо лучше. Страж, в отличие от путешественников, не утрачивает способности следить за временем. И имеет возможность вытащить того, кто застрял надолго. Это совсем простая техника. Перед уходом ты нас обнимешь, а потом тебе будет достаточно просто воспроизвести в памяти свои ощущения, и — хлоп! — мы тут как тут. С другой стороны, путешественник сам может в любой момент позвать Стража и попроситься назад — это позволяет избежать многих опасностей и, опять же, сэкономить кучу времени. Обратный путь с Темной Стороны еще поди отыщи, в этом деле никакие метки не выручают.

— Слушайте, а почему вы не рассказали мне все это заранее? — спросил я.

— А смысл? — пожал плечами шеф.

— У меня было бы время все обдумать, как-то подготовиться. Всяко лучше, чем на бегу, впопыхах. Я, конечно, всегда хвастал умением ловить информацию на лету, но, похоже, переоценил свои возможности. По крайней мере, сейчас я вообще ничего не понял из ваших объяснений.

Кроме того что должен буду обнять вас на прощание. Целоваться хоть не придется?

— Не придется, — утешил меня сэр Джуффин. — Это я тебе твердо обещаю. А все остальное само уладится, вот увидишь.

Я уже успел убедиться, что обещаниям шефа вполне можно доверять, сколь бы легкомысленно они ни звучали. И все же предпочел бы услышать нечто более похожее на вразумительную инструкцию.

— Сейчас мы пойдем помедленней, — сказал сэр Джуффин. — А ты, пожалуйста, прислушивайся к своим ощущениям. Если тебе вдруг захочется где-то остановиться, ни в чем себе не отказывай. Свое место Страж всегда выбирает сам, даже неопытный. Это правило.

После этих его слов я почему-то окончательно рассердился. И без того происходящее больше походило на тягостный сон, чем на нормальную человеческую жизнь. А тут еще к ощущениям, оказывается, надо прислушиваться. Отличное задание, ничего не скажешь. Главное, внятное.

— А ты молодец, злишься, — ухмыльнулся шеф. — Я бы на твоём месте да в твои годы давным-давно от страха в штаны навалял. А вот сэр Шурф — тот бы, пожалуй, в драку полез. На твоём месте и в твои годы, опять же. Надо же, никогда бы не подумал, что вы настолько похожи.

Видимо, предполагалось, что это комплимент. Но для меня прозвучало как оскорбление. Я только еще больше рассердился. Огрызаться, однако, не стал — что толку, если шеф меня и так насквозь видит. В таких обстоятельствах внешняя невозмутимость — единственное, что можно противопоставить чужой немилосердной пронизательности.

Мы действительно пошли гораздо медленнее. Я глазел по сторонам, хотя ничего интересного вокруг по-прежнему не было: темнота, каменные стены, земляной пол. Прислушиваться к собственным ощущениям тоже оказалось не слишком увлекательным занятием. Только и радости, что окончательно осознал, до какой степени не выспался, понял, что зря так туго замотал тюрбан, и почувствовал, что у меня чешется нос, а костяшки левой руки слегка ноют после встречи с надменной бровью незнакомого Магистра.

Раздумывая обо всем этом и почесывая нос, я прибавил шагу, а потом машинально свернул налево, словно знал дорогу и был проводником; мои спутники безропотно последовали за мной. Я остановился, чтобы подождать их, и вдруг понял, что мне очень нравится стоять на этом месте. Так хорошо, что идти дальше не имеет смысла. Тяжелая от усталости голова стала ясной и сообразительной, как в начале экзамена, когда вопрос уже задан, а отсчет отведенного на подготовку времени еще не пошел.

Теперь было даже смешно вспоминать, как я рассердился на Джуффина за непонятные объяснения, — что там такого уж непонятного, скажите на милость? Сам дурак, что слушал вполуха по студенческой привычке. Ну хоть запомнил все, и то хлеб.

— Ага, — сказал шеф. — Похоже, пришли.

Я посмотрел ему в глаза и рассмеялся — не то от радости, что он вот так сразу все понял, не то от удовольствия глядеть на своего благодетеля, который привел меня в это прекрасное место, не то просто от беспричинного счастья, в точности как этот наш развеселый призрак, Обжора-хохотун, дырку над ним в небе, будь он благословен во все времена.

Тут в моем повествовании наступает вполне естественная заминка. До сих пор я рассказывал вам историю сэра Мелифаро из Ехо. С тем же успехом это могла быть история Ахума Набана Дуана Ганабака — мне-то все равно, но вам она, пожалуй, понравилась бы гораздо меньше, поскольку у его историй нет ни начала, ни конца, ни даже намека на то, что вы называете сюжетом, его жизнь — набор эпизодов, последовательность которых если и подчинена логике, то столь непостижимой, что даже он сам — я сам — только теоретически допускаю возможность ее наличия.

Однако теперь начинается моя история. Короткий, но чрезвычайно важный ее эпизод, повествующий о рождении того, кто нынче пришел к вам в гости, ел с вами салат и пирог, того, кто сейчас рассказывает, как сэр Мелифаро из Ехо стоял, до краев переполненный охватившей его радостью, а Ахум Набан Дуан Ганабак из ниоткуда, точнее, из той незримой части «отовсюду», о существовании которой легко знать, но невозможно говорить, неторопливо к нему приближался, с любопытством глазел по сторонам, отмечая, что здесь он, похоже, еще никогда не был. Сэр Мелифаро, пленник и властелин реальности, построенной на причинно-следственных связях, прекрасно помнил, как попал в это удивительное место, и думал: «Как же мне повезло, что я связался с Джуффином, который, оказывается, прекрасно знал, что мне нужно». А Ахум Набан Дуан Ганабак, дитя хаоса и его живое воплощение, привыкший быть свидетелем и участником множества фрагментарных событий, связанных друг с другом лишь его цепкой памятью, лишенный даже намека на твердую опору и не умевший существовать иначе, представления не имел, как, когда и зачем здесь оказался; врожденное отсутствие способности задаваться подобными вопросами было залогом его несокрушимого душевного покоя.

А потом родился я. Обе половины моего существа почуяли присутствие двойника прежде, чем увидели; к тому моменту, как глаза их встретились, они уже *всегда* знали все — друг о друге и о том, как устроены, и почему так, и сколько всего было прежде и будет потом. Момент встречи стал суммой их прошлых и будущих, началом и одновременно полной отменой представлений о началах и концах — жизни, времени, пространства, знания, восприятия, вообще всего. Помню, как это было здорово — смеяться сразу двумя ртами от двух совершенно одинаковых безудержных радостей, охвативших оба моих существа одновременно. Происходящее было внове для обеих моих половин, но совершенно естественно для меня, потому что я — тот, кто только так и живет, если уж посчастливится родиться.

— На твоём месте, сэр Мелифаро, я бы постарался поскорее от нас избавиться, — мягко сказал сэр Джуффин Халли. — Ты теперь, пожалуй, не заскучаешь, а у нас на Темной Стороне встреча назначена.

Сейчас его давешняя инструкция казалась мне не только простым и понятным, но и совершенно естественным делом. Обнять путешественников, добравшихся до границы — не разных Миров, но взаимоисключающих концепций мировосприятия, это я сейчас понимал так же ясно, как собственную роль в этой восхитительной игре — запомнить вкус и смысл прикосновения, отпустить своих спутников, почти забыть об их существовании, но ни на миг не упускать из виду, потому что, если уж путешествие на изнанку реальности затевается в присутствии Стража, проследить за порядком — его долг и одно из величайших удовольствий; для Стража вообще всякое действие, включая вдохи и выдохи, — неопишемое, неповторимое, бесценное удовольствие, просто потому что мне очень нравится *быть*.

Потом они ушли, а мы остались. *Я остался.*

Все происходившее было совершенно естественно для меня; в то же время в моем распоряжении находились воспоминания, представления, ожидания и внутренние логики обеих моих половин. Поэтому я вполне осознавал, что мои нынешние возможности значительно превосходят то, что считали своим пределом эти двое. Для сэра Мелифаро наиболее удивительной оказалась способность присутствовать при великом множестве разнообразных событий одновременно, для Ахума Набана Дуана Ганабака — внезапное понимание, что события эти можно как-то оценивать и (теоретически) влиять на их ход своей волей. Оба они были совершенно ошеломлены столь фундаментальными переменами и в то же время принимали произошедшее как нечто совершенно естественное и

даже обязательное, потому что невозможно относиться к подобным вещам как-то иначе, будучи мной.

«Теперь понятно, ради кого я всю жизнь так выпендриваюсь», — весело думал я той частью сознания, которая принадлежала сэру Мелифаро. «Теперь я знаю, ради кого так ненасытно смотрю по сторонам, так внимательно слушаю, так жадно запоминаю», — восхищенно вторил ему Ахум Набан Дуан Ганабак. Эти размышления, разумеется, совершенно не мешали им наблюдать восход изумрудно-зеленого солнца над Шарихейской пустыней, танцевальную вечеринку в честь третьего восьмисотлетия самого молодого из поэтов династии Йурн, отражения восьмиугольной рыночной площади в зеркальных небесах Лейна, светлый изурр фэйонского Штарха, следы босых ног на песке бесконечно длинного безлюдного пляжа, цветение невидимого дерева цокк, приснившегося восьмилетней девочке в самом начале простуды, семнадцатое пение лямской арсы, безмятежную улыбку Шурфа Лонли-Локли, обласканного густым сияющим ветром Темной Стороны, и азартный блеск в глазах его спутника, уже начавшего читать заклинание Призыва, — я хочу сказать, что сэр Мелифаро превосходно справлялся с возложенной на него задачей, ни на миг не выпускал из виду своих коллег и был готов прийти на помощь, если вдруг понадобится.

Но им, конечно, не понадобилось. Изловить бывшего Старшего Магистра Ордена Решеток и Зеркал Хамбару Гаттона, попавшего на Темную Сторону всего-то девятнадцатый раз в жизни, было пустяковой задачей для Джуффина Халли, который так давно привык считать изнанку Мира своей личной территорией, что почти не верил себе, рассказывая о временах, когда был испуганным новичком. В одиночку он мог бы отправиться на Темную Сторону не только без Стража, но и без ритуальных скитаний по подземным коридорам, взять там свою законную добычу и вернуться в кабинет прежде, чем остынет заказанная перед уходом камра.

С его точки зрения, охота на Хамбару Гаттона была наименее важным из намеченных на сегодня дел. Он давно ждал подходящего случая, чтобы отвести на границу еще не подозревающего о своем предназначении Стража и заодно дать заслуженную передышку Шурфу Лонли-Локли, который в ту пору только на Темной Стороне обретал радость и полноту бытия. Словом, нелепый побег Хамбары Гаттона на Темную Сторону, по мнению сэра Джуффина Халли, практически полностью искупал его вину. Без него пришлось бы ждать еще Магистры знают сколько, а тут все так удачно сложилось.

Когда захмелевший от азарта Кеттарийский Охотник по прозвищу Чиффа оглушительно заорал: «Мелифаро!» — вечеринка в честь дня рождения юного Йурн была в самом разгаре, а рыночная площадь Лейна, напротив, опустела, файонский Штарх спрятал свою изурр, а простуженной девочке стал сниться белый кот, свернувшийся клубком на старом ротанговом стуле; все это, впрочем, совершенно не помешало мне исполнить свой долг, изменить положение вещей таким образом, что Джуффин Халли, Шурф Лонли-Локли и их печальный пленник оказались рядом с сэром Мелифаро, Ахум Набан Дуан Ганабак открыл глаза и обнаружил под своими ногами чужое желтое небо; что же касается меня, я, разумеется, не исчез, не перестал быть, а просто погрузился в сон, вернее, в два сновидения одновременно. Справа и сверху был сон про сэра Мелифаро, теплый на ощупь, соленый на вкус и тяжелый, как меховое одеяло; слева и снизу — сон про Ахума Набана Дуана Ганабака, невесомый, влажный, сладковатый, прохладный, газированный, как Просекко Венето, которого никто из этих двоих пока не пробовал, ну да какие их годы, успеют еще.

На этом я, пожалуй, умолкну, чтобы не запутать вас окончательно, и снова передам слово сэру Мелифаро. Общеизвестно, что история должна помещаться в рассказчика, в противном случае повествование будет безнадежно испорчено, но мало кто понимает, что и рассказчик должен помещаться в собственную историю: когда она ему слишком тесна, смыслу несдобровать; я стараюсь по мере возможности соблюдать это правило.

Законы драматургии, о которых я, впрочем, знаю только из краем уха услышанной лекции о сентиментальных романах эпохи правления вурдалаков Клакков, требуют, чтобы я сказал, будто был глубоко потрясен случившимся, ошеломлен, разгромлен, сметен с лица земли и так далее. Но это неправда. Перефразируя давешнюю метафору шефа, можно спросить: вы когда-нибудь видели рыбу, потрясенную фактом существования моря и собственной способностью в нем плавать?

Вот и я не видел.

Сэр Джуффин однажды пошутил — дескать, будь его воля, никогда не стал бы связываться со Стражами. Других новичков учить одно удовольствие, ходят потом растерянные, оглушенные хитроумным устройством Вселенной и своим удивительным местом в ней, и смешно до упаду, и трогательно, и поучительно за ними наблюдать. А с нашим братом никаких развлечений, разве только в первый раз, в самом начале, какая-то доля секунды буквально — скудный улов.

И от меня в этом смысле было немного толку. Я встряхнулся, как искупавшийся пес, сошел наконец с места, где так долго стоял как приклеенный, приветствовал своих коллег и с любопытством уставился на их пленника. Каюсь, больше всего на свете мне в тот момент хотелось спросить его, с какой стати он, человек с превосходным вкусом и, судя по всему, немалыми средствами, так нелепо вырядился в этот роковой для себя день. Но в последний момент решил, что заводить разговор об одежде сейчас бестактно.

— Ну что, я был прав, когда говорил, что быть Стражем — счастливое предназначение? — Сэр Джуффин улыбался столь ослепительно, что его вполне можно было использовать вместо грибного светильника.

Я молча кивнул. Так неразговорчив, как в те минуты, я, пожалуй, никогда в жизни не был. Никак не мог снова освоиться с необходимостью говорить вслух; потом-то я научился мгновенно переключаться в несовершенный, но единственно возможный, когда имеешь дело с людьми, которые не являются неотъемлемой частью тебя, режим общения.

Впрочем, шеф оставался блестящим исключением из этого правила. По крайней мере, меня он читал как открытую книгу. И всегда умел выбирать интересные страницы.

— Ответ на вопрос, который ты еще не сформулировал, но непременно скоро задашь, — конечно да, — сказал он. — Тебе не просто можно, а совершенно необходимо возвращаться сюда. Всякому магу без регулярной практики цена медная горсть. Даже если он Страж. Другое дело, что устраивать себе такие праздники каждый день тоже нельзя. По многим причинам. Впрочем, главную ты уже знаешь и без меня. Повседневный человеческий опыт — наилучшая пища для твоего двойника; не сомневаюсь, у него найдется чем тебе отплатить. Короче говоря, моя рекомендация — примерно раз в пять дюжин дней, часа на три-четыре, не больше. Чаще — перебор. Впрочем, время от времени тебе придется бывать здесь еще и по работе. Твоя помощь совершенно неоценима, я-то уже начал забывать, как это удобно — ходить на Темную Сторону, выставив на границе Стража. Но знаешь, заново привыкнуть к хорошему легче легкого. Считай эти дополнительные визиты своего рода прибавкой к жалованью. Ты доволен?

Я кивнул, по-прежнему не размыкая губ.

— Но, разумеется, в одиночку тебе тут пока делать нечего, — продолжал сэр Джуффин. — Пропадешь и сам не заметишь. Самый простой и надежный способ вернуть Стража в, так сказать, нормальное состояние — позвать его с Темной Стороны. Я бы с удовольствием

сопровождал тебя, но ты и сам в курсе, что у меня вечно нет свободного времени. Зато сэр Шурф, не сомневаюсь, захочет составить тебе компанию. Воздух Темной Стороны ему на пользу, а поводов там бывать, увы, слишком мало. Теперь будет больше.

— Спасибо, — сказал Лонли-Локли. — Даже не ожидал.

С такой постной высокомерной физиономией обычно благодарят уже уволенную кухарку за последнюю порцию разваренной лапши. Но я очень хорошо помнил, каким он был на Темной Стороне. И подумал, что шеф молодец. Этому невыносимому типу действительно следует гулять там почаще. Глядишь, лет через сто на человека похож станет. А совместный поход с этим занудой по темным подземным лабиринтам я как-нибудь переживу. На худой конец всегда можно повторять про себя таблицу умножения, чтобы развлечься.

— Идемте, господа, — сказал сэр Джуффин. — Рассвело небось еще часа три назад, я не ошибаюсь, сэр Мелифаро?

— По моим расчетам, примерно так и выходит.

— Ну вот, а у нас еще куча дел. Ты, помнится, рекомендовал мне когда-то сперва допрашивать подозреваемых, а уже потом делать выводы. Поразмыслив, я решил внять твоему совету. Может получится забавно.

Про себя я подумал, что не стал бы, пожалуй, так откровенно веселиться в присутствии арестованного. С другой стороны, шефу виднее — и как обращаться с собственным приятелем, и вообще всё. Теперь я знал это совершенно точно.

— Зря ты так, — сказал сэр Хамбара Гаттон. — Поймать меня на горячем, в Холоми упечь — ладно, это в твоём нынешнем положении вполне естественное поведение, обижаться тут не на что. А вот говорить обо мне в моём присутствии мог бы и другим тоном.

— Твоя правда, — неожиданно согласился сэр Джуффин. — В утешение тебе могу сказать, что это не злорадство, а обычный азарт, который побуждает удачливого картежника провоцировать драку, насмехаясь над партнером в финале разгромной партии. В любом случае прости.

— Все в порядке, — кивнул наш пленник. — Если азарт, я не в обиде.

Некоторое время мы шли молча.

— А почему ты вообще рванул на Темную Сторону? — вдруг спросил сэр Джуффин. — Я бы на твоём месте, пожалуй, сделал ставку на Темный Путь. Отсиделся бы в Ташере или еще где-нибудь, чем плохо?

— А смысл? То же изгнание, только добровольное. И считай, бессрочное. К тому же чрезвычайно хлопотное и суетное — в отличие,

скажем, от заключения в Холоми, которое, как я понимаю, теперь меня ждет. Я решил, что Темная Сторона, по крайней мере, совершенно непредсказуема. Глупо, конечно, было рассчитывать, что ты за мной туда не заявишься, но, теоретически, я вполне мог отыскать там пространство, недоступное никому, кроме меня. Говорят, так бывает.

— Говорят, — эхом откликнулся сэр Джуффин. — О Темной Стороне много чего говорят. Но, кстати, сам я подобных укрытий там не находил.

— И я не нашел, как видишь. Ну хотя бы попробовал. Мне всегда казалось, если уж тебя загнали в угол, имеет смысл сделать ставку на неизвестность.

— Такая позиция заслуживает уважения, — согласился шеф. — Притом что лично я, будучи человеком практичным, все-таки для начала рванул бы в Ташер. И попробовал бы спрятаться, скажем, на Темной Стороне какой-нибудь тамошней рыбацкой деревушки. Интересное должно быть местечко.

— Я думал об этом. Но решил, что в чужих краях у меня почти нет шансов попасть на Темную Сторону. Я пока знаю только один путь — тот, который мне в свое время показала моя учительница. И он находится в Ехо.

— Понимаю. Когда-то сам не желал уезжать из Кеттари ровно по той же причине. Думал, все ладно бы, но на Темную Сторону как ходить, когда подземные огороды покойного Гатомбы Багасаса станут мне недоступны? Кучу времени, к слову сказать, зря потерял, так что не бери с меня пример... А твоя дорога где? Впрочем, можешь не отвечать, сам догадаюсь. Подземелий под Ехо гораздо меньше, чем можно подумать, и большая их часть тебе недоступна, поскольку ни из Дома у Моста, ни тем более из Иафаха ты туда пройти не мог... Слушай, дошло. Ну конечно! Подвалы бывшей резиденции Ордена Потаенной Травы. А я-то голову ломал, почему ты поселился в таком, прости уж за откровенность, дурацком месте.

— Хочешь верь, хочешь — нет, а я очень люблю этот район, — усмехнулся пленник. — Гораздо больше, чем Старый город. Новый вообще не в счет, сколько домов там ни строй и трактиров ни открывай, а деревня останется деревней... Вот разве что Левобережье. Его я люблю еще больше.

— Согласен. Всегда удивлялся, что ты не купил дом где-нибудь по соседству с моим. Вполне мог бы себе позволить. Но до резиденции Ордена Потаенной Травы от нас далековато, это правда.

Они еще какое-то время говорили о садах Левобережья и ценах на тамошнюю недвижимость, я слушал их вполуха — мне сейчас как никогда было о чем подумать — и вдруг понял, что необязательная дружеская

болтовня как-то незаметно превратилась в натуральный допрос, только что протокола никто не вел.

— Если верить историкам, за все время существования Соединенного Королевства и двух дюжин заговоров против Королей не насчитается, — говорил сэр Джуффин. — Причем шестнадцать из них приходится на Смутные времена. Но твой, безусловно, самый остроумный. Захватить не трон, а Королевское тело — до такого, насколько я знаю, никто пока не додумывался. Элегантное решение. Чем именно тебя не устраивает молодой Гуриг, даже спрашивать не стану. Твое отношение к Кодексу Хрембера мне всегда было известно, а Королевский трон — то самое место, усевшись на которое можно приступить к переписыванию законов. Говорят, вдохновение в такой позиции накатывает — Кибе Кимару в лучшие его минуты не снилось... Но скажи на милость, зачем ты связался с Махони? Для колдуна, которого никогда не примет Темная Сторона, он довольно могущественный, не спорю. И неглуп. Был бы не так зол и взбалмошен, мог бы стать отличным стратегом. Но более ненадежного человека в вашем Ордене за всю его историю, по-моему, не было. А если брать в расчет все Соединенное Королевство, Магистр Анмахони займет почетное пятое место в моем личном списке прохвостов, с которыми не следует связываться ни при каких обстоятельствах... Впрочем, нет, все-таки шестое. Но все равно неплохой результат, согласись.

— Ну не самому же мне было меняться телами с Гуригом, — вздохнул Хамбара Гаттон.

— А почему, собственно, нет?

— Я и одежду-то чужую носить не стану. Не могу, хоть убей. А тут — тело.

— Вот оно как. Ладно, предположим. А тебе не приходило в голову, что, оказавшись в Королевском теле, Магистр Махони, вместо того чтобы приступить к исполнению твоего плана, вспомнит о собственных интересах?

— Приходило. Но тут проблем не возникло бы. Я наложил на него одно заклятье...

— И теперь он во всем повинуется твоей воле, — подхватил сэр Джуффин. — И даже пожаловаться никому на такое горе не может, потому что умрет на месте, не договорив до конца первое слово. Так?

— Зачем спрашиваешь, если сам знаешь?

— Чтобы изящно намекнуть тебе, что понимаю, по какой причине ты так охотно берешь всю вину на себя, — усмехнулся шеф.

Знаю я эту его ухмылку. Обычно она демонстрируется собеседнику во

время паузы между двумя новостями — плохой и хорошей. Причем паузу эту сэр Джуффин может тянуть чуть ли не часами, даже если трубки под рукой нет. Но тут он, конечно, расстарался, достал из кармана кисет с табаком, из другого трубку и принялся вдумчиво набивать ее на ходу, даже шагу не убавил. Ох уж эти мне могущественные колдуны старой школы, все-то им удается.

Однако заговорил шеф все-таки раньше, чем закончил с трубкой. Совершенно на него не похоже.

— Ты же опытный колдун, Хамбара. Как ты мог не заметить, что я уже снял с тебя заклятие, — уму непостижимо. Я поначалу даже думал, ты меня разыгрываешь. Но потом решил, что смысла в подобной шутке нет, а развлекаться просто так, из любви к искусству, — не твой стиль.

— Снял заклятие? — изумленно переспросил пленник. — Когда это, интересно?

— В момент ареста, когда схватил тебя за шиворот. Это был довольно грубый жест, прости. Я действительно не в меру азартен, а уж на Темной Стороне совершенно не могу держать себя в руках. Но обычно пользы от моей грубости больше, чем вреда. Видишь ли, проще всего освободить человека от наложенного на него заклятия именно на Темной Стороне, потому что там оно обретает плоть, становится зримым и выглядит как причудливое насекомое, присосавшееся к шее околдованного. Я воспользовался случаем и быстренько его раздавил — чего тянуть? Честно говоря, твое счастье, что ты не видел эту дрянь. Ты, я знаю, брезгливый и впечатлительный.

— Говоришь, насекомое? Раздавил, когда схватил за шиворот? Я ничего не заметил. — Хамбара Гаттон недоверчиво покачал головой.

— Ну, тут я тебе ничем не могу помочь. Не заметил — сам виноват. Впрочем, тебе тогда не до того было. Прикидывал небось, убью я тебя на месте или все-таки милосердно отдам Канцелярии Скорой Расправы. Как видишь, я выбрал второй вариант. Только на камеру в Холоми я бы на твоём месте не очень рассчитывал. А то ощутишь потом горечь разочарования, чего доброго в поэты подашься, а это опасная стезя. Вон сэр Шурф говорит, намерен в «Трехрогой луне» до драки дошло.

— Как это — до драки?

Похоже, сэр Хамбара Гаттон был так потрясен новостью, что мгновенно забыл о собственных проблемах. Лонли-Локли тут же принялся сетовать на не оправдавшего его надежды поэта Махамабама и нахваливать выдающиеся боксерские таланты профессора Халли Мао Тактаго. Наш, с позволения сказать, арестованный всплеснул руками и произнес

прочувствованную речь о необходимости возрождения традиций эпохи правления Королевы Вельдхут, когда скверных поэтов сажали на корабль, вывозили в открытое море и бросали там в весельной лодке с запасом еды и питья на несколько дней — пусть теперь судьба сама рассудит, что с ним делать. Лонли-Локли, поразмыслив, согласился, что такой подход к делу мог бы в кратчайшие сроки вывести современную поэзию на совершенно новый качественный уровень. А я окончательно почувствовал себя пациентом Приюта Безумных, причем самым смирным и вменяемым в своем отделении.

— Это еще что, — подмигнул мне сэр Джуффин. — Ты бы на них после удачного выступления Кибы Кимара посмотрел. Сбежал бы небось от нас подальше. Например, в Арварох, как в детстве собирался.

— Сбежишь от вас, как же, — вздохнул я. — Раньше надо было думать. А теперь у меня есть серьезный резон держаться за вас обеими руками... Знаете, что забавно? По дороге вы мне сказали — дескать, пришел конец твоему одиночеству. А на самом деле оно теперь только началось. Прежде-то я даже не знал, что это такое. Не с чем было сравнивать. Впрочем, одиночество мне тоже нравится. Как и все остальное.

— Еще бы тебе не нравилось, — улыбнулся шеф. — Не споткнись о ступеньку, счастливчик. Мы уже, как видишь, почти пришли.

О ступеньку, впрочем, споткнулся не я, а сэр Хамбара Гаттон, увлекшийся беседой о путях развития поэзии. Но Лонли-Локли не дал ему свернуть шею. Подхватил на лету, поставил на ноги и продолжил разговор. Угомонились эти двое только в коридоре Управления Полного Порядка, да и то не по собственной воле, а под суровым взглядом шефа, которому явно не терпелось сменить надоевшую тему.

— Сюда сейчас придет леди Сотофа, — объявил он. — Это значит, что в ближайшие несколько часов мне будет не до вас, господа. Поэтому ты, Хамбара, отправляйся домой...

— Что?! — наш арестованный явно ушам своим не поверил.

— Домой, говорю, отправляйся. Правда, твою прекрасную даму мы с сэром Мелифаро вчера вероломно похитили. Извини. Но все остальные сокровища оставили на месте. Вполне можно жить.

— Но как же...

— А вот так. Понадобись — вызову. Сбежишь — поймаю. Одно удовольствие за тобой по Темной Стороне бегать, а уж я, ты знаешь, своего не упущу. Хотя совершенно непонятно, зачем бы тебе от меня удирать. В этом деле ты не обвиняемый, а жертва. Все, что тебе грозит, — пара-тройка

часов у меня в кабинете. С другой стороны, сам-то я там целыми днями сижу, и вроде ничего. Под камру из «Обжоры Бунбы» еще и не такое можно пережить.

Но Хамбара Гаттон не спешил отправляться домой. Топтался на пороге кабинета, куда шеф явно не собирался его сейчас приглашать, вздыхал и наконец сказал:

— Но ты же понимаешь, что идея изначально была моя.

— Ни секунды в этом не сомневался, — согласился сэр Джуффин. — Только идее этой, по моим приблизительным прикидкам, дюжины три лет, если не больше. С тех пор в твоей жизни успело случиться много интересных событий. В частности, знакомство с одной прекрасной леди, которая, как и я, сразу распознала в тебе человека Темной Стороны. Но, в отличие от меня, нашла время заняться твоим обучением, за что ей, конечно, большое спасибо. Я бы еще долго собирался. С тех пор тебе стало плевать и на Кодекс Хрембера, и на его нарушителей, и на старых приятелей вроде Махони Анмахони, который вернулся из изгнания в надежде как следует повеселиться в столице и был чрезвычайно разочарован твоим внезапным равнодушием к политике. Скажешь, не так?

— Впервые такое вижу — чтобы следователь пресекал все попытки подозреваемого чистосердечно признаться в преступлении, — усмехнулся сэр Хамбара Гаттон. — И как тебя еще со службы не поперли — при таком-то отношении... А кстати, когда ты понял, как обстоят дела?

— Когда обнаружил, что ты удрал на Темную Сторону. Вряд ли более-менее сведущий человек будет в здравом уме рассчитывать, что спрячется там от меня. Зато на Темную Сторону совершенно точно не может попасть твой дружок Махони. А догадавшись, от кого именно ты там скрылся, нетрудно понять все остальное. А теперь любезность в обмен на любезность — пожалуйста, объясни сэру Мелифаро, почему ты так нелепо одет. Он уже полдня мучается, но сам тебя не спросит. Ему кажется, это бестактно.

Хамбара Гаттон повернулся ко мне и смущенно улыбнулся:

— Эта одежда была на мне в тот день, когда я впервые попал на Темную Сторону. На самом деле на Темной Стороне, конечно же, не имеет значения, как ты одет. Но для меня пока имеет. Эта одежда — что-то среднее между талисманом и камертоном. Помогает прийти в нужное настроение и поверить, что все опять получится.

— Спасибо, — поблагодарил я.

А вопрос о том, какие непостижимые причины заставили его столь нелепо одеться в тот знаменательный день, оставил при себе. Чужих тайн с

меня на сегодня было вполне достаточно.

— Можешь идти домой, счастливчик, — неожиданно сказал мне шеф. — Не уверен, что дам тебе как следует выспаться, но несколько часов у тебя точно есть.

По коридору я не шел, а летел, не касаясь пола, — скорее, пока он не передумал. От возможности принять ванну и переодеться меня отделяла всего четверть часа — говорить не о чем.

Что время на дорогу можно было сократить, взяв казенный амобилер, я сообразил только на полпути. И уже в который раз подумал, что моей хваленной способности соображать служба в Тайном Сыске явно не на пользу. Но не испытал ни малейшего сожаления.

В дом я влетел, как заговоренная стрела, для которой не существует ничего, кроме цели. Моей целью была ванная, и я устремился вниз. Всего-то семнадцать ступенек, ликовал я. На радостях принялся их считать: одна, две и

И всё.

Я так и не успел понять, что случилось, — мир сперва сделался красным и горячим, а потом, почти сразу, все погрузилось во тьму или я сам стал тьмой, гулкой, густой и звонкой, темным глубоким колодцем, на дне которого, я это точно знал, ждал меня мой двойник, потому что, когда один из нас умрет, второй возьмет его к себе — мы об этом договорились, вернее, одновременно *вспомнили*, что так *будет*, потому что иначе для Стража невозможно.

И знали бы вы, с каким наслаждением я туда летел.

Однако на дне колодца оказалось довольно светло, туда доносился далекий уличный шум, а вместо моего двойника там зачем-то болтался сэр Шурф Лонли-Локли, мрачный, как скупец, севший разбирать счета накануне Последнего Дня Года. Я хотел спросить, ради какого драного вурдалака он нырнул в мой колодец, почему бы просто не отстать от человека, который только что умер... Или все-таки нет?

На всякий случай я выбрал другую формулировку. Более универсальную.

— Что происходит?

— Строго говоря, в данный момент уже ничего. — Лонли-Локли был обстоятелен, как всегда. — А чуть ранее имела место драка. Если, конечно, мы договоримся называть дракой нападение семерых юных Магистров на одного усталого человека, который вернулся домой.

— Ага. Усталый человек это у нас, надо понимать, я... Семеро,

говоришь? И где же они?

— Тут, конечно. — Он поднял вверх правую руку в защитной рукавице. — Когда имеешь дело со взбесившимися мальчишками, это удобнее всего. По крайней мере, находясь в моей пригоршне, они не причинят вреда ни себе, ни другим.

Я попытался сесть, потому что как раз осознал, что лежу в чрезвычайно неудобной и, чего уж там, нелепой позе — голова на полу, ноги на лестнице. Хорош герой, нечего сказать.

— Вставать пока нельзя, — строго сказал Лонли-Локли. — Я тебя специально так положил. Я сравнительно неплохой знахарь. Но далеко не мастер. Поэтому сломанная нога будет заживать не меньше часа.

Я хотел было возмутиться — с какой это стати он мне тычет? Но, хвала Магистрам, вовремя вспомнил, что первым сказал ему «говоришь» вместо «говорите». И Лонли-Локли, как человек безупречно вежливый, любезно ответил мне тем же. А ведь мог бы просто убить на месте за фамильярность. Так что пути назад теперь, пожалуй, нет. Ладно, на «ты» так на «ты». Переживу.

А вслух я спросил:

— Получается, они мне не только по башке врезали, но еще и ногу сломали?

— Они тебя оглушили, это всё. Ногу ты сломал, когда катился по лестнице. А больше ничего не успело случиться. Я, хвала Магистрам, не слишком опоздал.

— Опоздал? — переспросил я. — Погоди, так ты не случайно здесь оказался?

— Разумеется, не случайно. По правде сказать, я даже вообразить не могу, до какой степени рассеянности надо дойти, чтобы *случайно* оказаться в чужом доме. Я предполагал, что может произойти нечто в таком роде. И должен был прийти сюда несколько раньше. Но сэр Джуффин меня задержал. Обычно с ним очень просто договориться, однако время от времени это вдруг становится совершенно невозможно. И сегодня, к сожалению, именно такой день.

— То есть ты подозревал, что в моем доме засада? Но почему? Кому, интересно, я мог понадобиться? И в любом случае, можно было просто меня предупредить.

— Вопрос «Кому я мог понадобиться» довольно неожиданно звучит в устах человека, обладающего зачатками логического мышления, — сухо сказал Лонли-Локли. — Особенно при условии, что этот человек не далее как нынче ночью собственноручно расквасил некоторое количество чужих

носов на территории Иафаха. По правде сказать, я был совершенно уверен, что ты и сам готов к тому, что дома тебя ждет засада. И решил, что предупреждать бессмысленно. А вот пойти и посмотреть, не понадобится ли моя помощь, вполне имело смысл.

— Но... — Я так удивился, что поначалу даже сформулировать толком не мог. — Я вообще не думал ни о какой засаде. Был уверен, они просто... Ну не знаю даже. Жалобу Королю, например, накатают. Или что в таких случаях положено делать — по закону, я имею в виду? А Его Величество призовет к ответу шефа. И сэр Джуффин непременно как-нибудь выкрутится, так что вопрос, считай, закрыт.

— Так и есть. Но при этом следует учесть, что Магистры Семилистника тоже в курсе, как обычно в таких случаях улаживаются дела. И им это не слишком нравится. А некоторым Младшим Магистрам не нравится до такой степени, что они решили сами с тобой разобраться. Думаю, я должен извиниться за то, что предъявил к тебе чрезмерные требования. Ты действительно не был обязан предвидеть их реакцию. Я упустил из виду, что ты, в отличие от меня, никогда не был юным Младшим Магистром, который, конечно, дурак дураком, но прекрасно видит, что серьезными делами занимаются скучные, никчемные старики, и полагает, что положиться можно только на собственную удаль и дурь, ошибочно принимаемые за силу.

— Вообще-то я был студентом-первокурсником, — вздохнул я. — И если я все правильно понял про Младших Магистров, это примерно то же самое, только без магии. Так что у меня был шанс догадаться. Однако даже в голову не пришло. Сам дурак, конечно.

После такого моего признания между нами установилось нечто более-менее напоминающее душевную гармонию.

— Я планировал оказаться здесь первым, осмотреть дом, дожидаться тебя и предложить помощь в составлении охранных заклинаний, — сказал Лонли-Локли. — Даже соответствующее разрешение подготовил, чтобы штраф за несанкционированное использование Очевидной магии потом не пришлось платить. Но сегодня ты шел домой несколько быстрее, чем обычно. А сэр Джуффин вдруг решил, что их приватный разговор с сэром Гаттоном должен быть оформлен как официальный допрос, причем безотлагательно. Совершенно на него не похоже. Обычно он вспоминает о протоколе не раньше, чем приходит время передавать дело в Канцелярию Скорой Расправы.

— Вероятно, он тоже предвидел засаду, — вздохнул я. — И решил, что, если эти болваны успеют хотя бы разок мне врезать, фингал под моим

невинным глазом даст ему серьезные преимущества при очередных переговорах с Магистром Нуфлином. Под такое дело можно еще пару-тройку полезных подземелий у Семилистника оттяпать, чем плохо.

— Вполне может быть, — спокойно согласился Лонли-Локли. — Все-таки вероятность того, что нападающие прибегнут к магическому оружию, была очень невелика. Даже я в это не слишком верил. Не те сейчас времена.

— А они действительно не колдовали? Спрятались за лестницей, врезали мне разок со всей дури, и всё? Ничего себе удар.

Лонли-Локли ответил не сразу.

— Не совсем так, — наконец сказал он. — Во-первых, они были невидимы, что, впрочем, ладно бы. Во-вторых, оглушили тебя не кулаком, а заклинанием Бахамгаму, простым, но эффективным. Если бы его успели дочитать до конца, моих скромных знахарских познаний, пожалуй, не хватило бы, чтобы поправить дело. Заклинание Бахамгаму, теоретически, не опасно для жизни. Человек просто теряет сознание; привести его в себя нелегко, но, скажем, для того же сэра Джуффина или Королевского знахаря ничего невозможного тут нет, а раньше специалистов такого уровня было гораздо больше. Что по-настоящему скверно — находясь в обмороке, жертва переживает те ощущения, которые, как ей кажется, должен испытывать умирающий. «Как кажется» — это ключевой момент. Поскольку люди, как правило, боятся смерти и позволяют своему воображению рисовать самые чудовищные картины умирания, многие под воздействием заклинания Бахамгаму проходят через настоящий кошмар и потом долгое время не могут прийти в себя. В свое время я видел трех пациентов Приюта Безумных, чье заболевание стало прямым, хоть и не мгновенным следствием такой ворожбы. В годы моей молодости заклинание Бахамгаму было довольно популярным способом отомстить врагу, которого по какой-то причине нельзя убивать. Мне, к слову, оно даже в юности не нравилось. Ни разу его не использовал. Хотя добрым человеком не был никогда.

— Вот уж не знаю, — вздохнул я. — Сперва не хотел отпускать меня одного бузить в Иафахе, я же помню. Теперь вот от засады спасать прибежал. Недобрые люди обычно так не суетятся.

— Доброта, равно как и ее отсутствие, тут ни при чем. Просто я сейчас обучаю тебя азам магии. Такого рода отношения накладывают на меня ответственность за твою безопасность. Впрочем, не могу сказать, что тебе так уж повезло, моя защита — не ахти что. Именно в этой области у меня нет ни особых талантов, ни даже удачи. И Тотохатту я в свое время не уберег. Тоже опоздал на несколько секунд, в точности как сегодня.

Он говорил это тем самым отстраненным, высокомерным тоном, который меня всегда так бесил. Однако сейчас я все-таки понял, что интонация — не то, на что следует обращать внимание, когда имеешь дело с Шурфом Лонли-Локли. Зато можно, например, посмотреть человеку в глаза. И тут же отвести взгляд, потому что — невыносимо.

— Он был Мастером Преследования? — спросил я. Просто чтобы не молчать.

— Совершенно верно. Лучшим из Мастеров Преследования, какие мне когда-либо встречались; впрочем, сэр Джуффин, который видел побольше моего, говорил то же самое. Собственно, мастерство Тотохатту и погубило.

— Как такое может быть?

— Когда Мастер Преследования близок к цели, он больше ничего не видит и не слышит, так уж они устроены. И чем выше уровень мастерства, тем безупречней концентрация на цели. Напасть на него в этот момент проще простого, даже в засаде прятаться не обязательно — все равно не заметит, если идет не по твоему следу. Обычно я всегда сопровождал Тотохатту в погоне и своевременно устранял любую опасность. Но в тот день я немного замешкался, и Тотохатта не стал меня дожидаться — не захотел или просто не смог, даже опытный Мастер Преследования далеко не всегда способен контролировать себя после того, как встал на след. А у того, за кем гнался Тотохатта, был превосходно вооруженный сообщник. Ты уже имеешь некоторое представление о моих Перчатках Смерти. Теперь представь себе, что их копию решил изготовить деревенский кузнец, дотошный и трудолюбивый. Показали бы эти нелепые орудия мне, я бы, пожалуй, не поверил, что они могут убивать. Однако пепел, в который превратился Тотохатта, ничем не отличался от пепла, остающегося от моих жертв. У меня, как ты понимаешь, быстро появилась возможность сравнить.

Мы помолчали. Я зачем-то спросил:

— Это случилось в девятый день пятьдесят девятого года?

Он кивнул. Потом задумался. И наконец поглядел на меня с некоторым интересом, как будто я был не слишком нужной, но довольно редкой библиотечной книгой.

— А почему ты назвал именно эту дату?

— Куруш как-то посетовал, что в девятый день пятьдесят девятого года никто не купил ему пирожных. Он же все помнит. А потом сказал — дескать, вас можно понять и простить, это был наихудший день. Если учесть, что нашу лавочку до сих пор не прикрыли, а сотрудники Тайного Сыска все-таки гибнут нечасто...

— При желании ты способен неплохо работать с информацией, — снисходительно сказал Лонли-Локли. И, немного помолчав, добавил: — Нечасто, да. До того дня мне вообще в голову не приходило, что может случиться подобное. Надо обладать очень пылким воображением, чтобы представить себе обстоятельства, способные привести к гибели сэра Джуффина Халли или, скажем, того же сэра Кофы. И на собственный счет я вполне спокоен. Все свои шансы умереть молодым я уже давным-давно упустил. И по этой причине считал неуязвимым Тотохатту — просто за компанию. Думал, если он с нами, значит, такой же, как мы. Непростительная глупость. Неудивительно, что его гибель в некоторой степени выбила почву у меня из-под ног.

— Зато о моей уязвимости ты, похоже, не забываешь ни на секунду, — усмехнулся я.

— Так именно поэтому. Было бы странно, если бы я по-прежнему считал, что служба в Тайном Сыске сама по себе является гарантией неуязвимости. Ты не стал ни осторожнее, ни могущественнее, ни, что особенно важно, опытнее в тот день, когда были подписаны документы о твоём назначении. Понимание всегда расширяет зону ответственности, хотим мы того или нет. Именно поэтому я считаю своим долгом по мере своих сил тебя опекать.

Ага, притом что добрым человеком ты никогда не был, подумал я. Вот уж повезло мне так повезло. Теперь дело за малым — найти того, кто спасет меня от такого защитника, и тогда я, возможно, все-таки выживу.

— Думаю, ты уже можешь попробовать встать, — сказал Лонли-Локли. — Но если почувствуешь, что нога еще болит...

— Немного, — соврал я, поднявшись. И, сообразив, что притворство может привести к тому, что меня снова заставят валяться под лестницей, поспешно добавил: — Но до спальни как-нибудь доковыляю.

— Уверен, ты даже не знаешь, левая или правая нога была сломана. Однако понимаю, чем продиктована твоя ложь. Я попробую убедить сэра Джуффина, что вызывать тебя в Дом у Моста сегодня не стоит. Тем более что развлечений у него и так будет предостаточно, — и Лонли-Локли выразительно поднял руку, между пальцами которой были спрятаны мстительные молодые Магистры.

Только теперь я осознал, до какой степени хочу спать. Хотя прямо тут, на полу снова укладывайся не раздеваясь. И ясно, что ванная теперь уж точно подождет. И вообще всё.

Спаситель мой, похоже, понял, сколь мучительна для меня каждая секунда разлуки с подушкой, и поспешно пошел наверх, к выходу. Очень

великодушно с его стороны. В этот миг я возлюбил его практически как брата.

— Спасибо тебе за все, сэр Лонки-Ломки, — сказал я ему вслед.

Нечаянно оговорился, что с сонного человека взять. Но он застыл, обернулся ко мне, и, грешные Магистры, как же его перекосило! Как будто на гвоздь босой ногой напоролся. Или, того хуже, на встречу бывших армейских сослуживцев в своем любимом трактире. Настолько живой эмоциональной реакции на происходящее я у него еще никогда не наблюдал.

— Сэр Мелифаро, на всякий случай напоминаю, что моя фамилия Лонли-Локли, — сухо сказал он. — До сих пор тебе удавалось произносить ее правильно. Надеюсь, в ближайшем будущем ты вновь обретешь внезапно утраченную способность.

Сердце мое затрепетало от восторга, даже сонливость как рукой сняло. Похоже, я все-таки нашел способ превращать «безупречнейшего из людей» в нормального живого человека. Я твердо пообещал себе не злоупотреблять этим методом. Прибегать к нему, только когда почувствую, что мои запасы братской любви к нему в очередной раз исчерпались. Возможно, тогда мне удастся дожить хотя бы до конца года.

Впрочем, судя по тому, что я жив до сих пор, я здорово недооценивал его выдержку.

Прекрасно даже не то, что я спал почти до заката, а то, что проснулся совершенно самостоятельно. Шурф Лонли-Локли меня не будил, и вообще никто. На радостях я хотел было послать зов шефу, узнать, как у нас дела, но в последний момент решил, что лучше не рисковать. Вполне возможно, они там в Доме у Моста просто забыли о моем существовании, но стоит подать признаки жизни, и начальство тут же возопит, что мое отсутствие ранит его нежное сердце. И плакал тогда завтрак. С утра-то я еще могу без него обходиться, но отсутствие завтрака после заката ставит под угрозу само мое существование.

Спасаться я решил в «Алой булке», — этот маленький трактир, к моему горькому разочарованию, закрылся, вернее, переехал в Новый город больше дюжины лет назад. Не то чтобы там так уж вкусно готовили — не хуже, чем у большинства соседей, но, скажем, с тем же «Обжорой Бунбой» не сравнить. Однако красота и веселый, покладистый нрав владелицы целиком искупали все несовершенства ее повара.

Сообщив хозяйке, что ее роскошная задница — зрелище, затмевающее даже закат над Хуроном, я сделал заказ, огляделся в поисках места и

увидел, что в дверях стоит сэр Хамбара Гаттон. Хвала Магистрам, он успел переодеться, и теперь на его костюм было приятно смотреть — тонкая алая скаба под элегантным голубым лоохи, а на голове желтый тюрбан, великолепно дополняющий этот изысканный ансамбль. Увидев, что я его заметил, сэр Хамбара улыбнулся, приветливо и, как мне показалось, смущенно:

— Я не решился побеспокоить вас дома и поэтому специально зашел за вами сюда. Но если вы хотите поесть в одиночестве, я могу подождать где-нибудь по соседству.

— Да нет, зачем. — Я даже удивился такой деликатности. — Буду рад, если составите мне компанию. Только имейте в виду, кухня здесь не то чтобы выдающаяся.

— Неважно, — отмахнулся он. — Я не голоден, а Осский Аш, хвала Магистрам, везде одинаков.

Я внутренне содрогнулся. Осский Аш — отличное пойло, но лично меня он почти мгновенно сшибает с ног. И если придется прямо с утра пить его за компанию, день закончится, так толком и не начавшись.

Видимо, мои чувства отразились на лице, потому что сэр Хамбара поспешно предложил:

— Вы будете есть, а я пить. Таким образом, из нас двоих в сумме получится один приличный клиент.

— Пожалуй, — согласился я. — Честно говоря, я только что проснулся. К тому же в ближайшее время наверняка выяснится, что меня ждут на службе. Я просто оттягиваю этот момент, как могу.

— Весь день пытаюсь — не то чтобы напиться, просто немного расслабиться, — пожаловался сэр Хамбара, лихо отхлебнув чуть ли не половину своей порции. — Ничего не выходит, как будто воду пью. Кстати, будет смешно, если в один прекрасный момент выпитое все-таки подействует — все одновременно. Пока этого не случилось, сделаю то, ради чего вас выследил. Выражу глубочайшее восхищение в единственно доступной мне сейчас форме.

Он поднялся из-за стола и отвесил мне в высшей степени церемонный поклон. Я даже немного растерялся.

— Нет-нет, я не свихнулся, услышав, что Кеттариец не собирается запира́ть меня в Холоми, — усмехнулся сэр Хамбара. — И не стараюсь столь причудливым способом свести с вами дружбу. Просто отдаю должное человеку, сумевшему вцепиться в единственную подсказку, которую я смог ему дать. Шансов на это, честно говоря, почти не было. Я и не надеялся, просто сделал то небольшое, что мог, совершенно не рассчитывая, что моя

попытка принесет хоть какой-то результат. Вы же, на мой взгляд, совершили невозможное.

— Похоже, на это ушли все мои силы и способности, — вздохнул я. — Потому что понять, о чем вы говорите, по идее, должно быть несложно, да? А я все равно не понимаю.

— Это я скверно объясняю. После общения с Кеттарийцем поневоле начинаешь думать, будто все вокруг прекрасно осведомлены, что у тебя на уме. На самом деле произошло вот что. Заклинание, которым связал меня мой бывший приятель, исключало возможность не только открыто рассказать кому-то о своих делах, но даже намекнуть. В противном случае я бы давно нашел выход, благо мастеров разгадывать ребусы среди моих знакомых всегда хватало. Скажу больше, если бы я решил под каким-нибудь предлогом встретиться с тем же Кеттарийцем или Кофой, я бы погиб мучительной смертью при первой же удачной попытке собеседника порываться в мои мыслях. То есть я, кроме всего, должен был любой ценой избегать прямого контакта с проницательными людьми вроде них, а если уж не удалось уклониться, защищать свою внутреннюю территорию от вторжения сколько хватит сил.

— Безвыходное положение, — кивнул я.

— Не то слово. И вдруг Кеттарийцу взбрело в голову прислать ко мне по пустяковому делу именно вас, человека, лично знакомого с леди Гетти, да еще в тот самый день, когда она должна была прийти ко мне, уладив дела на спрятанном накануне корабле. Разумеется, устроить вам дружескую встречу в гостинной означало подписать себе смертный приговор. Но немного вас задержать в надежде, что вы с Гетти столкнетесь у входа, — это я мог. Случайная встреча на улице — это просто случайная встреча на улице, я тут как бы и ни при чем.

— Похоже, вы пошли на огромный риск, — сказал я.

Вспомнил, с каким энтузиазмом он демонстрировал мне свои волшебные побрякушки, гонял по столу послушную командам посуду из Квехо, дирижировал сводным хором охранных амулетов. И все это время его жизнь висела на волоске. Поразительная все-таки выдержка у человека. Вот что значит старая школа.

— Ваша правда. Но что мне еще оставалось? Самое трудное было — сперва искренне увлечься разговором, а потом спохватиться и выпроводить вас в нужный момент. Я немного поспешил, вы уже сели в амобилер, а Гетти еще не было, но, к счастью, вы ее все-таки увидели. И обернулись посмотреть, куда она вошла. Максимум, на что я мог рассчитывать, — что вы расскажете об этой встрече брату, который по понятным причинам до

сих пор следит за делами бывшей подружки, чтобы в случае нужды прийти на помощь, — это совершенно в духе сэра Анчифы, которого я, надо сказать, безмерно уважаю, сколь бы двусмысленным ни казалось наше с ним нынешнее взаимное положение... Ну, то есть, по моим расчетам, при максимально благоприятном стечении обстоятельств обман мог вскрыться, и в этом я видел шанс на спасение — мизерный, но единственно возможный. Однако вы превзошли не только мои ожидания, но даже самые смелые мечты. Не знаю, как вам это удалось.

— Просто повезло, — честно сказал я. — Если бы на следующий день в городе не объявился веселый призрак, если бы сэр Кофа не отправил меня побеседовать с его создателем, если бы не выяснилось, что сэр Атва гостит у своего брата, Королевского парфюмера, если бы тот не стал спяну жаловаться, что жена уехала в Куманский Халифат, если бы я не встревожился сдуру, что леди Гетти потом объяснит отсутствие товара пиратским нападением, а мой Анчифа, чего доброго, возьмет вину на себя, чтобы ее прикрыть, — если бы, если бы, бесконечные «если бы»... Я вот думаю, может, просто у нашего Короля такая счастливая судьба, что всякий заговор против него раскрывается как бы сам собой? Вот и вы уж на что сами влипли, а, выходит, делали что могли, лишь бы хоть какой-то знак подать.

— Ну я-то, положим, не ради Короля старался, — отмахнулся сэр Хамбара.

— Нет, это понятно, что вы спасали себя. Но в итоге ваши действия пошли на пользу Его Величеству. Именно это я и называю удачей.

— Пожалуй, — кивнул он. И, помолчав, добавил: — Только спасал я, конечно, не себя.

— Ох. — Я почувствовал, что краснею. — Извините. Почему-то в голову не пришло, что...

— Когда-то я познакомился с Гетти именно ради своего хитроумного плана, — сказал сэр Хамбара. — Это было вскоре после ее свадьбы, которую все знающие люди считали скорее удачной сделкой капитана с оптовым покупателем товара, чем сердечным союзом. Не то чтобы я всерьез намеревался когда-нибудь осуществить свой замысел, мне всегда было интересно изобретать заговоры и скучно воплощать их в жизнь. Однако мне было приятно знать, что с нужным человеком я уже знаком и использовать ее в случае необходимости, пожалуй, смогу. Между нами сразу установилась взаимная симпатия, хотя я далеко не сразу понял, до какой степени она взаимна. Моя жизнь тогда и без того была порядком запутана. У меня довольно бурно заканчивался один роман и, как мне

казалось, завязывался новый с некоей таинственной незнакомкой; позже выяснилось, что она просто присматривалась ко мне, прежде чем показать путь на Темную Сторону, и это событие наполнило мою жизнь совершенно новым смыслом. С тех пор о дурацкой суеде с заговорами я и шутки ради не вспоминал. А вот о леди Гетти думал даже на Темной Стороне. Я хочу сказать, она действительно наступила мне на сердце. И близкие отношения с ней я завязывал совершенно без задней мысли, даже не вспоминал, зачем когда-то с ней познакомился, — до тех пор, пока в столице не объявился окончательно сбрендивший в изгнании Махони и не устроил мне веселую жизнь.

— Вот оно как, — сказал я. Просто чтобы не молчать.

— Ваш ужин остыл, сэр Мелифаро, — заметил Хамбара Гаттон.

— Завтрак. Неважно. Остыл так остыл... Жаль, что я ничего не понимал. По крайней мере, смог бы ее немного успокоить.

— А она очень сердилась?

— Да нет, не очень. Скорее огорчилась. Сказала, что, похоже, совершенно не разбирается в людях. Но теперь-то можно ей все объяснить. У вас же выбора не было из-за этого заклинания, да? А если леди Гетти не поверит, может спросить у Джуффина. Они вроде неплохо поладили. Хвала Магистрам, что существует Безмолвная речь и можно очень быстро все исправить.

— По-моему, Безмолвная речь тут не поможет, — вздохнул Хамбара Гаттон. — Когда такой разговор, надо быть рядом. В глаза человеку смотреть.

— Если бы я умел ходить Темным Путем, отправился бы к ней немедленно, — сказал я. — Чего тянуть?

— Прямо на корабль?

— Ну да. Вы же умеете прокладывать Темный Путь сами? Впрочем, я бы, пожалуй, и о помощи попросить не постеснялся, было бы кого. Но вам-то помощь не нужна, правда?

— Правда. Но я никогда не слышал, чтобы кто-то прокладывал Темный Путь на плывущий корабль, точное местонахождение которого никому не известно. Задача сама по себе настолько нетривиальная, что... Впрочем, тут можно попробовать... Ого! Похоже, вы подали мне превосходную идею, сэр Мелифаро.

Я не стал говорить, что сделал это исключительно по причине непроходимого невежества. Но ни секунды не заблуждался на собственный счет.

— Даже не знаю, чем смогу вас отблагодарить, — вздохнул сэр

Хамбара Гаттон.

«Просто подарите мне Короля кельдей», — подумал я. Но постеснялся сказать это вслух. Дурак был, теперь самому смешно. Поэтому произнес совсем другое:

— Ответьте, если можно, на несколько вопросов. Следствия по вашему делу, как я понимаю, теперь то ли вовсе не будет, то ли сэр Джуффин сам его проведет, и не факт, что все мне расскажет. А я до сих пор, хоть убейте, не понимаю, почему Магистр Махони Анмахони не наложил заклятие на леди Гетти? По идее, ему так было бы спокойнее, нет?

— Я сказал ему, что это опасно. Дескать, леди Гетти часто бывает при дворе вместе с мужем, а там постоянно крутятся колдуны из Семилистника, да еще и Кеттариец чуть ли не каждый день навещается с Его Величеством кружку камры выпить. И если Гетти попадется на глаза сведущему человеку, способному заметить, что она околдована, — прощай наш прекрасный план. Махони, к счастью, не дурак, понял, что такое вполне может случиться. И не стал рисковать. Еще что-нибудь объяснить?

— Да. Величайшая загадка для меня — зачем Магистр Махони попросил вас устроить девицу, в которую он превратился, на службу к Атве Ачуани? Почему он в Иафахе отсиживаться не стал, это я хорошо понимаю. Леди Сотофа рано или поздно вывела бы его на чистую воду. Но можно было просто нанять квартиру в городе. Неужели решил сэкономить?

— А что, с него стало бы, — усмехнулся сэр Хамбара. — Однако причина все же иная. Чутье на неприятности у Махони всегда было отменное. Он вдруг начал терзаться дурными предчувствиями и решил, что, если о наших делах кто-то все же пронюхает, удобно будет выставить заговорщиками братьев Ачуани. Сэр Атва и правда идеальный подозреваемый. Отставной колдун, вечно во всеуслышание ругающий Кодекс Хрембера. Легко поверить, будто он решил самолично изменить порядки в Соединенном Королевстве, подсыпал зелье в продукцию брата-парфюмера, с его ведома или нет, неважно. В доме сэра Атвы Махони готовил, так сказать, вещественные доказательства. Складывал по темным углам свертки со своим порошком и самопишущие таблички с письмами в высшей степени подозрительного содержания. Собирался, насколько я знаю, наложить на сэра Атву соответствующее заклинание, чтобы тот, в случае чего, сам по первой же команде признаваться, но выяснилось, что в чужом теле колдовать гораздо труднее, всему приходится учиться заново. Не с нуля, конечно, а все-таки за несколько дюжин дней не наверстаешь. Кроме всего, в доме Атвы полно потайных комнат, и Махони спрятал там собственное спящее тело, которое перед этим чуть ли не

каждый день таскал из одного укрытия в другое, очень боялся, что его найдут и, чего доброго, сумеют разбудить, девочка-то много интересного порассказала бы.

— А почему он просто не спрятал ее — себя — у вас? Вы же ни в чем не могли его послушаться.

— Совершенно верно. Но Махони все равно не решился. Очень уж дорожил своей брэнной оболочкой. Как будто верил в возможность пользоваться двумя телами одновременно. Впрочем, кто его знает, может, и такое бывает.

— Забавно получается. В итоге Магистр Махони сам показал мне дорогу к разгадке, — сказал я. — Не застал бы я никого в доме на улице Поющих Рыб, так и к Королевскому парфюмеру не поехал бы. И не узнал бы, что муж леди Гетти думает, будто ее с позавчерашнего утра нет в городе. И не стал бы вспоминать, где она сейчас на самом деле... Кстати, а почему вы ее усыпили, перед тем как сбежать на Темную Сторону? Какой в этом был смысл? Почему просто не отпустили леди на корабль, как она сама хотела? Ушла бы в Куманский Халифат, и привет. Груз-то, в случае чего, потом просто подменить можно.

— Как почему? Чтобы защитить от Махони. Он и так был в панике после того, как немного порылся в вашей голове. Самым безопасным местом для леди Гетти в такой ситуации была моя спальня. Даже думать не хочу, что могло бы случиться, если бы именно в этот момент Махони обнаружил, что она сбежала. Он совсем потерял голову — судя по тому, что решил спрятаться в Иафахе, где вы его благополучно изловили. Мог бы хоть секунду спокойно подумать, сообразил бы небось, куда суется.

— Этого, кстати, я тоже не понимаю. Такой могущественный человек — и вдруг потерял голову.

— Ну, во-первых, это вовсе не редкость, — пожал плечами сэр Хамбара Гаттон. — Свихнувшихся колдунов во все времена было больше, чем нормальных. И не сказал бы, что, к примеру, в нашем Ордене уделяли такое уж большое внимание воспитанию выдержки.

— Глядя на вас, не подумаешь.

— Да-да, мне уже не раз говорили — такой приличный, разумный человек, даже не верится, что из Ордена Решеток и Зеркал. А мне просто повезло с дедом. Он меня вырастил, родители-то ни о чем, кроме своих Орденских дел, и слышать не желали... Впрочем, все это совершенно неважно, сэр Мелифаро. Если у вас больше нет вопросов, я, с вашего позволения, откланяюсь. Попробую немного поспать, а потом со свежей головой примусь за решение практической задачи, которую вы для меня

столь великодушно изобрели.

Он поспешно встал и вышел из трактира. А я смотрел ему вслед и думал: все-таки надо было не вопросы задавать, а просить Короля кельдей. А теперь, пожалуй, уже неловко его окликать... Может быть, завтра?

Тогда я еще не знал, что «завтра» одно из самых опасных слов на свете. Парализует волю похлеще иного заклинания, склоняет к бездействию, в зародыше уничтожает планы и идеи. Но я вплотную приблизился к этому скорбному знанию на следующий день, когда сэр Джуффин Халли наконец пожелал видеть меня в своем кабинете. Увы, не затем, чтобы передать мне Королевскую благодарность. И даже не для того, чтобы спросить, как я себя чувствую после нападения семерых гореколдунов из Семилистника, и поведать, какие сокровища нам удалось оттапать у Магистра Нуфлина в обмен на их горячие головы.

— Кельди! — вот все, что я от него услышал. — Кельди ждут тебя, сэр Мелифаро, жалобно позвякивая в карманах своих незадачливых владельцев. Я помню, что обещал тебе два Дня Свободы от Забот, но сперва, будь добр, разберись с этими грешными эльфийскими деньгами. Ни одно дело нельзя бросать незаконченным.

— Так и знал, — мрачно сказал я.

Взял служебный амобилер и помчался к дому с кривой башенкой так быстро, как только мог. Однако все равно опоздал.

Сэра Хамбары Гаттона не было дома. Слуг он то ли вовсе никогда не держал, то ли избавился от них, когда поневоле стал заговорщиком, поэтому я даже расспросить никого не мог. Немного поколебавшись, отправил ему зов и услышал в ответ: «Сэр Мелифаро, у меня все получилось — я имею в виду, технически. Насчет остального пока не знаю. Поэтому, если можно, давайте поговорим позже».

Да уж, хорош бы я был, если бы завел сейчас скорбную песнь про волшебную монетку. Смирившись с мыслью, что теперь придется самому с утра до ночи долдонить дурацкое заклинание и прислушиваться к тихому свисту, я горько вздохнул напоследок и отправился по оставшимся адресам.

Еще три с половиной дня моей жизни стали непрерывным подвигом, плавно перетекающим в овеществившийся кошмар. Когда я наконец высыпал на стол сэра Джуффина последнюю партию кельдей, мне уже даже напиться не хотелось. Разве только сбежать в Арварох, где денег, как известно, нет вовсе — не только эльфийских, а вообще никаких.

Но я, конечно, опять никуда не сбежал.

Что касается дела о заговоре против Его Величества Гурига Восьмого, оно закончилось для меня довольно неожиданным образом.

Сэр Джуффин Халли вызвал меня с утра пораньше — ну, положим, в этом-то ничего неожиданного не было. Надо сказать, я так ошалел, собирая кельди, что не ждал от встречи с шефом ничего хорошего. Думал, небось сейчас выяснится, что вчера дюжина обитателей Шимурэдского леса изволила зайти за покупками на Сумеречный рынок, поэтому все начинается сначала, — более оптимистическим мыслям в моей бедной голове тогда не находилось места.

Однако шеф ни слова не сказал об эльфийских деньгах. Одарил меня почти отеческой улыбкой и сказал:

— Я тут думал о твоём отпуске, сэр Мелифаро. И решил, что двух дней категорически мало.

В принципе, я целиком разделял его мнение. Но так удивился, что слова вымолвить не смог.

— За два дня, — добавил шеф, — ты даже доехать до Гажина не успеешь.

— Почему именно до Гажина?

— Хочешь знать все причины? Изволь. Во-первых, вольный город Гажин очень красив. Во-вторых, ты там еще ни разу не был — непростительное упущение. В-третьих, в Гажине живет мой добрый друг. Я хочу отправить ему подарок, который никак не могу доверить почтовому ведомству. Хотя, теоретически, в Кодексе Хрембера нет специального запрета на пересылку призраков по почте...

— Призраков? — Я ушам своим не поверил. — Вы хотите подарить своему другу призрака?!

— Согласен, «подарить» — не совсем корректное слово. Господин Унхан Магарас совершенно свободное, самостоятельное существо и не может быть преподнесен кому бы то ни было в качестве подарка. Однако он сам выразил желание пожить в Гажине, где призраки не только свободно передвигаются по улицам, но и пользуются всеобщим уважением. А мой друг согласился его у себя принять. Его дом — очень подходящее место для нашего Обжоры-хохотуна, ты, не сомневаюсь, оценишь.

— То есть вместо того, чтобы два дня гулять в свое удовольствие, я должен отвезти призрака в Гажин? — резюмировал я.

— И гулять в свое удовольствие там. Целых два дня, как я и обещал. Время, затраченное на дорогу, я зачту как проведенное на службе. А если по пути ты будешь делать перерывы на сон и еду, я, конечно, рассержусь. Но, честно говоря, не очень. К твоему возвращению, пожалуй, уже и не

вспомню. Только одна просьба — первые часов пять дуй без остановок. Чтобы господин Унхан Магарас как можно скорее покинул территорию, на которой ему официально запрещено находиться. Потому что если бы я решил обложить себя штрафами за содержание призрака в столице, мне пришлось бы расстаться с жалованьем за две дюжины дней. Пора с этим кончать.

— Ага, — кивнул я. — Ну хоть домой за сменной одеждой я могу смотаться?

— Можешь, — великодушно решил шеф. — Но через час жду тебя здесь.

Я так торопился, что, только сев за рычаг служебного амобилера, на заднем сиденье которого среди корзин с припасами взволнованно трепетал почти невидимый при солнечном свете Обжора-хохотун, сообразил наконец, что надо бы обрадоваться — отпуску и поездке, и тому, что призрак наш, похоже, благополучно пристроен в хорошие руки. Вряд ли все-таки этот неизвестный житель Гажина питается привидениями, хотя, конечно, от друзей сэра Джуффина Халли можно ожидать чего угодно.

— Спасибо, — сказал я шефу. — За отпуск и за поездку. Я бы сам, пожалуй, отсыпаться завалился. Приятное занятие, но есть на свете вещи поинтересней. Например, путешествия.

— Я тоже подумал, что надо бы время от времени подкармливать тебя новыми впечатлениями, — согласился сэр Джуффин. — Чтобы твой двойник не решил, что ты зануда, каких свет не видывал, и не сбежал от тебя на другой край Вселенной.

— А что, и так бывает? — встревожился я.

Шеф злодейски ухмыльнулся, явно намереваясь всласть меня попугать, но в последний момент передумал.

— Не бывает, — твердо сказал он. — Со Стражами вообще ничего настоящего страшного никогда не случается. Для вас даже смерть — веселое дело, чего тревожиться о прочих пустяках. Езжай уж, счастливчик.

Долгая поездка в вольный город Гажин оказалась отличным отдыхом, хотя призрак время от времени забывал, что меня нельзя отвлекать от дороги, принимался заразительно хохотать, пожирая припасы, и мне поневоле приходилось к нему присоединяться. Впрочем, мы оба довольно быстро брали себя в руки, причем пару раз мне удалось успокоиться первым — передать не могу, как я тогда гордился этим достижением.

Друг шефа с виду был вылитый арварошец, только до столь солидного возраста уроженцы Арвароха почти никогда не доживают. Уж не знаю, кем

были его родители, но эти добрые люди называли своего сына Зогги, в честь злобного кактуса. При этом говорил он, растягивая гласные, как истинный уроженец Кеттари, а характером обладал столь легким и покладистым, что, если бы мне пришлось, как в студенческие времена, подыскивать себе товарища для совместной аренды квартиры, я бы позвал Зогги, не раздумывая ни секунды.

В доме его было полно детей — я так толком и не понял, кем они приходились Зогги, но, судя по внешности, вряд ли родней. Призрак, бывший при жизни чадолюбивым отцом и дедом, сразу почувствовал себя в своей стихии. За обедом же Зогги обнаружил, что ему больше не надо уговаривать своих питомцев доест суп, скорее уж наоборот, следить, чтобы никто не объелся. И это открытие, как я понял, дивным образом преобразило его и без того вполне счастливую жизнь.

Я отлично отдохнул в Гажине и еще лучше на обратном пути, благо на заднем сиденье амобилера спится ничуть не хуже, чем в огромной домашней кровати. Дома, впрочем, тоже было неплохо. По крайней мере, собирать эльфийские деньги шеф меня еще года три не посылал, а это уже кое-что.

Сэр Хамбара Гаттон так и не вернулся в Ехо. Я слышал, что он купил дом в Капутте, а примерно полгода спустя прислал доверенных слуг, которым было поручено упаковать для отправки в Уандук наиболее ценные предметы его коллекций и продать остальные, так что Король кельдей навсегда уплыл из моих рук. В утешение я говорю себе, что никакая благодарность не заставила бы сэра Хамбару расстаться с этим уникальным экземпляром, так что даже хорошо, что я промолчал, — по крайней мере, не поставил нас обоих в неловкое положение.

Перевозку коллекций через море, к слову сказать, взяла на себя леди Гетти Ейхелли, которая по сей день как ни в чем не бывало продолжает курсировать между Ехо и Куманским Халифатом; впрочем, с мужем, который был отправлен в отставку сразу после окончания следствия, она никаких дел больше не ведет и, кажется, почти не ночует в его доме, хотя в такого рода вопросах я бы не стал полагаться на городских сплетников. Зато им, похоже, неизвестно, в чьем доме останавливается леди Гетти, когда приходит в Капутту, — и хвала Магистрам. Если когда-нибудь любовные интрижки этой парочки погубят Куманского Халифа, это будет не наша проблема, так что я о своих догадках больше никому ни слова не скажу, даже вам.

Что касается моей провальной попытки отыскать дорогу к сердцу Магистра Махони Анмахони, заключенного в прекрасное девичье тело, я,

каюсь, попробовал ее повторить, после того как изрядно приунывший после доверительных бесед с сэром Джуффином заговорщик занял почетное место в списке приглашенных на ближайший обед к коменданту Холоми (который, надеюсь, сообразит заказать на десерт куманское медовое мороженое), а вышеупомянутое тело вернулось к хозяйке. Увы, с тем же результатом. Бедняжка, похоже, так толком и не поняла, что именно с ней случилось, однако вывод из своего неудачного романтического приключения сделала вполне предсказуемый: решила, что интересоваться мужчинами — пустая трата времени, верить им нельзя, а подпускать к себе на расстояние вытянутой руки смертельно опасно. Теоретически ее можно понять, на практике же я пришел в отчаяние и пребывал в этом прискорбном состоянии бесконечно долго, не то четыре дня, не то целых пять.

— Что же до совершенного инструмента, — говорит гость, — беседа с шефом на эту тему состоялась несколькими годами позже. При обстоятельствах на первый взгляд не самых подходящих для серьезного разговора, хотя сейчас мне вполне очевидно, что более удачного момента выбрать было нельзя. Я тогда ввязался в драку с одним некстати вернувшимся в Ехо Старшим Магистром Ордена Стола на Пустоши. С моей стороны это был довольно храбрый, но очень глупый поступок; впрочем, я все-таки как-то задержал его до прибытия Лонли-Локли, который, повинуясь воле злокозненной своей судьбы, в очередной раз немного замешкался. Однако вместо трупа беднягу поджидал всего лишь изрядно контуженный я, мертвой хваткой вцепившийся в озадаченного моей живучестью пленника. Сэр Джуффин потом долго приводил меня в чувство, попутно развлекая рассуждениями о совершенном инструменте. Я, конечно, почти ничего не запомнил, но это, как оказалось, неважно, правило проникло в кровь вместе с лекарствами, усвоилось, прижилось и стало частью меня.

— Но что-то все-таки запомнил? — спрашивает Макс.

— Совсем немного. Что совершенный инструмент не интересуется ни собой, ни исполнителем, ни даже мелодией, которую воспроизводит. А только самой возможностью звучать, играть, приводить в движение силы, о природе которых сам не имеет представления, изменять мир — поскольку для совершенного инструмента это и значит — **быть**. Впрочем, совсем не факт, что шеф говорил именно это. Но я понял и запомнил именно так. И решил, что это мне подходит.

— И не только тебе, — говорит Франк. — Быть совершенным

инструментом — это вообще всякому живому существу подходит. Просто мало кому так везет — чтобы задача была поставлена настолько внятно, да еще и в самом начале пути. Ты и правда счастливчик, твой начальник не преувеличивал.

Макс тем временем встал, подошел к окну, распахнул его настежь. Триша сперва чуть под стол не спряталась от ужаса — как же можно, у нас же часы еще на столе, **другое время**, ну! Но увидела, как прячет улыбку явно довольный его выходкой Франк, и перевела дух. Получается, можно и так?

— Иногда, — шепотом говорит ей Франк, — можно вообще все. Важно, конечно, почувствовать или хотя бы угадать, когда наступит такой момент. Самая простая разновидность магии. И почти никому не доступная.

А Макс прижимает палец к губам — дескать, тише, слушайте, слушайте.

Там, за окном, и правда что-то шуршит, дрожит, звенит, как струя, стучит, как сердце, свистит, как ветер, гомонит неразборчивым хором голосов, и этот немыслимый хаос постепенно сливается в один-единственный звук, гулкий, густой и глубокий, бесконечно длящийся, заполняющий все вокруг, как стремительно прибывающая вода.

А потом Франк перевернул свои песочные часы, и сразу воцарилась тишина, да такая, что слышен частый перестук ударов ножа по столешнице — это небось соседка, тетушка Уши Йоши, рубит зелень для салата, она всегда очень поздно ужинает.

— Спасибо, — говорит Макс. — Ты прав, на первый раз действительно достаточно.

— Что это вообще было? — спрашивает гость.

Он, похоже, ошеломлен и одновременно счастлив, Триша уже знает, что так бывает, хоть и не может пока представить, как помещаются эти огромные чувства в одно-единственное существо, с виду вполне человеческое.

— Это было... Даже не знаю, как сказать. Считай, что было **все сразу**, — смеется Макс.

— Это был **ход времени**, — добавляет Франк. — Идеальный камертон для совершенного инструмента. Лучше не бывает.

А Триша думает — хорошо все-таки, что зонт не оставили в коридоре, принесли сюда. И не в корзину сунули, а повесили на крюк под потолком. И теперь мы отражаемся во всех зеркальных осколках одновременно, и как же нас стало много, как много, не сосчитать.

---

notes

Примечания

Эхлы — великаны, их рост может достигать от двух до шести метров. В настоящее время чистокровные эхлы живут в основном в горном княжестве Кебла и в стране Умпон на материке Чирухта. Эхлы, как и другие представители расы крэйев (драххи, скархлы, крёггелы, фаффы, хлеххелы, кархавны, хребелы), — исконные обитатели материка Хонхона, на котором расположено Соединенное Королевство. Подробно обо всех расах Мира рассказывается в повести «Наследство для Лонли-Локли». Что касается семейства Мелифаро, по иронии судьбы среди их далеких предков были и великаны эхлы, и крёггелы, то есть гномы.

Гугланд — одна из провинций Соединенного Королевства, полное название которого звучит так: Соединенное Королевство Угуланда, Гугланда, Ландаганда и Уриуланда, а также графств Шимара и Вук, а также земель Благостного Ордена Семилистника, а также вольного города Гажин и острова Муримах. Столица Соединенного Королевства Ехо находится в Угуланде.

Когда в ходе повествования упоминают магию, по умолчанию подразумевается именно угуландская Очевидная магия. Если речь заходит о какой-то иной традиции, это обычно специально оговаривается.

Краткая историческая справка. Ехо, столица Соединенного Королевства, расположен в непосредственной близости от источника магической силы, которое принято называть Сердцем Мира. Поэтому там с древних времен практиковали так называемую Очевидную магию, в основе которой лежит использование этого ресурса.

Следует отметить, что в Море существует множество принципиально иных магических традиций, однако жители Соединенного Королевства и особенно Угуланда всегда предпочитали использовать легкодоступную силу Сердца Мира, полагая ее источник неисчерпаемым.

Очевидную магию принято делить на Черную и Белую. При помощи Черной магии манипулируют материальными объектами, Белая же предназначена для влияния на такие явления, как настроение, память, ощущения и проч. Впрочем, почти для всех приемов Очевидной магии (кроме самых примитивных) требуется умение сочетать фундаментальные принципы Черной и Белой магии в одном жесте.

Кодекс Хрембера, или просто Кодекс, свод законов, помимо прочего, жестко ограничивающих использование Очевидной магии, был создан, когда стало ясно, что больше недопустимо игнорировать опасность скорого истощения Сердца Мира, которое неизбежно привело бы к гибели, вернее, исчезновению всего живого. Принятию этого закона предшествовала столетняя гражданская война, развязанная Королем Гуригом Седьмым и Орденом Семилистника против всех остальных магических Орденов, которые, потерпев поражение, были распущены, а наиболее опасные противники Кодекса посажены в тюрьму Холоми или отправлены в изгнание. Изгнание стало эффективной мерой, поскольку на большом расстоянии от Сердца Мира использовать Очевидную магию столь затруднительно, что подавляющее большинство практикующих полагает это невозможным.

Для понимания ситуации, сложившейся в Соединенном Королевстве в эпоху Кодекса и общего отношения населения к новому законодательству, следует особо оговорить, что в угрозу Очевидной магии дальнейшему существованию Мира мало кто верит. И простые горожане, и

могущественные колдуны по большей части уверены, будто Кодекс Хрембера был принят для укрепления власти Короля и его единственного союзника, Ордена Семилистника.

О том, кто такой Лойсо Пондохва и почему он оставил столь добрую память в сердцах сограждан, немало рассказано в циклах «Лабиринты Ехо» и «Хроники Ехо»; особенно много информации о нем можно найти в повести «Ворона на мосту».

Уандук — название одного из материков Мира. Изначально на Уандуке обитала раса кейифайев (эльфов), чьи потомки давно расселились по всему Миру. Подавляющее большинство нынешнего населения Уандука — не чистокровные кейифайи, а потомки смешанных браков.

Королевская тюрьма, расположенная на острове Холоми. В Холоми попадают только лица, совершившие преступления, так или иначе связанные с применением магии. Для преступников, не злоупотреблявших запретной магией, есть тюрьма Нунда, которая расположена в болотах Гугланда и считается каторжной, поскольку условия пребывания там менее комфортны, чем в Холоми, — в частности, в распоряжении каждого заключенного имеется только одна ванна, да и хороших поваров туда на работу никак не звать.

Горячий безалкогольный напиток, заменяющий жителям Соединенного Королевства чай и кофе одновременно.

Безмолвная речь ~ способ разговаривать, не открывая рта, в том числе с собеседником, находящимся на сколь угодно большом расстоянии. Требуется применения второй (в некоторых особых случаях третьей) ступени Белой магии, а потому не запрещена Кодексом Хрембера. Безмолвной речью владеют все или почти все граждане Соединенного Королевства и многие иностранцы. Когда инициатор такого диалога связывается со своим визави, это действие обычно описывается выражением «послал зов».

Жители Укумбийских островов в Укумбийском море не только повально промышляют пиратством, но и достигли в этом непростом деле заоблачных высот мастерства.

Столичные бедняки могут зайти в любой трактир и потребовать там еду (но не выпивку) за счет Его Величества. В конце каждого года Король, не желающий, чтобы среди его подданных были голодные, оплачивает предъявленные трактирщиками счета. Его Величество Гуриг Восьмой, как и все его предшественники, не раз предпринимал попытки завести такие же порядки в других городах Соединенного Королевства, но Королевским благим намерениям на протяжении веков упорно препятствуют чиновники Казначейства, которых пугает не столько увеличение расходов, сколько перспектива дополнительных хлопот, связанных с пересылкой денег.

В Ехо (и других городах Соединенного Королевства) практикуется как оплата наличными в момент покупки, так и открытие кредита, который следует погасить до окончания года. Второй способ пользуется большой популярностью, поскольку позволяет не носить с собой постоянно наличные деньги, слишком частые прикосновения к которым, согласно народной примете, лишают удачливости в любви. За тысячелетия постоянного использования Очевидной магии, которая позволяла всякому кредитору в любой момент без хлопот найти и призвать к ответу должника, жители Соединенного Королевства так привыкли быть честными в расчетах, что даже в эпоху Кодекса желающих уклониться от оплаты счетов практически не появилось. Исключение составляют разве что трактиры с дешевой выпивкой и скверной репутацией — их хозяева отдают себе отчет, какого рода публика собирается в заведении, и никому кредитов не открывают.

Правитель Куманского Халифата — большого богатого государства, расположенного на Уандуке.

Кумон — столица Куманского Халифата.

Некоторые подробности этого прискорбного дела всплывают в повести «Дорот — повелитель манухов».

Квехо — небольшой городок в стране Тарун, на материке Чирухта.

О событиях, приведших к такому положению дел, рассказывается в повести «Властелин Морморы».

Это действительно многое объясняет. Великий Магистр Хонна добровольно распустил Орден Потаенной Травы задолго до принятия Кодекса Хрембера, еще в самый разгар Смутных времен, внезапно заявив, что колдовать, используя силу Сердца Мира, слишком просто, а значит, всякий стремящийся к совершенству маг должен продолжить обучение вдали от Угуланда. Дед Мелифаро, знаменитый в свое время Магистр Фило, любимый ученик Хонны, поддержал своего учителя и тоже удалился в добровольное изгнание. Никому не известно, как сейчас дела у Фило Мелифаро, а вот Магистру Хонне, судя по событиям, описанным в повести «Белые камни Харумбы», изгнание действительно пошло на пользу.

То есть изготовленных в Шиншийском Халифате, еще одном большом и богатом государстве Уандука. Поскольку Шиншийский Халифат расположен вдали от моря, о нем известно гораздо меньше, чем, скажем, о Куманском Халифате. С точки зрения рядового обывателя Соединенного Королевства, Шиншийский Халифат — практически страна чудес.

Капутта — крупнейший морской порт Куманского Халифата.

Куфаг — крупное верховое и выючное животное, обитающее в Уандуке.